

84/210574c/6

П35

Письма из
Зурбагана

**КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТОК
СРОКОВ ВОЗВРАТА**

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Колич. пред. выдач.	

13

84 (2 лос = Рус) / 6
1735

Письма из Зурбагана

Сборник
повестей, рассказов и стихов
слушателей Школы
литературного мастерства
Владислава Крапивина
При Тюменском
государственном
университете

9/14

Тюмень 2014

146442/2

28

УДК 82.161.1 (081)
ББК 84 (2=411.2) 6я43
П 35

П 35 Письма из Зурбагана. Сборник. Повести, рассказы, стихи. – Тюмень: ОАО «Тюменский издательский дом», 2014.

Ответственный редактор и составитель:

Булатов Михаил, Сергей Козлов

Иллюстрации:

Мария Цыганкова

Обложка, верстка:

Булатов Михаил, Мария Цыганкова

Письма из Зурбагана: сборник повестей, рассказов и стихов слушателей Школы литературного мастерства Владислава Крапивина при Тюменском государственном университете.

Сборник литературных опытов и экспериментов, поставленных учениками Школы литературного мастерства им. Владислава Крапивина под руководством куратора объединения Булатова Михаила и писателя Сергея Козлова, включает в себя произведения разных жанров и стилей. Большинство произведений публикуется впервые. Предназначен для читателей и издателей, заинтересованных в поиске новых писательских имен и перспективах развития Тюменской книги.

Студия Михаила Булатова находится под руководством профессора ТюмГУ, писателя Сергея Сергеевича Козлова, благодаря которому эта книга вышла в свет

ISBN 978-5-9288-0248-6

© Коллектив авторов, 2014

© ОАО «Тюменский издательский дом», 2014

СОДЕРЖАНИЕ:

Предисловие руководителя и составителя	5
Рассказы и повести	9
Тамара Ильина	11
Два товарища	
История вторая	21
Мария Цыганкова	36
О женской глупости	
Михаил Булатов	61
Красные маки	
Созвездие Большого Пса	131
Екатерина Егорова	154
Маленький секрет	
Юлия Евстигнеева	175
Тот, кто всегда позади	
Конь	180
Алексей Крутов	185
Джорди	
Горько-сладкая симфония	191
Екатерина Хозяинова	204
В поисках Деда Мороза	

Иван Миллер Ключ	211
Сергей Потемкин Навстречу Избранному	218
Стихи	233
Мargarита Чекунова	234
Владимир Фурсов	238
Евгения Зонтикова	242
Екатерина Петрова	246
Ирина Евстигнеева	249
Андрей Лебедев	251
Иван Миллер	252
Дарья Плодник	254
Анжела Бецко	258
Василий Полушкин (Екатерина Выдрина)	261
Анна Шушунова	265
Мария Цыганкова	266
Салават Сабиров	271
Сергей Потемкин	272

Предисловие руководителя и составителя

Несколько слов о вечных сюжетах

Давным-давно, около полувека назад, я с ребятами из отряда «Каравелла» приехал в Ригу. Там комсомольское начальство собиралась проводить игру «Нептун Балтийского моря». Рига показалась нам замечательным городом. Никто не знал тогда, что она через какое-то время делается заграницей. Она завораживала своей стариной, сказочностью, парусным дыханием...

У набережной острова Кипсала стояла обветшавшая трехмачтовая баркентина «Капелла». Морское начальство ломало головы, что с ней делать, а мы повадились ходить на это судно в гости, чтобы поглубже впитать в себя ощущения морской жизни. И вот однажды к таким ощущениям прибавилось еще одно. К борту «Капеллы» пришвартовался обшарпанный рыбачий траулер. Он был поржавевший, помятый, немало потерпевший в штормовых переделках. В отличие от баркентины, совсем не отличавшийся экзотическими формами. Но на железном борту выделялось замечательное имя – «Зурбаган». Как неопровержимое свидетельство причастности этого судна-работяги к гордому

семейству кораблей, которые хранят в себе верность океанской романтике.

– Ого! – сказали ребята постарше, те кто читал Грина. А младшие, с Грином еще не знакомые, пожелали узнать, что такое (или кто такой) Зурбаган. Мы сели на сколоченный из могучих свай причал, и я стал рассказывать о замечательном писателе, о придуманных им городах, кораблях и удивительных героях. Светила сквозь такелаж и рангоут всплывшая над Даугавой луна, перекликались в ближнем переулке неугомонные мальчишки, покрикивали корабельные сирены. Во всем этом было дыхание приморских легенд, городов по имени Лисс, Гель-Гью и Зурбаган и сюжетов, от которых замирает душа.

Наконец один из самых маленьких (и самых дотошных) слушателей вмешался в разговор:

– Но ведь корабли называют именами людей и городов, которые были на самом деле. А Зурбаган – он же придуманный. Разве так можно?

Я сказал, что можно. Раз город живет в книгах, в сознании и памяти людей – он существует на самом деле.

Ребята были понятливые, они согласились...

Ощущение того давнего вечера вернулось ко мне, когда я стал читать рассказы студенческого сборника «Письма из Зурбагана», составленного

молодыми авторами и редакторами нашей Школы литературного мастерства. В них – отзвук гриновских историй о силе любви и стремлении преодолеть одиночество. Пусть нет в этих сюжетах борьбы с морской стихией, авантюрно закрученных фабул и заморской экзотики, но есть желание преодолеть разобщенность человеческих душ, даже если эти души из разных миров и пространств. Сила душевных привязанностей оказывается сильнее привычных бытовых обстоятельств. Любовь побеждает, хотя на первый взгляд какие-то сюжеты могут оказаться излишне печальными...

Хочется верить, что «Письма из Зурбагана», написанные авторами этого сборника, дойдут до многих читателей и вызовут у них, в свою очередь, стремление к творчеству, где торжествуют доброта и сострадание к людям...

Конечно, здесь речь идет прежде всего о прозе, о рассказах. Стихи юных авторов могут показаться читателям более сложными и субъективными. Это и понятно: молодые поэтические натуры стремятся к более метафорическому изложению своего творческого мировосприятия. Для них прежде всего важно не то, что вокруг, а то, что внутри. Но встречаются и строчки, близкие по настроению и теме прозаической части сборника.

Например, стихотворение Евгении Зонтиковой
«Мост»

*...Я, засыпая, вижу сон.
И в нем я – встреча двух сторон,
Двух берегов далёких.*

*Я – грусти и тоске конец,
Начало дружбы двух сердец,
Уже не одиноких.*

Как видите, здесь тоже стремление к единению человеческих душ. Пусть это стремление не оставляет молодых поэтов и прозаиков...

Владислав Крапивин

Рассказы и повести

Тамара Ильина

От автора:

Когда нужно написать о себе, то ничего интересного и вдохновляющего в голову не приходит. Я люблю море, сказки и драконов, занимаюсь в литературной школе. И пишу сказки. Для детей и о детях. Я хочу, чтобы они были добрыми и светлыми, чтобы когда-нибудь я прочтала их и своим детям.

Два товарища

Он заметил ее издалека. Изящная золотая корона маленьким солнцем сверкала в ее каштановых кудряшках. Голубое, как лесные колокольчики, платье трепетало на ветру. Это была она. Принцесса. Да и кто еще может гулять в королевском саду? С золотой короной на голове. Это точно была она.

Дракон заложил еще один круг и резко пошел вниз, на полянку, где что-то внимательно высматривала принцесса. От хлопанья крыльев резкий порыв ветра заставил голубое платьишко превратиться в тот самый колокольчик, с которым сравнивал его дракон ранее. Принцесса же подняла глаза и удивленно застыла. Прямо перед ней на поляне в самом центре королевского сада, который день и ночь охраняла целая армия стражников, сидел дракон. И пытался выпустить из глотки пламя, как должен сделать любой уважающий себя дракон. Это известно всем, даже принцессам. Не зря ее дважды в неделю заставляют учить историю и мифологию. Правда, выпустить пламя у дракона так и не получилось, он закашлялся, схватил принцессу в лапы и взлетел.

От такой наглости принцесса совершенно потеряла дар речи. Наверное, ей следовало бы испугаться, плакать и кричать от ужаса. Но сейчас она могла думать только о нарушении этикета.

«Какой же невоспитанный этот дракон», – подумала принцесса и схватилась за корону на голове. Если она ее потеряет, дома будет скандал. Мама будет долго укоризненно качать головой, а старая няня сетовать на непутевое дитя. И вспомнит, что это уже третья корона за год. И на таких принцесс-растеряш никаких корон не напасешься.

Тем временем они прилетели. Дракон проник в огромную пещеру, еще немного поплутал по длинным лабиринтам и, наконец, поставил свою добычу на пол. Добыча внимательно его рассматривала. Она в первый раз видела дракона, и хотя гувернантка строго-настрого запрещала вот так открыто и беззастенчиво рассматривать кого-то, принцесса не могла сдержаться. Дракон явно не слушал маму и плохо ел. Он был мелковат, да и сейчас, после своей ноши, слегка запыхался. Но красивый, отметила она главное. У него была ярко-зеленая чешуя с золотыми искорками, что даже во тьме пещеры иногда вспыхивали живым огнем. Огромные золотые глаза были добрыми. А его голову венчали маленькие острые рожки.

– Ну, – наконец сказала принцесса. – Ты зачем меня похитил?

– Я, я не знаю, – смутился дракон, и его чешуя покрылась густым румянцем. – Так все драконы делают. Вот и я. Тоже сделал, – вздохнул он. Потом

он выпустил тонкую струйку дыма, и повернулся к принцессе хвостом. – Мне мама не разрешает разговаривать с незнакомыми.

– Мне тоже, – сказала принцесса. И повернулась к дракону... бантом на платье. Но вот так сидеть, когда возле тебя живая принцесса (или дракон), совершенно неправильно. Первой не выдержала принцесса. Она встала, расправила платье и покашляла. Так всегда делала ее мама, чтобы привлечь чье-то внимание. Но дракон молчал. Тогда она покашляла громче – никакого результата. Пришлось прибегать к радикальным мерам. Принцесса схватила дракона за хвост и дернула. Легонько. Но дракон подскочил, как ужаленный.

– Ты чего дерешься? – недовольно спросил он, сопя и прижимая хвост к себе.

– Я подумала, – начала принцесса, – что если мы познакомимся, то уже не будем незнакомыми. И можно будет разговаривать. Тогда я узнаю, зачем ты меня похитил.

– Давай, – согласился дракон, – я Пуферций Асцеус Ровертус.

– Хватит, хватит, – принцесса задумалась, – я это все равно не запомню.

– Это потому, что наши имена слишком сложны для вашего понимания. Так мама говорит, – покачал головой дракон.

— Тогда я буду звать тебя Пуф. Или Пуфик, – радостно закончила девочка. – А меня зовут Аврора. Это в честь спящей красавицы. Только я не буду спать, как она. И веретено в руки не возьму. Да и феи ко мне не прилетали. То есть мы теперь можем общаться? – тут же перевела она разговор.

— Думаю, да. Мы ведь теперь знакомы. А тебе сколько лет?

— Ой, что ты, такие вопросы девушкам не задают, – засмушалась принцесса. По крайней мере ее мама всегда так говорила.

— А мне 99, – гордо сказал Пуф. – Этой зимой целых сто будет.

— Целых сто, – повторила девочка. – Так ты такой старый. Старше, чем моя бабушка. И чем кухарка Сьюзи.

— Я не старый, – обиделся дракон. – Просто мы взрослеем дольше. И живем мы долго-долго.

— Не обижайся, – Аврора погладила его по морде. – Мне 12, это конечно, меньше, чем сто, но больше, чем 11. Давай мы лучше поиграем.

— Во что? – оживился дракон

— Не знаю. А что у тебя есть? – спросила девочка. Все ее игрушки остались дома.

— Пошли, я покажу тебе свою сокровищницу. Я ее сам собираю. – Хотя на самом деле часть ее осталась в наследство от старшего брата, часть – мама и папа

дарили на день рождения. А еще часть – принесли драконы-старейшины в честь его рождения. Но говорить о таком не хотелось. Пусть ему всего 99, но гордость-то у него драконья.

Они прошли несколько длинных коридоров и попали в огромную просторную пещеру. Ее своды переливались разноцветными камнями в бледном свете, исходившем от стен. Понять, откуда идет свет, девочке не удалось, хотя она долго крутила головой в надежде увидеть факелы или свечи.

– А откуда идет свет? – заинтересовалась она.

– Это все растения, – пояснил дракон.

– Растения?

– Ага, подземные. Пещерные растения. Они растут по стенам и светятся вот таким красивым голубым светом. Это моя мама придумала сажать их в комнатах. Правда, красиво?

– Красиво, – согласилась девочка. – Ну и где твои богатства?

– А вот и они, – показал Пуф на небольшую кучу сокровищ в углу пещеры.

Там валялись золотые и серебряные монеты, слитки золота, кубки, инкрустированные драгоценными камнями, богато украшенные доспехи и оружие, жемчуга, алмазы, рубины, сапфиры и прочее вещи, что так дороги драконьему сердцу.

– А где же игрушки? – озадачилась Аврора. – Как этим играть?

– Других у меня нет, – смущенно отозвался Пуф, и даже в бледном свете пещеры было видно, что он покраснел.

– Хм, – сказала принцесса и внимательно посмотрела на кучу сокровищ. – Я знаю, во что мы будем играть. Я буду смелым рыцарем, а ты – драконом. И я буду тебя побеждать, – с этими словами она попыталась вытащить огромный двуручный меч. Но он оказался слишком тяжел для ее детской руки. Тогда пришлось взять обычный кинжал. Хотя в тонкой девичьей руке он вполне мог сойти за меч.

– Защищайся, чудище поганое, настал конец твоим злодеяниям, – звонко провозгласила принцесса и взмахнула кинжалом.

– Я не хочу играть в такую игру, – помрачнел Пуф. – Я и так дракон. А ты еще чудищем поганым обзываешься.

– Пуф, Пуфик, миленький, ну прости. Я совсем не это имела в виду. Ты очень-очень красивый. Ну давай, я буду храбрым рыцарем. А ты...

– А я? – переспросил дракон.

– Да, на принцессу ты не похож. Давай, ты будешь... будешь моим рыцарским конем. Смелым и очень красивым. Я тебе даже бант повяжу. Хочешь?

– Хочу, – согласился дракон и наклонил голову, чтобы девочка повязала ему на шею огромный голубой бант со своего платья.

Потом она залезла на дракона, правда, не с первой попытки, и они отправились в увлекательное путешествие по пещере и ее окрестностям. Так за рыцарскими подвигами прошел целый день. Незаметно подкрался вечер, и на поляну перед пещерой опустился огромный черный дракон.

– Мама вернулась, – жалобно сказал Пуферций и виновато опустил голову.

– Пуферций Асцеус Ровертус, будь добр, объясни, что здесь происходит? И что здесь делает человеческий ребенок?

– Мам, я... Мы играли, – дракончик весь сжался и стал похож на щенка. Очень виноватого маленького щенка.

– Откуда она тут взялась? Не сама ведь пришла? – голос драконицы рокотал, и мелкие камушки испуганно катились с вершины горы к ее ногам.

– Я ее принес, – тихо-тихо ответил Пуф.

– Зачем?

– Я хотел принцессу, – еще тише сказал дракон и попытался слиться с огромным валуном.

– Ну зачем тебе принцесса? Я же тебе на прошлой неделе волка принесла. А месяц назад – овцу. Тебе

что, игрушек мало? – устало и даже дружелюбно спросила драконица.

– Я не игрушка, я – принцесса, – решила подать голос девочка. – Я Аврора Третья, дочь короля Марциуса и королевы Элизабет, принцесса Западного королевства. И Пуфик не виноват. Он хороший.

– Пуфик? Она называет тебя так? О, драконьи боги! – простонала драконица и закатила глаза. – Полетели, отнесем твою принцессу назад. Ее мама, должно быть, уже переживает.

* * *

В небе над замком появились две черные точки, которые стремительно приближались и вскоре превратились в драконов. Одного – черного и огромного, а второго – маленького и зеленого. Большой дракон в лапах аккуратно и бережно нес девочку в голубом платье.

– Не стреляйте, у них Их Высочество, – закричали с одной из башен, когда драконы приблизились достаточно, чтобы их можно было рассмотреть.

Наконец они приземлились на площади перед замком, куда уже высыпали вся дворцовая стража, челядь и придворные. Всем было интересно знать, что же происходит. Король с королевой в окружении стражи тоже стояли тут. Драконица осторожно поставила девочку на землю, и та, живая и здоровая,

побежала к маме. Черный дракон крылом легко шлепнул маленького по хвосту и пододвинул вперед.

– И что ты должен сказать? – тихим шепотом, но так, что слышали даже в замке, спросила она.

– Уважаемый король и королева, я случайно похитил вашу дочь. Я не хотел ничего плохого, – опустив голову, забубнил зеленый дракон.

– Дальше, что ты еще должен сказать?

– Ну, мааа, – протянул дракон, получил крылом по попе и продолжил, – простите меня, пожалуйста. Я так больше не буду.

Королева подмигнула драконице и, взяв Аврору за руку, строго спросила:

– Что нужно ответить?

– Большое спасибо, что вернули меня домой.

– И...

– И извините, что шумно себя вела и пришла без приглашения, как подобает настоящей принцессе, – вздохнув сказала она.

– Ну, мы разобрались, – улыбнулась королева. И, посмотрев на драконицу, сказала: – Пойдемся, выпьем по ча... ну чая, и вы мне расскажете, что моя Аврора успела вытворить.

И они с большим черным драконом удалились в сад, куда расторопные слуги уже несли столы, скатерти и сервизы.

Девочка с драконом остались на террасе, глядя в спину удаляющимся матерям.

– Ну вот, моя мама начнет рассказывать, как я потерялся в детстве. И залез в нору к медведю, – вздохнул Пуф. – И про мой первый молочный зуб. И про то, как я долго не мог выговорить букву р.

– А моя – про то, как я маленькой всем говорила, что я мальчик и даже просила сшить мне мальчицкий наряд. И про то, как я упала с яблони, и у меня шрам на коленке.

...– А вы знаете, Пуферций в детстве совершенно не выговаривал букву р. Представляете, дракон, который не может рычать. Это было так ужасно, – слышался из сада громкий шепот мамы Пуфика.

– Ну вот, началось, – грустно сказали дети.

Мамы, они никогда не меняются, и не важно, дракон у тебя мама или королева.

История вторая, в которой мы знакомимся с новым героем и узнаем, есть ли у драконов молочные зубы

Солнце ленивой улиткой ползло по небосклону, медленно двигаясь к закату. Аврора рассеянно смотрела в окно, пропуская мимо ушей лекцию уважаемого профессора, который должен был обучить ее «тем незыблемым устоям, на которых наш мир стоит от дня его сотворения». Но его слова об устройстве «небесного океана и светил, что плавают в его пучине» никак не находили дорогу ни в ее сердце, ни в ее милую головку. Которая была забита совершенно не тем.

Аврора думала о том, что как только песок в часах истечет и ее занятие закончится, к ней придет друг. Не из тех, с которыми надо дружить, потому что ее венценосные родители так сказали. Во благо государства ведь когда-нибудь ты взойдешь на престол, и будет лучше, если возле тебя будут друзья. И не потому, что это были специальные пажи, которым надлежало развлекать принцессу. Нет, это был ее, и только ее, самый настоящий друг. Не принц, не знатный аристократ и не паж. А всего-навсего дракон. Самый настоящий, только еще маленький. С длинным именем, которое принцесса все же запомнила, чем она втайне гордилась. Пуферций

Асцеус Ровертус – такое имя носил ее новый друг, но она его звала Пуфик. И он даже был не против.

Наконец, мучительное ожидание закончилось, последние песчинки покинули верхнюю колбу и присоединились к своим собратьям внизу. Аврора была свободна и, не дожидаясь, пока седой и очень важный профессор скажет ей что-то на прощание, выбежала из кабинета и поспешила в сад, где ее уже ждали.

При приближении девочки небольшой ярко-зеленый дракон радостно вскинул голову и выпустил облачко дыма. Он прилетел пораньше и ждал в саду под большой старой яблоней и немного волновался. Он всегда немного нервничал, когда прилетал в гости к принцессе, тут был огромный замок, целая толпа разных людей, отряд воинственно блестящих на солнце рыцарей, стайка нервных девушек в пышных платьях, которые при его появлении пытались упасть в обморок (желательно в чьи-то надежные руки), визжащие служанки и еще много других незнакомых и непонятных ему, дракону, людей. Сейчас они привыкли к тому, что у их принцессы появился новый необычный друг, перестали пугаться и падать в обморок, но некоторая скованность осталась. Пуфу было неловко в этом признаваться, но он тоже стеснялся всех этих людей, они казались ему странными и слегка пугающими, к тому же вся

эта непрерывная суета, беготня и многоголосый незатихающий шум, что неизменно на пару минут исчезал, когда он появлялся в замке...

Девочка выбежала во двор и вопреки всем «правилам приличия и поведения для юных принцесс» бросилась на шею дракону, чем неизменно вгоняла последнего в краску. Пуф не мог привыкнуть к такому проявлению эмоций и потому замирал и зажмуривал глаза.

Потом они пили чай с плюшками, принцесса – из красивой фарфоровой чашки с незабудками, а дракон – из красивого чана, который специально для него сделали и разукрасили королевские мастера. Стол, который вынесли в сад, был заставлен разнообразными пиалами с вареньями, джемами, медом и тарелками с булочками, пирожными и леденцами. Пуф сначала очень недоверчиво относился к сладостям, ведь он никогда их не ел, не пробовал и даже не видел. И вся выпечка, вкусно пахнувшая ванилью и корицей, яблоками и малиной, вызывала у дракона удивление. Еще более странным ему казалась густая цветная масса, что называлась мед и приносилась пчелами. А еще прозрачные камушки, которые назывались леденцы, хотя на ощупь холодными они не были.

Когда дракон все же решился попробовать все эти непонятные вещи, то оказалось, что драконы еще те

сладкоежки. И работы у кондитеров прибавилось. Попробуй прокорми пусть маленького, но дракона.

Пока дракон с принцессой пили чай и наслаждались сладостями, которые только можно достать в этой части света, за ними наблюдали из-за огромной старой яблони, что росла неподалеку. Кто-то смотрел, как корзиночки с заварным кремом, украшенные фруктами и ягодами, пышные румяные булочки с завитками в виде короны, пироги с начинкой из персиков и многое-многое другое исчезает в широкой пасти дракона, как весело смеется принцесса, когда сливки пачкают чешуйчатую морду.

Наконец, на постороннего наблюдателя обратили внимание. Им оказался высокий для своего возраста, худой и какой-то очень нескладный, с торчащими, как у кузнечика, коленками, мальчишка. Его ярко-рыжая шевелюра полыхала в солнечных лучах, как настоящий костер. Все его лицо, руки и даже слегка оттопыренные уши были усеяны россыпью коричневых веснушек. Поняв, что его заметили, мальчишка попытался спрятаться в тени старой яблони, но было уже поздно. Аврора сурово нахмурила брови, совсем как делала ее мама и, стараясь, чтобы голос ее звучал, как можно строже, спросила:

– Кто ты такой? И как ты смеешь нарушать покой принцессы? – она очень надеялась, что получилось

строго и высокопарно, как того требует этикет.

– Я Седрик, В-ваше В-величество, прав-внук Сьюзи, в-вашей кухарки, В-ваше В-величество, – длинный, как жердь, Седрик, изо всех сил пытался съежиться и стать маленьким-маленьким.

– Я – не Ваше Величество, я – Ваше Высочество, – назидательным тоном начала объяснять принцесса, – Ваше Величество – это обращение к королю и королеве.

Седрик меж тем заливался ярко-красной краской, словно старался слиться с румяными яблоками и избежать пристального взгляда Авроры.

– И что ты тут делаешь, Седрик?

– Я, я хотел посмотреть на д-дракона, – заикаясь и краснея все больше, тихо, как мышка, ответил Седрик.

– Ты что, драконов не видел? И вообще, Пуферций – не цирковая диковинка, чтобы его разглядывали, так что я хочу, чтобы ты отсюда ушел и больше я тебя не видела, а то я маме пожа... – но договорить Аврора не успела, потому что чья-то большая когтистая лапа дернула ее за подол платья. Потом ей жарко и горячо что-то зашептали в ухо. До слуха мальчишки доносились обрывки фраз, сказанные громким драконьим шепотом.

– Но это же совсем не по этикету, – возмутилась девочка, выслушав дракона.

– А дракон за столом – по этикету? – парировал дракон. Аврора надула губки, нахмурила брови и сдалась.

– Седрик, если ты хочешь, то можешь присоединиться к нашему чаепитию, – не самым дружелюбным тоном сказала принцесса, зато дракон весело подмигнул и улыбнулся одной из своих самых обаятельных белоснежных улыбок, показав ряд острых и длинных зубов. От этой улыбки мальчишка резко сменил цвет лица с красного на белый и, кажется, был готов рухнуть в обморок: увидеть улыбающегося дракона – это не для слабонервных.

Дракон немного подвинулся, освобождая место, и Седрику ничего не оставалось, как присоединиться к компании. И хотя сначала за столом царило напряжение и казалось, что со стороны принцессы метят в мальчишку маленькие молнии, а тот готов провалится сквозь землю, спустя минут десять переставший заикаться Седрик рассказывал им о жизни простого деревенского мальчишки. Дракон в свою очередь рассказывал о жизни в пещере, полной сокровищ. А Аврора – о тяжелых буднях принцессы со всеми уроками танцев, занятиями по этикету, бесконечными правилами и запретами.

Так они и сидели: дракон, принцесса и обычный мальчишка, у которого бабушка работает королевской кухаркой, и весело болтали, немного жалуясь, немного приукрашивая действительность,

пока Пуф не ойкнул и не выплюнул что-то в зеленую когтистую лапу.

– Што-то твердое, – сказал он, пытаясь разглядеть это что-то.

– Это всего лишь орешек, – ответила Аврора.

– Ой, нет, нет. Это ше шуб. Это мой шуб, – Пуф с ужасом смотрел на свою лапу.

– Да нет же, – попыталась успокоить дракона девочка, – это всего лишь орешек из пирога. Хотя нет, – посмотрев на него, согласилась она и молча протянула дракону маленькое карманное зеркальце.

Пуф долго пытался увидеть что-то, кроме своей ярко-зеленой с золотыми искорками чешуи, и наконец, отражение показало его пасть и ровный ряд белых зубов... И в самом центре зияла большая черная дыра. Одного зуба не хватало, того, что сейчас был зажат в лапе.

– Это все от сладкого, – виновато протянула Аврора, – няня всегда говорила, что если будешь много есть сладкого, то зубы выпадут.

– И как... и што? Я теперь вшю шиснь беш шубов буду? Дракон беш шубов – какой пошор, – Пуф издал скорбный стон и повалился мордой в траву. Через секунду из травы раздались скорбные причитания и сдавленные рыдания.

– Пуфик, миленький, ты только не плачь, мы обязательно что-нибудь придумаем, – сказала

девочка и, словно ища поддержки, посмотрела на Седрика.

Тот сразу почувствовал себя намного увереннее, принял самый важный вид, на который только был способен, задумался и строго спросил:

– А сколько сладкого ты съедал в день? – но в ответ только слышались все более горестные рыдания.

– Тааак, – протянул Седрик. Его отец всегда так делал, когда из детей кто-то провинился. И все они очень боялись этого строгого и такого неопределенного «таааак». Потом он мельком глянул на Аврору, та во все глаза смотрела на него, словно ожидая чуда.

– Таааак, – снова протянул мальчик, почесал в затылке, и словно от этого простого жеста в его голову пришла замечательная мысль, которой он поспешил поделиться: – А когда у тебя зубы поменялись?

– Што? – с глухими рыданиями отозвались из зарослей травы.

– Зубы. Поменялись, – уже более уверенно спросил Седрик.

– Не менял я швои шубы ни на што.

– Нет. Молочные зубы.. Поменялись на коренные. Так у всех происходит. У меня уже ни одного молочного не осталось, – и словно в доказательство он продемонстрировал свои зубы, широко раскрыв рот.

– У меня нет молошных шубов. У меня все шубы нормальные. Я ими мяшо, а не молоко ем. Они большие и оштрые, – и в ответ Пуф тоже широко улыбнулся. От этой улыбки стало чуть-чуть нехорошо даже подготовленной принцессе. Седрик же снова поменял цвет, на этот раз на снежно-белый.

– М-молочные шубы. Тьфу, – мальчик попытался успокоится и взять себя в руки после ослепительной улыбки дракона, от которой даже бабочки попадали на землю, – молочные зубы есть у всех. У меня, у принцессы Авроры, – девочка тут же согласно закивала головой, – у моих мамы и папы, даже у бабушки были. А еще у всех наших собак и кошек были. А когда у меня выпадали молочные зубы, то я клал их под подушку. Для зубной феи. И утром находил под подушкой монетку или большой леденец на палочке.

Аврора и Пуф, который от удивления забыл, что жизнь кончена, и наконец отвлекся от орошения травы слезами, с недоверием смотрели на Седрика. Никто из них раньше не слышал о таком неведомом звере, который забирал чужие зубы и оставлял взамен монетки и леденцы.

– Я никогда о таком не слышала, – немного неуверенно произнесла принцесса. – И никто мне не приносил под подушку конфеты и монетки.

– А вы оставляли там зубы?

Аврора ненадолго задумалась:

– Пожалуй, что нет.

– Вот поэтому и не приносили, – хмыкнул мальчишка. – Кто же будет что-то приносить, если ему не дать то, что он хочет.

– И вообще, – немного недовольно протянула девочка, – у меня полно конфет, каких я пожелаю. И монетки мне не нужны. У моего папы их, – она широко развела руки, – оттт сколько. И даже больше.

– Плевать на конфеты, што с моим шубом-то будет, – подал голос дракон, который почти успокоился.

– У меня новый вырос, – ответила Аврора.

– И у меня тоже.

– А у меня? – с надеждой в голосе спросил дракон.

– Конечно, вырастет, – тут же воскликнула принцесса, но особой уверенности в ее голосе не было.

– Я не знаю, – покачал головой Седрик, – но есть тот, кому точно все понятно. Это моя ба, то есть бабушка, то есть прабабушка Сьюзи. Ей уже много-много лет, и ей известно все на свете.

И вся честная компания отправилась на королевскую кухню, ведь именно там работала прабабушка Седрика. Мальчик повел их не к красивой и нарядной большой двери, через которую заносили продукты, а к другой, неприметной, через которую то и дело бегали на улицу подышать воздухом поварята. Правда, всем им не удалось войти в невысокую дверь, которая вела на кухню, откуда доносились тихие

голоса, веселое бурление котлов и шкворчание пищи на громадных чугунных сковородках. Седрик и Аврора вошли в дверь и оказались в маленьком царстве, которое целиком и полностью принадлежало Сьюзи – главному повару королевского двора. Огромное помещение, в котором ни на минуту не затихала жизнь, было заполнено запахами приготовляемой пищи, которые волшебными ароматами щекотали нос и заставляли желудки жалобно урчать. Тут и там стояли огромные котлы, накрытые крышками и без крышек. На сковородках жарились аппетитные куски мяса, рыбы, тушились овощи. В печах, в которых уместился бы и целый бык, что-то пеклось, в общем, шли все приготовления к королевскому ужину.

– Бабушка, бабушка, – с порога позвал Седрик, так как знал, что без приглашения врываться в это царство еды не стоит. Пусть Сьюзи была немолода и приходилась ему прабабушкой, рука у нее была тяжелая, да и характер крутой. А лишний раз получить по шее, пока бабушка будет разбираться, что к чему, – ему совсем не хотелось.

– Что случилось? – Из клубов ароматного облака, пахнущего специями, появилась Сьюзи. – Ох, и Ваше Высочество здесь, – Сьюзи одернула передник и поправила косынку на голове. Все остальные повара давно носили странные белые колпаки, но Сьюзи не нравились нововведения. «Я уже слишком стара

для всей этой глупости», – именно так отвечала она каждый раз, когда ее спрашивали.

– Бабушка, у нас проблема... – немного смущенно протянул Седрик.

– ...У Пуфа выпал зуб, – продолжила принцесса.

– Шовсеш выпал, – грустно прошепелявил Пуф, просунув морду в дверь.

– Мы подумали, может, ты знаешь, есть ли у драконов молочные зубы, а то вдруг их нет? И Пуф останется совсем без зубов, – подвел итог мальчик.

Бабушка Сьюзи задумалась, вытерла руки о передник и строго сказала:

– Открывай рот, – и вся троица послушно открыла рты. – Да не вы. Пусть дракон откроет рот.

Пуф распахнул пасть, так широко, как только мог. И на несколько необычайно долгих секунд на всей огромной кухне не было произнесено ни единого слова, казалось, даже притихли бурлящие котлы.

Бабушка Сьюзи смело подошла к дракону и заглянула ему в пасть, ее седая голова в косынке почти полностью там скрылась. И Седрику стало очень страшно. Бабушка казалась такой маленькой, а дракон таким большим.

– Все нормально, это был молочный зуб. Я даже вижу кончик нового зуба. Коренного. Так что можешь не опасаться, что останешься драконом без зубов.

– Шпашибо Вам огромное, – радостно прошепелявил Пуф и расплылся в щербатой улыбке.

– Не за что, – ответила Сьюзи, – подождите минутку.

И она исчезла в облаке пара. Когда она вернулась, то в руках у нее было три огромные мытые морковки.

– Вот, погрызите. Очень полезно для зубов. И не налегайте на сладкое.

Все трое поблагодарили ее и отправились в сад, где остывал чай и ждало такое вредное и опасное, но очень-очень вкусное сладкое. А через пару часов о том, что у маленького зеленого дракона, который прилетает в гости к принцессе, выпал зуб, уже знал весь дворец. И даже кое-кто за его пределами. А еще о том, что в королевстве двое ждут невиданного ранее зверя – зубную фею.

А вечером, когда принцессе надо было ложиться спать и все-все вредные няньки и воспитатели покинули ее комнату, на балкон приземлилась большая тень. Тень бочком пробралась в комнату и превратилась в некрупного зеленого дракона с золотистыми искорками на чешуе.

– Ты все же прилетел. И принес его сюда, да? – радостным шепотом спросила принцесса.

– Принеш, – ответил дракон и протянул девочке свой первый молочный зуб, – я решил, что шубная фея не полешет под мою подушку. Точнее, под тот валун, на котором я шплю.

– Ну у меня-то с подушками точно все в порядке, – улыбнулась девочка, вспомнив тот кусок скалы, на котором спал дракон.

– Как думаешь, она прилетит?

– Не шнаю, но долшна. Не кашдый ше день ей драконьи шубы предлагают.

– И я думаю, что долшна, – согласилась принцесса, пряча зуб под подушку.

– На кого она, интересно, похожа? У нее самой зубы есть? А если есть, то зачем ей чужие?

– Не шнаю, – сонно пробормотал Пуф.

Потом они спрятались в другой части комнаты, где Аврора залезла на большое мягкое кресло, а Пуф свернулся калачиком на полу. И уже очень скоро они мирно спали, совсем забыв, что хотели выследить волшебную фею, которая должна прилететь за зубом дракона. И поэтому они не видели, как сначала на фоне звездного неба пронеслась огромная тень и села около дворца.

А потом в комнату тихо-тихо, босиком прокралась королева-мать и положила под подушку два свертка. Один небесно-голубой, как лесные колокольчики, тот самый цвет, что так любит принцесса. А другой – изумрудно-зеленый, с золотистыми искорками, что так похож на чешую дракона. А о том, что в этих свертках, наши герои узнают утром.

Январь – апрель 2014.

Мария Цыганкова

От автора:

Родилась на севере. Живу счастливой жизнью. Мечтаю однажды поселиться на берегу Балтийского моря и написать хорошую книгу. Сейчас много путешествую, рисую. Иногда пишу малую прозу, стихи, песни. А еще варю прекрасный кофе.

О женской глупости

Лети, сокол ясный. Меряй взмахами пернатых крыльев страну из конца в конец. Лети днем. Лети ночью. Полгода лети. Не останавливайся. Как вспоминать меня начнешь – садись в первом встреченном на пути городе, поживи там человеком. Пообвыкнись, пооботрись на новом месте. У тебя ведь не только крылья откуда надо растут – не пропадешь. Нигде. Работа таких, как ты, сама находит и кормит. Ладный ты, складный – с какого угла ни посмотри, а значит, один не будешь: ни за столом в пивной, ни зимней ночью под одеялом. Девки к тебе не то чтобы сильно липнут, но вниманием не обделяют. Мужики жоака в тебе чувят, товарища верного, который в любом деле первый. Такой за столом заскучать не даст: когда байкой развеселит, а то и песней лихой душу вынет.

А как новые друзья в тягость станут, да женщины по ночам не будут ни греть, ни радовать, да каждую вторую начнешь моим именем, на которое я никогда не откликаюсь, звать – пришло время вспомнить, кто ты есть на самом деле. И, если я снова начну тебе сниться, бросай все, поднимайся на крыло, оставляя далеко внизу город, где каждая улица стала чуть ли не роднее сестры, и лети против ветра.

Лети, сокол ясный. Меряй взмахами пернатых крыльев страну из конца в конец, от края до края. Полгода лети. Не останавливайся. А я ждать тебя стану. Думать о тебе при каждом выдохе. С кем ждать – это уже не твоя печаль. Кто ближе окажется, с тем себя и разделю. Вернешься – возлюбленной тебе стану. В жены все равно не возьмешь. Не берут ведьм в жены. Разве что в любимые... И не говори мне, что это легче...

* * *

Женщина по природе своей существо верное, не способное делить себя надвое. Сколько бы мужчин ее не знали – каждый, в отдельности, единственный для нее. Потому как нельзя быть с двумя мужчинами одновременно, а значит, изменить невозможно. Но это только при условии, что женщина живет настоящим, не имеет прошлого и сохраняет свободу от эфемерного будущего.

* * *

Полез в карман достать спичек. Вместо потертого коробка в ладонь ткнулось что-то прохладное, округлое. Ухватил тремя пальцами и вынул кольцо. Серебряное.

День обещал быть дождливым. Небо скребло рыхлым влажным брюхом высокие крыши домов.

Дома походили на корабли, давно севшие на мель, но все еще мечтающие о большой воде и зеленых волнах, бьющих о крутые борта.

Еще некоторое время он повертел в руках затейливую петельку белого металла. Положил обратно. Нашел спички. Прикурил темную папиросу. Затянулся.

Вредная привычка взяла свое меньше месяца назад, и на этот раз сдавать позиции здоровому образу жизни вместе со здравым смыслом не собиралась. В прошлом он неоднократно бросал, бросал бросать и бросал бросать бросать курить. Держался, самое большее, лет шесть. Потом, оправдавшись перед самим собой непростым жизненным периодом, начинал заново. Единственное, что оставалось неизменным, это марка и сорт табака.

Докурив, он опустил руку в карман. Уже намеренно нашел кольцо. Зажал в кулаке. Улыбнулся. Год назад, возвращаясь из очередной дальней дороги, он без дела бродил вокруг вокзала. Сейчас уже не вспомнить, что это был за город и откуда он ехал. Скорее всего, как обычно: из одного конца страны в другой, по делам, которых, как известно, не бывает только у мертвых. Времени до следующего поезда оставалось достаточно, чтобы успеть надышаться случайным городом, выпить кружку-другую темного пива в ближайшей забегаловке, закусить сочным горячим

чебуреком, посидеть на деревянной лавочке в парке и погулять по ближайшим улицам между домов-кораблей, всякий раз отмечая для себя что-нибудь интересное: то оплетенный плющом балкон, то деревянный ставень с резьбой, то уличный фонарь. Приезжим всегда все интересно. А родился в таком городе, всю жизнь мимо того фонаря проходишь да так и не заметишь причудливых завитушек в форме листьев платана.

Ноги сами привели его на порог антикварной лавки. Внутри оказалось на удивление светло и просторно. У кассы, на скрипучем стуле, дремал сухой, как осенний лист, старичок. Оглядев вошедшего от пыльных ботинок до высокого лба, он положил на стекло прилавка кольцо и улыбнулся. Посетитель повертел украшение то так, то этак, не торгуясь, расплатился. Вышел молча, как зашел.

«Вернусь – замуж позову. А не позову – так отдам. Ей должно понравиться. Она такие любит».

Всю дорогу до вокзала шел и улыбался.

Вернуться получилось не сразу. Как приехал, неотложные дела навалились вперемешку с заскучавшими старыми друзьями приятелями. Увидеться тоже не вышло. Еле нашел время между переездом друга, которому обещал помочь, и чьим-то торжеством – встреча получилась натянутой, скомканной и суетной. Долго смотрели друг на друга.

Молча. Она – по своему обыкновению. Он – не зная, с чего начать.

Кольцо в кармане показалось отлитым из свинца: тяжелое-тяжелое, к земле тянет. Плечи развернуть не дает.

Потом он что-то говорил, стараясь держаться уверенно. Невпопад говорил. Много и не о том, о чем думал. Рассказывал о своих друзьях. Об их лихой юности. О том, что лет семь назад пили они, не пьянея, и из всех споров правыми выходили. Все. Он, конечно же, вместе с ними. А жизнь тогда была веселая-веселая.

Она сидела на расстоянии метра. В глаза смотрела. Внимательно. Замолчал на полуслове. «Чего это она? Никак, душу вынуть хочет? Одно слово – ведьма! Такую не то что замуж, за руку не возьмешь. Глаза свои синие поднимет, и обернешься фонарным столбом. Будешь потом стоять чугунным болваном над лавочкой, – думал он, вынимая пустую ладонь из кармана куртки. – Потом, когданибудь, значит. Не сегодня, и ладно»...

Другой раз ничем не отличался от предыдущего, а третьего – не случилось. Дорога позвала, как обычно, – дальняя, как всегда – неожиданная, и дела, которых, только у мертвых не бывает...

* * *

Женщина подобна двери с замочной скважиной между ног. На протяжении жизни она подбирает ключи и отмычки, узнает о себе что-то неожиданно новое. После каждого ключа женщина необратимо меняется – обретает спокойствие, равновесие, мудрость. Случается, ключ открывает в женщине нечто такое, после чего она становится нестерпимо больше себя прежней – чувствует тоньше, видит дальше, понимает глубже. Так появляются ведьмы.

Хорошо, что одним ключом в полной мере открывается только одна дверь, иначе на улице было бы плюнуть некуда от ведьм.

Не все мужчины догадываются, что у них на самом деле между ног. Это, наверное, тоже хорошо.

* * *

Любила его больше своей жизни. Растворялась в нем, как мед в молоке, без остатка. Имя свое забывала, а его – даже во сне повторяла, будто молитву, и улыбалась, переполненная счастьем.

Если бы Господь на небесах уделял женщинам столько же внимания, сколько уделяет мужчинам, то покарал бы ее на месте за то, что сотворила себе кумира из любимого человека. Но Господь смотрит на женщин сквозь пальцы. Что с них, слабых духом и падких на все красивое, взять? Пока счастливы – не

вспоминают о том, что где-то есть Отец наш Сущий на небесах, где святится имя его, да будет царствие его, как на небе, так и на земле. А как приключится чего, кончится счастье, так имя господа по сотне раз на дню повторяют. Просят. Сетуют: «За что, Господи?». После каяться начинают: «Прости, дуру грешную»...

Что с них, дочерей Евы, взять? Одно слово – женщины.

К его приходу она готовилась, как к празднованию Рождества: чисто убирала дом, готовила вкусную еду, надевала самое лучшее платье, заплетала атласные ленты в волосы. Увидит, как она для него старается, и поймет – такую девушку, чтоб и умница, и красавица, и хозяйка хорошая, он больше нигде не сыщет. Она такая – единственная. Ведь она так его любит.

Носилась со своей любовью, как с сыном-первенцем, и не видела за ней глаз любимого человека. Жизни его не знала. Не хотела знать. С ним у нее все впервые было: цветы букетами, письма на нелинованной бумаге, прогулки по берегу реки, рассвет на крыше. Других мужчин тоже не было. Дверь внутри нее ждала подходящего ключа.

А она ждала любви, такой, как в книгах пишут. Чтоб голова кружилась, земля из-под ног уходила,

и себя не помнить от счастья, и свет клином...
Дождалась.

В середине зимы, тихим, по-домашнему уютным вечером, он пришел на порог ее дома, занесенный снегом по самый ворот пальто, непривычно молчаливый и задумчивый.

«Замерз, наверное», – думала она, наливая для гостя чай в самую большую кружку. К чаю он не притронулся. Сдержанно поблагодарив, оставил чашку, а после медленно произнес: «Выходи за меня замуж».

Счастью не было предела. Его стало больше, чем могла уместить в себе одна маленькая женщина.

Ближе к ночи поднялся ветер. Стена снежного крошева стерла границу между землей и небом. Чтобы дорогой гость, возвращаясь к себе, случайно не забрел на тот свет, хозяйка предложила ему остаться переночевать.

Он стал первым, с кем она разделила белизну накрахмаленных простыней, а когда он опустился рядом, тут же уснув, новорожденная женщина плакала от радости и улыбалась, ощущая рядом тепло его большого сильного тела.

Дверь внутри женщины стояла открытой. Когда первые лучи солнца пробились через загрунтованные инеем окна, из двери вышел дар. Дверь захлопнулась,

а дар остался. С каждым выдохом женщина бесповоротно менялась. Она придвинулась к спящему рядом мужчине, прижалась к нему всем телом, обняла и замерла, не в силах дышать. Новое знание остановило в ней время и саму жизнь.

Она лежала с любимым мужчиной, детям которого хотела однажды подарить жизнь, рядом с которым хотела состариться, и понимала, что он ее не любит. Никогда не любил. А думает он совсем о другой женщине, которая, впрочем, не обделяет его вниманием, но и близко не подпускает.

А на ней женится, чтобы той другой досадить. Показать, что он тоже может быть счастлив без ее глаз, волос, улыбки, с другой «девочкой». Именно так он ее и называл всегда – «девочка».

Она села на кровати. Резко. Уже не думая беречь его сон. Но и будить не спешила, вникала в новое знание, что разворачивалось внутри.

Вскоре он тоже проснулся, посмотрел на свою невесту, почти жену. Протянул руку, чтоб коснуться. Но что это? Отстранилась. Смотрит, как чужая. Не так смотрят на обожаемого мужчину. И улыбается. Одними губами. Криво. Глаза – холодные, что утро за окном. И спросила, как ниже пояса ударила:

– Кто такая Кларисса?

* * *

Весь латинский квартал приникает к окнам, выходит на балконы, выстраивается вдоль тротуаров, когда Кларисса идет на базар за покупками. Мужчины в пивной поднимают в ее честь тяжелые бокалы, полные свежего ячменного пива, и осушают их в три больших глотка, оставляя на влажных запотевших стенках толстого стекла два пенных кольца. Хороша Кларисса. Идет, словно шхуна по морю, покачивает широкими бедрами, звенит серьгами да браслетами. Волосы черные красной лентой у лба перехвачены. И помада на пухлых губах красная.

В особо жаркие дни, мальчишки дежурят у порога ее дома, ждут, когда Кларисса выйдет на балкон в длинном атласном халате цвета тростникового сахара, окликнет когонибудь из них, и, скинув завернутую в батистовый платок монету, пошлет в табачную лавку за сигарами или в булочную через дорогу за свежим хлебом. Мальчишки рады стараться для такой красавицы. Будет чем вечером перед старшими братьями похвастать, которые Клариссу только из окна пивной и видят.

Сама Кларисса на мужчин смотрит так, будто они мебель в ее доме или цветы на балконе, чуть опустив густые черные ресницы. С улыбкой смотрит. Мужа своего, капитана торгового судна, с морем, как с любовницей делит. Ждет его, бывает, по несколько лет из дальнего плавания, когда он к супруге

законной воротится. Оттого и не замечает других мужчин вокруг себя.

Многие предлагали ей и любовь, и заботу, и покровительство. Пожилой адвокат из еврейской общины обещал свою «бескорыстную помощь», если вдруг красавица развестись решит с непутевым супругом. Отказалась. На смех подняла. «Я, – говорит, – не для того за капитана шла, чтоб потом бежать от него да менять на кого другого».

Всем отвечала так, и тому парню, что год за ней тенью ходит и порог ее цветами осыпает.

– Оставь меня. Найди себе лучше девушку, которая любить тебя станет больше жизни своей, чтоб не сразу заметила, что не она у тебя в сердце. А как поженитесь, да дети пойдут – легче вам обоим будет.

Парень с ноги на ногу переступил. Обиделся.

– Есть у меня девушка на примете. Все, как ты говоришь. Любит меня. Все для меня сделает. Не то, что ты. А как ляжет снег – женюсь на ней. И будет она счастлива, потому что я ее не оставлю, как тебя твой муж.

Сказал – и ушел. А Кларисса потом две ночи плакала.

Прикрывая свое мужское достоинство, он начал быстро одеваться, а она все так же сидела на кровати, словно не замечая своей наготы, и внимательно

следила за каждым его движением. Больше они не сказали друг другу ни слова, а на следующее утро она уехала из того города, чтобы больше не возвращаться.

* * *

Ведьма просыпается за полчаса до восхода солнца, вслушивается в раннюю, девственно чистую тишину, как в музыку, исполняемую симфоническим оркестром. Вытягивается во всю длину гибкого, послушного тела и обнимает спящего рядом. Он прижимается теснее и тоже обнимает ее.

Ведьма любит кистями его рук, тонкими запястьями, острыми локтями, ключицами, гладкой, цвета молотой корицы, загорелой кожей, от которой пахнет дорогим табаком, морской солью и ею, ведьмой. Улыбаясь, она закрывает глаза. Слушает, как заполняет ее новое знание о человеке, чье дыхание она ощущает щекой. Дар оказался не проклятьем, как она думала в свое первое утро, много лет назад. Со временем она оценила: проще быть предупрежденной, чем удивленной. Жить, исходя из этого, оказалось куда проще, чем искать в мужчинах честность и верность. Не бывает мужчин без тайн, прошлого и второго дна.

Ведьма обнимает спящего рядом. Она уже знает, что младшая дочь известного писателя, юное дарование, любимица высшего общества, подающая

надежды скрипачка, как ее там... Имя не запомнилось. Посвящает ему сюиты, одну за другой. Уже штуки четыре написала. А перед каждым выступлением объявляет: «Прекрасному архитектору, чьими стараниями городской парк...». Далее – неинтересно. Все и так знают, что не в архитектурском таланте дело, а в его греческом профиле и умении с трех слов очаровать любое женское сердце. Дочери писателя хватило двух.

– Прошу прощения, – обронил архитектор, проходя мимо и случайно задев край ее плаща своей перчаткой, безвольно торчащей из кармана.

Ведьма улыбается. Она знает, что, кроме этого «прошу прощения», влюбленной девочке ничего не светит. Впрочем, забывать про нее тоже не стоит. Вдруг милое дитя все же сможет упротить своего дражайшего родителя нанять именно этого архитектора, чтобы перестроить восточное крыло их летней резиденции. Давно ведь собирались, а тут такой шанс. Сама же, под предлогом слабого здоровья, поселится в западном, и вот тогда, может быть... Хотя, если быть совсем честной, вряд ли. Девственницы его никогда не интересовали.

Еще есть Ивонна – ярмарочная плясунья, балаганная девка, что положила нечистый глаз на случайного зрителя своего незамысловатого представления во второй день карнавала. Уже восемь

лет, как кочует она с циркачами из одного города в другой, развлекает ремесленный народ ловкостью и гибкостью загорелого тела. Так было не всегда. Родом Ивонна из семьи виноделов, что живут в южной провинции, а о зиме только от приезжих слышали. Однажды влюбилась она в цыгана да убежала с ним из родительского дома. Месяца не прошло, как осталась Ивонна одна у дороги, где ее и подобрала циркачи.

Ивонна слывет пифией. В непогожие дни, когда народ никакими плясками за порог не выманишь, она сидит в своем шатре и гадает всем желающим заглянуть в свое будущее за горсть монет, на истрепанной руками ее предшественниц колоде таро. Но все чаще в последние дни, вопреки запрету, пифия раскладывает себе – на незнакомца, бросившего к ее босым ногам золотой. Тасует карты то так, то этак, подстраивая их следующую встречу. Увидит незнакомец ее – и страстью воспыхает. Сразу. После первого поцелуя. На площади трех мостов.

Ведьма довольно щурится – все предусмотрела пифия: и место, и время, даже последовательность действий просчитала, да только не учла, что ее желанный незнакомец не один будет. «Что же, – думает ведьма, – вот и познакомимся». Поворачивается на другой бок и засыпает, ощущая спиной теплый живот спящего рядом.

* * *

Ведьм не любят за то, что они подобны шахте – имеют не только глубину, но и несколько разноуровневых горизонтов. Ведьмы лишены однобокости, воспринимают окружающий мир более многогранно. Со стороны их жизнь кажется насыщеннее, чем у других людей: эмоции – ярче, чувства – глубже, время – быстрее. Ведьм боятся за то, что им дано читать других людей, как оркестровую партитуру, предвидя последствия тех или иных помыслов. Там, где не разберется простая женщина – ведьма найдет выход, и обычно не один.

* * *

Ее руки, всегда теплые, хранят запах молока, а сама она пахнет скошенной, чуть лежалой на солнце травой – пьяно и терпко. Она не смеется в полный голос. Улыбается сомкнутыми губами. Будучи счастливой, выглядит на четверть века. Усталость и бессонные ночи отнимают у этого срока еще десяток лет, и тогда ей не продают табак и крепкий алкоголь, принимая за девочку. Соперницы воют от зависти, понимая, что каждая новая зима не прибавляет ей ни морщин, ни седины, ни печали. И очень немногие знают, что женщине столько лет, сколько исполнилось последнему мужчине, разделившему с ней простыню...

Думать об одном, делить себя с другим, всю жизнь помнить третьего – секрет женского несчастья.

Оставаясь одна, ведьма ловит себя на мысли о человеке, который проводит в дороге времени больше, чем верующий в молитвах. Оно и понятно: он градостроитель, реставратор, человек известный и занятой. Она не зовет его по имени, не знает адреса, на который можно было бы отправить письмо. Его приезд – всегда неожиданность.

Он, в свою очередь, ни разу не прикоснулся к ней, даже случайно. Уходя, прощается так, будто может не вернуться. Рядом с ним тихо. Он надежный, крепкий да правильный. С таким не страшно всю жизнь из одной посуды есть да под одним одеялом спать. Только ему правильнее где угодно, лишь бы не оставаться долго на одном месте. Они крайне редко видятся, а при встрече больше молчат, чем разговаривают. Но ведьма знает – ближе нее у него никого нет. Еще знает, что только с ним она перестанет быть ведьмой, и это неправильно для нее. Поэтому она не остается одна, особенно по ночам, греется тем, кто окажется ближе и горячее, приобретая его форму и запах, как добротная кожаная обувь.

Молодой архитектор ценит ее за то, что ей достаточно просыпаться рядом с ним, улыбаться

ему, готовить на одной кухне. Как любой мужчина, он дорожит комфортом и свободой. Ведьма не задает лишних вопросов, не проверяет на прочность его нервы и степень терпимости. С ней всегда есть о чем говорить. Одним словом, сокровище во плоти. А что там у нее в голове – не его печаль. Неважно, о ком она там думает – лишь бы спала рядом да обедом не отравила. Со всем остальным можно жить.

* * *

Мужчины – бесценны. Они не продаются ни за одну валюту и в то же время не имеют фиксированной стоимости. Достаются даром, как вежливое слово или похвала незнакомого человека.

В час, когда город погружается в золотую дымку закатного солнца, архитектор берет за руку ведьму. Оставив за спиной пряное тепло дома, надежно запертое широкой деревянной дверью, они выходят дышать этим золотом, растворенным в воздухе. Ведьма немного отстает, не потому, что не поспевает за своим спутником. Ей нравится смотреть на его профиль, фоном которому становится весь город.

Дома здесь похожи на парусные суда, с такелажем бельевых веревок и свежевystиранными простынями вместо флагов, улицы – на змей, покрытых чешуйчатой шкурой мостовых, а мосты –

на спины морских чудовищ, с ажурными гребнями кованых ограждений. Архитектор не оборачивается, только чуть сжимает ее пальцы, желтые от куркумы. Вчера на ужин была птица с овощами. Думая о ведьме, первое, что всегда вспоминает молодой человек – это вкус еды, которую она готовит. Чуть больше полугода он засыпает только рядом с ней, помнит ее тепло, ритм дыхания и темп речи. Она уместила в себе всех женщин, бывших в его недолгой жизни, начиная от няньки-кормилицы, что вырастила и воспитала его, заканчивая звездой местной оперы Синтии, возвращаясь от которой, он однажды встретил ведьму.

В талии Синтия была шире, чем портовый грузчик в плечах. Ростом со среднего мужчину, она носила обувь исключительно на высоком каблуке, что позволяло ей смотреть на большинство представительниц прекрасного пола чуть свысока.

Назвать эту женщину красивой язык не повернулся бы даже у слепого. Синтия сутулилась под тяжестью внушительных размеров бюста. Короткая шея утопала в округлых плечах и была заметна, только если дива надевала какое-нибудь массивное украшение. Все ее необъятное тело колыхалось при каждом движении, а в особо жаркие дни источало крепкий запах пота и дорогих духов. Черты лица ее также были лишены

привлекательности: двойной подбородок, широкий рот, губы с помадой цвета фуксии, курносый мясистый нос, выщипанные на нет брови и высокий лоб. На Синтию сложно было бы смотреть без содрогания, если бы не ее большие выразительные глаза, которые, к слову сказать, были разные по цвету: один синий, другой карий. Стоило Синтии с кемнибудь встретиться взглядом, этот человек переставал замечать все несовершенства ее внешности. Когда Синтия пела низким глубоким альтом, мужчины забывали дышать, а женщины теряли сознание.

Недостатка в поклонниках и любовниках оперная дива не испытывала. Она выбирала себе самого красивого, богатого и любвеобильного. Проверяла на прочность его терпение, нервы и кошелек, а после находила ему достойную замену. Роман с ней был подобен танцу с саблями: быстрый и опасный. Синтия была крайне ревнива. За неполных четыре недели она каждую вторую встречу упрекала архитектора в неверности, распутстве и неспособности любить кого-то еще, кроме себя. Но всякий раз, когда молодой человек уже собирался уйти, хлопнув парадной дверью, дива с рыданиями садилась на пороге спальни. Как-то обойти истерящую женщину не представлялось возможным. Однажды, после очередного «внепланового спектакля», архитектор покинул апартаменты «прекрасной» Синтии через окно. Пока он спускался с третьего этажа

по водосточной трубе, моля всех известных ему богов о том, что бы холодная гулкая стальная конструкция его выдержала, из распахнутого окна в него летели шляпные коробки, туфли, подушки, стулья. В гневе дива была еще ужаснее, чем обычно. Хорошо, что меткостью, как всякая разъяренная женщина, она не отличалась. Спрыгнув на землю, архитектор быстрым шагом пошел прочь от дома бывшей возлюбленной, слушая ее крики за спиной еще полтора квартала. Болела голова. Он свернул за угол. Помнится, там была аптека. Под ногами неприятно чавкал мокрый сизый снег. Легкая куртка защищала от ветра, но была бессильна перед холодом. Дверь аптеки оказалась закрыта, но из-под неплотно прикрытых ставен пробивался ровный желтый свет. Архитектор позвонил в колокольчик, прислонился к дверному косяку и начал ждать. Дверь открыла невысокая девочка лет тринадцати. Он еще тогда удивился, что аптекарь оставляет ребенка одного работать ночью. Девочка молча взяла его за руку, провела внутрь дома. Только наутро он понял, что рядом с ним зрелая женщина.

«Время, что вода из колонки – бежит, знай, ведра меняй. Не заметишь, как ноги до самых колен вымочишь», – думает молодой архитектор. Он немного ускоряет шаг, чтобы успеть показать ведьме городской парк, отреставрированный

по его проекту. Завтра ожидается официальное открытие. Мэр почетно перережет красную ленту на воротах. Горожане сплошным потоком хлынут на широкие аллеи, посыпанные белым песком. Станут любоваться клумбами, аккуратно подстриженными деревьями, литыми ажурными скамейками. Все это завтра. А сегодня он проведет женщину, чье имя никогда не произносит всуе, через неприметную калитку в тихий парк и покажет, над чем работал все это время. Пусть она будет у него первая.

Они почти миновали площадь трех мостов, когда путь им преградил вихрь пестрых юбок. Ивонна предстала во всей своей карнавальной красе, ударила кастаньетами, готовая снова пуститься в пляс, увлекая за собой архитектора, но споткнулась глазами о вышедшую из-за его плеча ведьму. Улыбаясь, ведьма двинулась на пифию, вынуждая ее отступить. Ивонна запуталась в оборках длинной юбки и упала бы, но ведьма жестко подхватила ее под локоть, помогая устоять на ногах. Уличные музыканты заиграли фламенко. Две женщины пошли по кругу, выбивая ритм из разогретой за день мостовой.

– Ведьма! – произнесла Ивонна. – Чтоб тебе споткнуться!

– Шлюха, – улыбнулась в ответ ведьма.

– Да как ты смеешь?! – прошипела плясунья.

– Смею, я свое ремесло на базаре не продаю, себя на потеху не выставляю.

Ивонна хотела поставить подножку, чтоб споткнулась соперница, да только сама оступилась. Ведьма снова не дала ей упасть.

– Не бывать ему с тобой!

– С тобой тоже.

– Он тебя не любит!

– Мне и не надо.

– Чтоб тебе!

– Глупая, под ноги смотри лучше. Ну? Что я говорила?

Резким движением ведьма помогла Ивонне подняться, а потом, развернув за подбородок, заглянула в глаза и тихо произнесла:

– Еще раз попытаешься мне что-нибудь пожелать, до конца жизни танцевать не сможешь. Или ты уже весь свой дар зевакам сменяла на медяки?

Ивонна как-то сразу остановилась, опустила плечи и, собирая подолом цветастой юбки уличную пыль, двинулась в сторону своего шатра. Ведьма тоже остановилась, словно приросла к площади трех мостов. Корни пустила в самое сердце этой части города. Захочешь – не вырубишь, с места не сдвинешь. Стоит ведьма и дышать через раз

забывает. А навстречу ей через площадь со стороны набережной, чуть прихрамывая на правую ногу, идет вернувшийся из дальней дороги градостроитель.

* * *

Прости, сокол ясный. Молчание мое прости. Видишь, и дышу при тебе с трудом. Поэтому никогда не звала тебя по имени. Не стирала сорочек, не пекла хлеба. Прости, что думала о тебе. Что ближе быть не умела. Что ждала, словно мельница ветра. И не помнила, как земля снятый урожай. Писем не писала. А ты мерил страну из конца в конец, в каждом третьем городе у тебя друзья, в каждом втором – женщина случайная. В каждом первом – дела неотложные, которых, как известно, только у мертвых нет.

Я постараюсь больше тебе не сниться. Постараюсь понять, почему ты ни разу не попытался сделать меня своей. Не говори, что все мы одинаковы в своей неспособности ждать.

Тебе женщина нужна, а не ведьма. Молчи. Тот, кто стоит у меня за правым плечом, предпочитает спать рядом, а не держать в памяти черты моего лица. Он знает о тебе все, но ни разу не упрекнул меня этим.

Пусти, сокол ясный. Не стану я тебе любимой. Не смогу, после всего, что ты видел. И не смей говорить

мне, будто легко вот так стоять перед тобой и следовать своему выбору.

P.S.

Чуть прищурившись, архитектор смотрел на своего бывшего наставника, реставратора и градостроителя, который, в свою очередь, не спускал глаз с женщины, чьи пальцы желтые от куркумы, а волосы пахнут травой, лежалой на солнце. Немного подождав, молодой человек положил руку ей на плечо и увел с площади. Всю дорогу до парка они молчали. Оказавшись за тяжелой литой оградой, ведьма обняла его и выдохнула в расстегнутый ворот белой сорочки:

– Спасибо.

Еще он подумал, что выглядит она сейчас едва ли лет на десять. И хорошо, что в парке темно, пусто и никто их не видит.

Октябрь 2011 г.

Михаил Булатов

От автора:

Однажды к мудрецу пришел юноша и спросил, как открыть секрет вечной жизни. На что мудрец задал встречный вопрос: «Что ты умеешь делать лучше всего?». «Рисовать», – удивленно ответил юноша, так как и в самом деле был художником. Мудрец пожал плечами и сказал: «Ну так рисуй. Другого секрета для тебя нет и не будет».

Так и для меня нет другого секрета, я наполняю текстом пространство вокруг, и оно перестает быть пустым.

Красные маки

Жизнь бодрствующего человека стала для Эрнеста тяжелым испытанием. Он ходил, как сомнамбула, по своей темной квартире, налетая на дверные косяки и предметы мебели. Все, за что бы он ни взялся, выскальзывало из рук, голова соображала плохо. Эрнест не мог сосредоточиться на одном деле дольше минуты – вот он взялся подметать осколки разбитой чашки, бросил веник и зажег газ на плите, но так и не поставил кипятиться чайник, потому что наступил босой ногой на осколок и забыл, что собирался делать дальше. Эрнест замычал от боли, втайне радуясь, что его смятенное сознание на какое-то время будет увлечено порезанной ногой. Оставляя на полу отпечатки, проковылял в ванну, где омыл сначала ногу, а потом засунул под кран голову и начал жадно пить.

Жажда мучила Эрнеста постоянно, жажда и чувство голода. Из продуктов не осталось почти ничего – с тех пор, как вернулся из промежутка, минула почти неделя. Эрнест подчистил все, включая сухари. Даже крошки от сухарей. В его распоряжении оставалось пять черствых галет, бутылка подсолнечного масла, полбанки засахарившегося варения и треть пакета макарон. При хорошей фантазии и некотором волевом усилии из этих

компонентов можно было приготовить сносный ужин. Но Эрнесту готовка сейчас оказалась не по плечу. Вернувшись на кухню, он закрыл газ на плите, достал макароны и пополз с ними на балкон. Там он завернулся в красное стеганое одеяло и принялся жевать. Кажется, жизнь налаживалась.

Эрнест почувствовал себя чуточку лучше, и ему захотелось общения. Вернувшись в квартиру, он взял горшок с хлорофитумом, погладил его, как котенка, и поставил себе на колени:

– Здравствуй, Тревор... Знаешь, что я расскажу тебе? Я помню, сперва очень боялся соскользнуть в жаркий красный песок с гладкой спины Змея. Мои обожженные глаза почти ничего не видели. Великий Змей уносил меня все дальше в пустыню Кхар. Горизонт плавился днем, а ночью тысяча холодных глаз взглянула на меня с неба.

Тревор, как обычно, помалкивал. Но Эрнест знал, что растениям нравится, когда он с ними говорит. Цветов в квартире Эрнеста было много, и он трепетно о них заботился. У каждого цветка было имя и особенная черта характера. Вот, например, Тревор был Понимающим. Эвтаназия была Сочувствующей... Иван был Сдержанным.... Ну, и так далее.

Друзей среди людей у Эрнеста в Москве не было да и быть не могло. Но он нашел весьма остроумный

выход – в антикварной лавке Эрнест приобрел древний радиоприемник. Ему нравилось иногда слышать звуки человеческой речи в квартире. Эрнест назвал тяжелое радио «Генрих VIII». С ним он мог вдоволь наговориться, переключая радиоволны. Приемник не всегда улавливал ход мысли Эрнеста, но, вне всякого сомнения, был интересным собеседником.

Эрнест только подумал о том, что съеденные всухомятку макароны надо запить, и тут услышал ЭТО. В дверь кто-то СТУЧАЛ. Эрнест помотал головой, в надежде, что ослышался, но через несколько секунд стук повторился. Ненадолго Эрнест задумался, что обычно делают люди, когда кто-то стучит в дверь их квартиры. Обреченно вздохнув, он поплелся открывать. Линейная логика не оставляла ему ни единого шанса.

Проделав долгий и тернистый путь, Эрнест заглянул в глазок и обнаружил девушку лет семнадцати в джинсовых шортах и растянутой футболке с принтом AC/DC. У ее ног, точно пес, сидел вместительный рюкзак, и это обстоятельство насторожило Эрнеста. Он открыл защелку, но цепочку снимать не стал и высунул нос в образовавшуюся щель. Девушка скептически посмотрела на него и вместо «здравствуйте» спросила:

– Алкоголик, что ли?

– Нет, я Эрнест, – честно ответил Эрнест, почесал щетину на подбородке и снял цепочку.

* * *

На этом месте пахло вокзалом, запахом поездов, папирос, вяленой рыбы и пирожков с капустой. Запах вокзала, он не выветривается спустя многие годы. Безымянная железнодорожная станция уже давно заброшена. Эрнест ободрал коленку, спускаясь с насыпи к путям. По левую руку осталось поле, заросшее маками, солнце было в зените. Он отдышался и посмотрел на часы, подаренные ему дедом на тринадцатый день рождения. К груди Эрнест прижимал цветок мака, и когда обе стрелки сошлись на отметке «12», бросил цветок на рельсы. В лицо ударила волна горячего воздуха, пахнущего углем и железом. Через некоторое время Эрнест увидел поезд.

Эрнест бежал и спотыкался, до крови закусив губу. Он остановился рядом с локомотивом, который походил на огромного черного жука. Из открытой двери показался сидящий безбровый машинист. «Харон», – подумал про него Эрнест, но вслух ничего не сказал. Харон наугад протянул руку, и по этому жесту стало ясно, что он слепец. Эрнест суетливо вытащил из-за пазухи конверт и сунул машинисту письмо. Тот коротко кивнул и скрылся в недрах

локомотива. Раздался гудок, и поезд исчез, словно не появлялся никогда. Эрнест все не мог отдышаться. Воздух над рельсами плыл от жары. Не выдержав молчания, которое осознал внутри себя, Эрнест разрыдался и проснулся.

* * *

Когда Мелиса узнала, что прошла по бюджету на факультет культурологии в Москве, она не поверила. Сдавать экзамен она пришла после веселой ночи и, на удивление, получила неплохие баллы. Но бюджетное место в столичном вузе – это как-то слишком. «Джа, неисповедимы пути твои...», – вполголоса сказала Мелиса, в третий раз перечитывая письмо. В нем черным по белому было написано, что ей до 27 августа необходимо отметить в университете и отдать оригиналы документов. Там же, в письме, было указано, что общежитие для иногородних студентов закрыто на ремонт, но это Мелису не особо расстроило. Если память ей не изменяла, в столице жил родственник, то ли двоюродный брат по материнской линии, то ли шурин. Шут его разберет, в общем, для Мелисы межродственные отношения всегда оставались китайской грамотой. Главное, что у него наверняка можно зависнуть на первое время. Мелиса вздохнула, предвкушая сложный разговор с предками, закрыла почтовый ящик, спрятала письмо

во внутренний карман куртки и начала подниматься, тяжело топя камелотами по ступеням.

Как и ожидалось, родители новость восприняли без восторга. Мелиса предполагала, что предки считают ее «не самой удачной попыткой № 1», а сейчас, к тому же, маменька находилась «в положении», потому родительского внимания Мелисе особенно не хватало. Она, впрочем, не парилась, но все чаще подумывала о том, как бы свалить из дома с концами. Среди вариантов, которые прокручивались в голове, не последнее место занимало цирковое училище, а тут на тебе! – бюджетное место в престижном вузе. Мать скептически перевела взгляд с письма на дочь, потом снова на письмо и пробормотала:

– Это какая-то ошибка...

Отец, который все это время крутил в руках шариковую ручку, прокашлялся (видимо, для солидности) и начал речь:

– Мел, ты же понимаешь, насколько дорогая жизнь в Москве. Ну почему ты не хочешь нас слушать? Пойми ты, что высшее образование, оно везде – высшее! К тому же у нас скоро будет пополнение, лишние траты ни к чему...

– Во-первых, – перебила его Мелиса, – я не просила меня рожать, а во-вторых, давать мне настолько дурацкое имя. Ну, а в-третьих, это моя жизнь, потому хватит...

Мать в последнее время стала более эмоциональной, чем обычно. Она начала всхлипывать:

– Твой братик еще не родился, а ты его уже ненавидишь!

Мели поняла, что конструктивного диалога не получится, и ушла в подъезд. Отец крикнул ей вслед:

– Ну вот, мать довела! Да и вообще, где ты там жить будешь?

– Там общагу дают, а еще у нас родственники в столице! – огрызнулась Мелиса и хлопнула дверью.

В подъезде было солнечно, пахло кошатиной и кислой капустой. «Баба Ньюра щи готовит», – мимоходом подумала Мели. Здесь все было знакомо, привычно, и, как поется в детской песенке, каждая дворняжка лапу подает. Хотя местные скорее облают. «Суки», – невесело сказала Мелиса, вспомнив одноклассниц. Смешно сказать, но она единственная на всей параллели слушала тяжелый рок. Глядя из окна на то, как солнце заваливается за горбы пятиэтажек спального района, Мелиса пообещала себе: «Я свалю отсюда, зуб даю. Да хоть все 32, не жалко».

Спустя несколько недель она стояла на перроне провинциального вокзала, а отец нервно поглядывал на часы. Зубами жертвовать не пришлось, родители

поломались и отпустили ее в Москву. В паспорт был вложен листок с адресом, по которому проживает дядя Эрнест. Руку Мелисе оттягивал пакет, куда мамочка сложила помидоры, огурцы, картошку, колбасу и огромную жареную курицу. Рюкзак по сравнению с пакетом весил намного меньше. Километры нотаций и советов остались позади, а впереди – совсем другие километры, другая жизнь. Мели немного потряхивало – как ей будет там, в большом городе?

Мать провожать не поехала, сказала, что чувствует себя плохо, и папаня сейчас явно неспроста через каждые пять минут сверяется со временем, только и думает, как побыстрее посадить дочь на поезд, а самому прыгнуть за баранку. В воздухе надсадно прозвучал гудок, и показал свою трехглазую голову локомотив, тащивший длинный стальной хвост.

– Мели, ты там осторожнее. Особенно с Эрнестом, держи ушки на макушке, – посоветовал отец.

– А что с ним не так? – спросила Мелиса. – Он, часом, не алкоголик?

– Да не то чтобы, – смутился отец, – просто он всегда был со странностями.

Между тем туша состава начала вползать на перрон. Мелиса рванула к вагону, успев выучить номер поезда, дату и время отправления, места и каждую букровку на билете, как «отче наш». Отец едва

поспевал. Когда он догнал Мелису, она показывала билет и паспорт проводнику.

– Люблю-целую! – скороговоркой сказала дочь и поспешила вбежать по ступенькам в вагон.

Так как станция была маленькой, поезд тронулся почти сразу. Мимо поплыл двухэтажный серый вокзал, чахлые елочки, лотки. Увидев, как отец машет ей рукой, Мелиса почувствовала укол совести, закусила губу и неловко махнула в ответ. И впрямь, интересно, что ждет ее впереди?

* * *

В детстве Эрнест любил три вещи – музыкальную школу, игру в прятки и ходить в гости к бабушке Валентине. В прятки, впрочем, он любил играть один. Эрнест мог заблудиться, а потом самостоятельно найтись и вернуться домой, так что взрослые ничего не успевали заметить, обычно детвора с утра до ночи пропадает на улице. Тринадцатилетний Эрнест, выполнив все поручения по дому, выскакивал во двор, бежал до станции метро и уезжал в том направлении, которое подсказывала ему счастливая римская монета. Так что если возникал вопрос, ВДНХ или Патриаршие пруды, то Цезарь с присущей ему лаконичностью давал ответ. Монету привез дед из Италии еще в молодости, когда ездил туда в составе научной делегации. Как говорил бабушка, времена

тогда были строгие, потому монетка с августейшим профилем оказалась единственным сувениром, да и то потому, что завалилась за подкладку куртки. Эрнест советовался с полководцем, приезжал на станцию, выходил в город и мог до самой темноты блуждать по незнакомым кварталам, изучая Город с изнанки, со стороны его заросших тополями дворов, подземных переходов и переулков. Городу нравилось, что мальчик проявляет к нему интерес, он поворачивался то одним, то другим боком, как довольный кот, которого чешут по животу – то покажет проход во двор крошечной церквушки, то заиграет флейтой бродячего музыканта, а то и вовсе подарит цветное стеклышко, оглаженное морскими волнами. Вот и думай, и ломай голову, откуда взялось такое стеклышко на мостовой Садового кольца? Интереснее, чем с Городом, Эрнесту было только с дедушкой Валентином.

Деда Валя жил один, так как бабушку схоронили лет пять назад. В его однокомнатной квартире всегда было сумрачно и прохладно, а на подоконниках и полочках росли тенелюбивые цветы. Эрнесту нравилось приходить к деду в гости, когда тот не был занят в университете (а преподавал деда Валя, а точнее, Валентин Григорьевич, высшую математику, причем такой категории бытия, как «пенсия», для него не существовало).

Дедушка был строгий, молчаливый и очень опрятный. Когда Эрнест приходил, он первым делом заваривал крепкий байховый чай с барбарисом. Дед улыбался одними уголками губ, трепал мальчишку по выгоревшим волосам и доставал из верхнего ящика стола резную шахматную доску. Когда Эрнест увидел шахматы впервые, он вообразил, будто это армии существ из другого мира, и в ходе одной из битв был безвозвратно утерян белый конь. Но Валентин Григорьевич, обнаружив потерю, не рассердился, а принялся учить внука играть по правилам. Конь был временно заменен на наперсток, а все временное, как известно, становится постоянным.

Август плавил асфальт, пыльное столичное солнце втаптывало людей в ненадежную тень летних кафе. Эрнест решил подготовиться ко дню рождения деда Валентина заранее. Он придумывал письмо для дедушки целую неделю, но еще дольше – вырезал шахматную фигуру. Нечто, напоминающее коня, стало получаться с третьей попытки, две предыдущее заготовки пришлось выбросить. Эрнест не в первый раз вместо открытки дарил запечатанное в конверт письмо, так он обычно поздравлял родителей. В письме всегда можно было сказать самые верные, нужные слова. Письмо и фигура коня, уже ошкуренная и покрытая лаком, были запечатаны в жестяную коробку и ждали своего дня.

Это случилось в пятницу. За три дня до праздника Эрнест решил после школы заехать к дедушке, проведать его. День выдался на удивление прохладным, на небо набежали косматые тучи, и Город вздохнул с облегчением. Легкую тревогу Эрнест почуял еще в подъезде и сколько ни стучал в дверь дедушкиной квартиры, ему никто не открыл. На лестничной площадке стоял неприятный запах, будто пропал мясной пирог. Со всех ног Эрнест бросился домой, его колотило от страха, который он и сам не мог объяснить. Когда вскрыли дверь, дедушку нашли в постели. Он умер, как и жил, очень опрятно – даже не проснулся, ушел во сне. Как-то давно Эрнест спросил: «Деда Валя, а куда попадают люди после смерти?». Валентин Григорьевич, будучи убежденным атеистом, ответил: «На обратную сторону луны. Их увозит туда специальный поезд». Больше всего Эрнест переживал из-за того, что не успел отдать письмо. На следующий день после случившегося он слег с высокой температурой.

***

Наркоманского вида эльф с припухшими веками и невыбритыми щеками высунул нос из щели, образовавшейся между косяком и дверью, и Мелиса, вопреки всяческим правилам хорошего тона, с ходу ляпнула:

– Алкоголик, что ли? – и тут же внутренне себя одернула. Ей не раз прилетало за длинный язык, а остаться ночевать на улице, да еще после того, как она с таким трудом нашла нужный адрес, ей совсем не улыбалось.

Характерного спиртного душка, впрочем, от эльфа не исходило. Пахло от него странно – полынью какой-то горькой, а еще чем-то вроде индийских специй, так что Мелиса едва не чихнула. Пахучий эльф почесал небритый подбородок и представился:

– Нет, я Эрнест, – Мелиса хихикнула, подумав о том, что имя у дяди едва ли не более дурацкое, чем ее собственное.

Эрнест, между тем, снял дверь с цепочки, но пропускать ее внутрь не собирался, явно ожидая пояснений.

Мели нерешительно открыла рот, все слова, которые она заготовила, вылетели из головы. Она помялась и начала так:

– Я, ну типа учиться приехала, в МГУ, а общага на ремонте, ну мы родственники, я ваша... эээ, племянница. Да, кстати, привет вам от Галины Викторовны, это моя мама, – Мелиса увидела, что родственник не спешит заключить ее в объятия, насупилась и сказала: – Я могу паспорт показать, если не верите. Я тут ненадолго, буквально на денек-другой. Можно? – Мелиса решила не дожидаться,

пока дядя впустит ее в квартиру, подхватила рюкзак и пошла на таран, так что Эрнесту невольно пришлось попятиться. Оказавшись в прихожей, она сказала: – Меня, кстати, зовут Мелиса.

Эрнест издал глубокий, протяжный звук, лишь отдаленно похожий на обыкновенный вздох, закрыл дверь и сказал:

– Спать будешь на тахте. Еды дома нет. Меня, считай, тоже нет, будешь уходить – ключи висят в прихожей на вешалке, – с этими словами Эрнест вновь удалился на балкон, откуда вскоре раздался хруст – он нервно доедал макароны.

Мелиса сбросила кеды и прошла внутрь полутемного помещения. На всем лежал толстый слой пыли. На вид Эрнесту было не больше сорока, а по интерьеру можно было подумать, будто в квартире живет глубокий старик – мебель вся сплошь раритетная, ни одной новой вещи, даже телека нет. Из кухни глухо бубнило радио.

– Да, чувак, я погляжу, ты конкретно на своей волне, – сказала Мелиса в сторону балкона.

...Эрнест тяжело дышал, проглатывая одну макаронину за другой. Вот уже несколько лет он разговаривал только с радио. Эрнест и представить себе не мог, что общение с живым человеком может настолько выбить его из колеи. Впрочем, если не обращать внимания на племянницу, которая как снег

на голову, то все обойдется. Да, конечно, он же псих психом, а с такими никто не захочет иметь дела. Тут Эрнест вздрогнул, потому что кто-то хлопал его по плечу. Оглянувшись, он увидел Мелису:

– Слышь, дядя, ты водички попить не хочешь? – и протянула ему початую бутылку минералки.

Эрнест подавился макарониной, закашлялся и понял, что так просто ему не отделаться.

* * *

Знакомое с детства чувство жажды. Эрнест почувствовал себя неважно уже ближе к вечеру. На родителей навалилось как-то все и сразу, так что к недомоганию сына не отнеслись серьезно. Мать сделала Эрнесту влажный компресс и присела рядом с его постелью с книгой «Волшебник Изумрудного города». Это была любимая книга Эрнеста.

– Чем дальше шли путники, тем больше становилось в поле маков. Все другие цветы исчезли, заглушенные зарослями мака. И скоро путешественники оказались среди необозримого макового поля. Запах мака усыпляет, но Элли этого не знала и продолжала идти, беспечно вдыхая сладковатый усыпляющий аромат и любуясь огромными красными цветами, – читала мама и сама невольно начинала зевать.

Положив книгу корешком вверх на край постели, она поцеловала Эрнеста в горячую щеку и прошептала:

– Спи, мой маленький. Все будет у нас хорошо.

А Эрнест проваливался и скользил все дальше, словно лежал не в постели, а на спине огромного змея, который извивался в такт его дыханию.

Великий змей уносил мальчика все глубже в пустыню Кхар, и жар становился нестерпимым. Страшно было соскользнуть и упасть в раскаленный песок. Обожженные глаза Эрнеста постоянно слезились и не видели почти ничего, кроме жестокого солнечного круга. Так продолжалось целую вечность, пока не пришла прохлада. И змей, наконец, остановился.

Эрнест чувствовал себя куском свежего мяса на стальном подносе, казалось, у него были на треть забиты песком легкие. Так он лежал, не в силах пошевелиться, пока не почувствовал прикосновение горячего ветра на лице. Ветер принес запах нагретой меди. В следующий миг до его слуха донеслось чуть разочарованное: «Ну-у-у?...», и к пятке будто прислонили раскаленную добела копейку. Эрнест закричал и разорвал спекшиеся веки. Первое, что он увидел – тысячи звезд на темно-синей подкладке неба. После кто-то прокашлялся, и Эрнест с трудом повернул голову.

Змей свернул свои кольца у подножия большой белой скалы, торчащей из красного песка. Рядом, точно кости, были разбросаны сахарно-белые камни

поменьше. На одном из них и сидела Смерть. Это была очень худая и высокая, не меньше двух метров, женщина с огненно-рыжими волосами. Она походила на диковинную хищную птицу. Все ее поджарое нагое тело было покрыто веснушками. Даже на глаз становилось понятно, что нельзя прикоснуться к ней и не получить ожог.

– Привет, я Смерть, – представилась она, – будешь на меня работать, мальчик?

– А что нужно делать? – просипел Эрнест, приподнимаясь на локте.

Смерть неуловимым движением сползла с камня, и ее крапчатое лицо оказалось совсем рядом с губами Эрнеста:

– Относить письма, – она усмехнулась, – из мира живых в мир мертвых.

Эрнест проглотил комок в горле, но почему-то начал с тех вопросов, которые хотел задать в первую очередь:

– Мы на обратной стороне луны, да?

Рыжая Смерть отрицательно покачала головой:

– Мы в пустыне Кхар, на обратной стороне я бываю редко, так что если хочешь спросить о посмертном существовании людей, то я этим не интересуюсь.

Эрнест часто заморгал, открыл рот и снова его закрыл, когда Смерть назидательно подняла палец:

– Подумай о том, что здесь у тебя не так уж много времени, а у меня – сколько угодно. И я жду от тебя не вопросов, а один-единственный ответ – да или нет.

– Почему именно я?

Смерть потянулась, зевнула и сказала:

– Кто-то должен доставлять все невысказанные слова на тот свет, а то мертвые никак не могут упокоиться, живые тяготятся – одним словом, ничего хорошего. Вот я и придумала несколько сотен лет назад службу курьерской доставки, – Смерть задумалась, и продолжила: – Не всякому человеку под силу такой груз. Мои курьеры не должны привязываться к другим людям, а тебе, я знаю, одиночество знакомо с детства. Это правило придумала не я, просто люди, имеющие дело со мной постоянно, выпадают из обыденной жизни. Курьером нельзя стать просто так, им нужно родиться. Есть такие люди, они словно меченые, очерчены меловым кругом, за который никто не может зайти. К тому же не в твоей ли коробке лежит письмо, которое ты не успел отдать деду?

Эрнест коротко кивнул, и Смерть довольно улыбнулась:

– Я не рассчитывала на другой ответ. Иначе бы тебе пришлось умереть. Запомни, ты никогда ни в чем не будешь нуждаться. Я прослежу, чтобы с тобой все было в порядке, а в конце службы ты можешь

попросить меня исполнить любое желание. Кроме бессмертия, правда, я этого не умею. Но! Нужно соблюдать единственное правило – не привязываться ни к кому из живых. Обет безбрачия давать не обязательно, но, как говорится, не возлюби в сердце своем. Учти, спрашивать буду строго, и не с тебя!

У Эрнеста нарастал гул в ушах, дышать становилось непросто. Звезды на небе сошли со своих мест и закружились в танце. Смерть тоже посмотрела на небо, сложила губы трубочкой, присвистнула и сказала:

– Тебе пора, малыш. Письма будешь складывать под подушку перед сном. А еще тебе пригодиться вот это, – и Смерть положила в раскрытую ладонь Эрнеста горячую монету. – Она в любых обстоятельствах подскажет тебе верный путь.

...Когда Эрнест очнулся, выяснилось, что он провел в больнице без сознания три дня, несчастные родители готовились ко вторым похоронам. У отца прибавилось седины, а мать плакала дни и ночи напролет. Врачи разводили руками и врали про грипп и обострение. Первым делом, придя в сознания, Эрнест почувствовал зажатую в кулаке монету. Раскрыв пальцы, он увидел знакомый римский профиль и понял, что самый важный выбор в жизни уже сделан.

* * *

Первым делом Мелиса схватилась за тряпку и принялась отчаянно намывать пол и стирать пыль. В ходе этой эпичной уборки, которая все больше напоминала ожесточенную борьбу, жертвой пала любимая (и единственная целая) чашка Эрнеста, так же случайно отправилась в мусорку коллекция почтовых марок и едва не был разбит горшок с Тревором (Эрнест успел подхватить его в последний момент и потом долго успокаивал цветок). Когда Мелиса пообещала сначала купить новую чашку, а на вечер приготовить «что-нибудь вкусненькое», Эрнест едва не разрыдался. Впрочем, пока племянница была увлечена уборкой, она не обращала внимания на своего странного дядюшку. Только это и утешало Эрнеста.

Окрыленная новой, неведомой еще жизнью большого города, Мелиса умчалась искать чашку, а Эрнест уселся под порогом и погрузился в невеселые размышления. В порыве малодушия он даже подумал, что племянница так и пропадет по дороге из магазина, как будто ее никогда и не было. Но не тут-то было. Мелиса вернулась примерно через час, без чашки, но зато с ворохом кассет и маленьким проигрывателем. Эрнест посмотрел на это безобразие и не сдержался:

– Ты все свои деньги на это барахло потратила?

Мелиса выпятила вперед грудь и ответила:

– И вовсе я не все деньги потратила, а только часть. А тебе до этого какое дело?

Эрнест только махнул рукой и отправился полить цветы, но вскоре понял, что расслабился рано. Из комнаты донеслись жесткие гитарные записи и гавкающий английский вокал.

– Боже, что это? – завопил он и схватился за уши.

Мелиса, впрочем, даже не подумала сбавить громкость и попыталась переорать Роба Хэлфорда:

– Это Judas Priest, детка! Поэтому на ужин будут макароны.

Эрнест умоляюще посмотрел на племянницу:

– А может, лучше Pink Floyd и яичница?

Мелиса поставила на паузу проигрыватель и в наступившей тишине сказала:

– Тогда дуй за яйцами. И хлеба заодно купи.

Эрнест не стал спорить. Лучше и в самом деле прогуляться, подышать воздухом и размять ноги. Эрнесту всегда везло, как никому другому – достаточно купить лотерейный билет, и выигрыш был гарантирован. Да что там, нередко он находил деньги прямо на улице, стоило только выйти из дома. Впрочем, никто даже не мог предположить, чем ему приходится платить за такое везение. Черный бумажник валялся прямо в подъезде, Эрнест поднял его, заглянул внутрь, вытащил пять сотен. Больше ему вряд ли потребуется.

...Когда он вернулся, Мелиса как раз занималась тем, что вылавливала слипшегося макаронного монстра из раковины. Эрнест покачал головой, и Мели с удвоенной скоростью начала закидывать бесформенную массу обратно в кастрюлю.

– Я воду слить хотела, и тут как понеслось, – начала оправдываться она.

Эрнест закусил губу и проронил:

– На фиг макароны. Выкини их в унитаз. Будет яичница. И Дэвид Гилмор. И точка.

Ужинали молча и легли рано. Эрнест ворочался на своем диване и слышал, как в темноте посапывает и всхрапывает Мелиса. «Она еще и храпит», – обреченно подумал Эрнест. Можно было надеяться, что эти несколько дней Смерть его не побеспокоит, обычно ему не приходилось доставлять письма чаще, чем раз в месяц. Да, кроме того, это сложно осуществить физически, после каждого путешествия в промежутки голова как арбуз еще неделю, а в груди – словно дыру пробили. Впрочем, не пробили – дыра-то там давно, а скорее прожгли бычком целлофановую пленку, которая отделяла нутро Эрнеста от космического холода. Так и не сумев уснуть, Эрнест вышел на балкон. «Не тревожь призраков, которые живут в тумане», – вспомнил он давнюю присказку. На улице растеклось белое марево. «Чудная погодка, правда, мистер Курлык?» – задумчиво проронил

Эрнест. Ответом было суматошное хлопанье крыльев, из тумана вылетел голубь и уселся на плечо. Эрнест погладил его, постоял в тумане еще какое-то время и отправился в постель. Сон пришел только под утро, да и то ненадолго.

* * *

Эрнест, парень двадцати пяти лет от роду, сидел на берегу и кидал с размаху гальку в набегающие волны. Ветер нещадно трепал его каштановые вихры. Гадливо кричали чайки и не предвещали ничего хорошего. Начинало припекать. Совсем недавно за плечами Эрнеста осталась консерватория по классу скрипки, выпускной экзамен он сдал кое-как, и полагал, что окончательно не завалил испытание только благодаря пособничеству Смерти. Эта рыжая бестия, к которой он за последний десяток лет успел привыкнуть, ревностно опекала его, как заботливая бабушка. После обучения Эрнест запрятал саркофаг со скрипкой в чулан и пообещал себе, что в ближайшие годы к нему не притронется. Безденежье Эрнесту не грозило – Смерть крепко держала слово, о хлебе насущном беспокоиться не приходилось. Жизнь как будто списала со счетов человека по имени Эрнест, и он чувствовал себя посетителем супермаркета, которого случайно заперли в магазине после закрытия. Можно было пить элитные вина, кататься

на тележке и громить витрины, притом не нести за это никакой ответственности. Но на деле свобода оказалась дутой, а одиночество – бесконечным. При таком раскладе Эрнесту только и оставалось, что вести философские диспуты в отделе круп, убеждая консервативную Чечевицу, что конституционная монархия имеет право на существование. Его сверстники строили карьеру, обзаводились семьями, покупали квартиры, брали ссуды и ипотеки, меняли машины, ездили раз в полгода на отдых, вели вполне достойную обычную жизнь. Это не про Эрнеста. Как он ни пытался сократить дистанцию между собой и миром, ничего хорошего не выходило. В лучшем случае, мир взирал на него с легким пренебрежением, как клерк, опаздывающий на работу, смотрит на бродягу в подземном переходе и кидает ему мелкую монету, после чего начисто забывает о существовании бродяг.

Эрнест занимался музыкой с детства, скрипку он не выпускал из рук с шести лет. Эта его увлеченность здорово мешала общению со сверстниками, а после встречи со Смертью в жизни Эрнеста остались только письма и музыка. Родители, рассудив, что их сын – вполне взрослый и самостоятельный человек, продали квартиру и уехали жить в Индию. Теперь Эрнест получал от них смешные открытки на Новый год и на день рождения, и если бы не

это обстоятельство, то он тронулся бы рассудком. С жильем все уладилось быстро, покойный дед завещал единственному внуку квартиру, и сразу после совершеннолетия Эрнест вступил во владение недвижимостью.

Покатый камушек хлопнулся два раза о водную гладь и ушел на дно. Эрнест надеялся, что вдалеке от Москвы все изменится, но не тут-то было! Проклятые письма настигали его повсюду. Прежде он наивно полагал, что Смерть складывает послания в его почтовый ящик, и стоит ему уехать, можно будет забыть об обязанностях курьера. Но прошлое письмо, например, ему вообще отдал официант вместе со счетом. Эрнест вздохнул, посмотрел в безоблачное небо, зачем-то погрозил солнцу кулаком и приготовился зашвырнуть в прибор еще один камень.

– Ты все делаешь неправильно, – прозвучал женский голос с характерным прибалтийским акцентом над самым его ухом, и Эрнест увидел хрупкую невысокую девушку в легком платье, которое висело на ней, как парус на мачте в безветренную погоду.

Она была такой тонкой, что за нее невольно становилось страшно. Но самое главное, ее голову с короткими платиново-белыми волосами венчало огромное сомbrero, что делало девушку похожей на гриб.

Эрнест усмехнулся, глядя на эту невероятную мексиканскую шляпу, забросил в воду еще один камень, впрочем, без особого успеха, и ответил:

– Может, госпожа Гриб подскажет мне, как нужно делать правильно?

Девушка не обиделась, она рассмеялась, сняла с головы сомбреро и надела его на голову Эрнеста:

– Ну, во-первых, я еще не госпожа, потому что у меня нет господина, а во-вторых, я не гриб, а юный цветок. К тому же теперь ты – гриб. В жизни все не постоянно, а кидать нужно вот так, – и девушка ловко бросила камушек, который сделал не меньше пяти блинчиков.

Эрнест проследил за траекторией, важно поправил сомбреро и сказал:

– Тааак. Давай договоримся. Я согласен быть грибом, но ты покажешь еще раз, как это делается.

...Девушку звали Вероника, она приехала на побережье вместе с друзьями, которые вскоре где-то потерялись, о чем Вероника ни капли не сожалела. Эрнест предполагал, что Вероника сама решила потеряться, и втайне одобрил ее поступок. Они купили холодного разливного пива и гуляли по пляжу, по очереди передавая друг другу шляпу, чтобы сильно не напекло голову.

– О, смотри, это же куриный бог! – обрадовалась Вероника, подобрав камень с дырочкой.

– Смешной бог у куриц, конечно, – ответил Эрнест, принимая камешек из ее рук, – но мне он гораздо ближе, чем Аллах, Христос и Будда, вместе взятые.

– Это еще почему? – спросила Вероника.

– У меня с ним гораздо больше общего, – заметил Эрнест, глядя в дырочку на просвет.

Вероника отбежала в сторону, придирчиво глядя на Эрнеста, сощурилась от солнца и только тогда ответила:

– Дааа... Плохо дело. Но тебе повезло.

– Почему это мне повезло? – спросил Эрнест, подкидывая в руке камушек. Выпитое пиво и южное солнце разморили, и постоянная ноющая боль в области солнечного сплетения почти перестала чувствоваться.

– Потому что я швея и отлично умею ставить заплатки, – Вероника внезапно и вполне ощутимо ударила Эрнеста в плечо, крикнула «тебе галить, догоняй!» и бросилась наутек.

Эрнест кинулся следом с криком:

– Эй, стой, негодяйка! Ты похитила пиво!

Эрнест бежал и с каждым шагом чувствовал, что он становится легче. «Ну и гори оно все огнем», – решил он, догнал Веронику, и она облила его остатками пива.

– Теперь придется купаться, – сказал Эрнест, стягивая залитую рубашку.

– Отлично! – обрадовалась Вероника. – Тогда идем скорее!

Они дошли до скалы, и Вероника тут же стащила через голову платье, под которым ничего не было, разбежалась и рыбка ушла в воду. Слегка ошалевший Эрнест смотрел на это чудо природы, пока Ника не крикнула из воды:

– Ну, ты чего? Прыгай же!

И Эрнесту не оставалось ничего другого, кроме как последовать ее примеру.

...Эрнест никогда не считал себя человеком, который способен поддерживать беседу на протяжении длительного времени. Иначе говоря, общение с людьми для него оставалось скорее прискорбной необходимостью. Веронике удалось несколько изменить его представление о взаимоотношениях между людьми. Начать следует с того, что они больше смеялись, чем говорили, и это обстоятельство полностью устраивало Эрнеста.

– Не бойся быть идиотом! Ты живешь в мире, где никому по-настоящему до тебя нет дела, так почему бы не воспользоваться этим? – говорила она, греясь на солнышке.

Эрнест же, напротив, сидел в тени. Жару и солнце он не любил с детства. Вероника достала из сумочки пачку дамских сигарет и протянула одну Эрнесту.

Тот скривил губы и, стараясь сохранить на лице вежливое выражение, сказал:

– Спасибо, но я не курю. Вы знаете, что каждая сигарета отнимает несколько минут жизни?

Вероника ничуть не смутилась и безапелляционно заявила:

– А вы знали, что каждый оргазм продлевает жизнь как минимум на 10 минут?

Эрнест почувствовал, что начинает краснеть, и попытался заползти подальше в тень. Вероника была явно из тех девушек, которые за словом в карман не лезут. Оттуда, из надежного (как хотелось думать Эрнесту) прикрытия тени, он спросил:

– Правда?

Вероника задумалась, не выпуская при этом сигареты из рук, и, кажется, напроць о ней забыв. Наконец, она ответила:

– Если честно, то мне просто хочется в это верить. Иначе, зачем тогда все?

Эрнест пожал плечами. Сказать по совести, он прежде не задавался этим вопросом. Просто запаха сигарет терпеть не мог.

– Я хочу мороженого, – с интонацией капризной девочки сказала Вероника. – Ты купишь мне мороженого?

Эрнест на секунду задумался:

– Ванильное или шоколадное?

Вероника рассмеялась:

– Можно того и другого, и бутылку рома!

...Лукавое южное солнце опускалось на заросший инжиром двор, пробиваясь сквозь густую листву. В янтарном воздухе кружилась пыль. Вероника сидела на нижней ступеньке крыльца бунгало, которое снимал Эрнест, и не спеша потягивала ром из большой эмалированной кружки. Эрнест сидел чуть выше и аккуратно разбирал ее светлые короткие прядки. Вероника лениво мотнула головой и повернулась к Эрнесту:

– Ну как, всех вшей выловил? – и, не дожидаясь ответа, сказала: – Пойдем внутрь!

Вскоре они оказались в прохладном небольшом помещении, где на полу был потертый палас, а в углу стояла скрипучая панцирная кровать и шаткая тумбочка рядом. Эрнест неуверенно помялся и сказал:

– Может, в шахматы сыграем?

Ника смеялась долго и, наконец, сумела вымолвить:

– Давай, валяй. Но! С одним условием – играть будем на раздевание.

Эрнест умоляюще посмотрел на девушку, достал доску из тумбочки и начал молча и сосредоточенно расставлять фигуры.

...Играли часа два, сдаваться просто так никто не хотел. Вероника оказалась сильным противником, и

Эрнест пару раз чуть не остался без штанов, причем в самом буквальном смысле. Вероника сокрушенно посмотрела на поле битвы, оценивая свое положение, как безвыходное, и сказала:

– Ну что же, по крайней мере, ты выиграл меня в честной борьбе, – и сбросила с ног тапочки.

...Эрнест лежал на кровати, заложив руки за голову, и боялся двинуться, потому что Ника, хрупкая девочка с острым языком, спала на его груди. Он изучал трещины на беленом потолке и думал, что они похожи на линии судьбы на человеческих ладонях. И не успел удивиться, когда сквозь побелку начали проступать созвездия Южного полушария.

Шумели травы, пели цикады, а небо было щедро намазано звездами в три слоя. Эрнест и Вероника шли через поле к темнеющей вдалеке полоске леса. Тонкая ладонь девушки выскользнула из руки Эрнеста. Вероника прошептала:

– Ты иди вперед, а я хочу немножко отстать. Не беспокойся, я догоню.

Эрнест согласно кивнул и пошел дальше. Даже в темноте под ногами были видны алые цветы. Внезапно он запнулся, и сердце его, казалось, подпрыгнуло в горло. Перехватило дыхание, Эрнест сделал еще несколько шагов, и понял с опозданием, что запнулся об рельсы, а затылком почуял жар, словно открыли заслонку доменной печи. Рывком обернувшись, он

увидел за спиной, на некотором расстоянии от себя, двух женщин. Вероника стояла очень спокойная и, казалось, глядела на Эрнеста с сочувствием, а за ее спиной возвышалась Смерть, и ее огненно-рыжие волосы с вплетенными в них, точно бисер, искрами костром развевались на фоне ночного бархата. Смерть ласково обнимала Нику за плечи и немного растерянно улыбалась. Эрнест только хотел кинуться им навстречу, и тут, словно ниоткуда, вырвался поезд, отрезав кусок поля, точно ножом. Эрнест уже ничего не мог разглядеть, кроме мелькания оконных квадратов, сливающихся в одну полосу.

...Он проснулся от холода, да такого, что зуб на зуб не попадает, и машинально обнял девушку, что лежала рядом. Эрнест сразу понял, что-то не так, слишком деревянным было на ощупь ее тело. Боясь поверить, он заглянул в лицо Вероники и онемел – рот ее был по-детски приоткрыт, а стеклянные глаза изумленно смотрели в потолок, где трещинки в побелке походили на линии судьбы на ладонях. Кровь молотками ударяла в виски, и только тогда Эрнест почувствовал, что по его гортани прорывается, как боец через узкий коридор, полностью занятый противником, влажный и густой крик.

* * *

Мелиса кричала. Эрнест проснулся, точно разорвал кокон и вывалился в слепой мир темной

квартиры. Девушка упала на пол с тахты и продолжала захлебываться. Крик увязал в ночи, как ложка в густом варенье. Эрнест почувствовал, что у него дрожат колени, и понял, – вот оно и началось. Он подполз к Мели, встряхнул ее, она не проснулась. Эрнест сжал ее руку в своей.

– Сукины дети, паразиты потусторонние! – выругался Эрнест, крепче сжимая ладонь Мелисы. Он должен был помочь ей проснуться.

* * *

Мелиса сжевала яичницу, щедро приправив ее кетчупом и майонезом. Дядюшка был утрюм и не разговорчив, и Мелиса решила, что не стоит ему докучать. Но ее все больше разбирало любопытство. «Он, конечно, шизик, но вроде не буйный. И музыку нормальную слушает», – решила она про Эрнеста и отправилась спать. Тахта была похожа на пыточный станок, но выбирать не приходилось. Под подушкой что-то мешало, Мелиса запустила туда руку и с удивлением вытащила шахматную фигурку коня. В этот же момент ей послышался приглушенный смешок, на что она, впрочем, не обратила внимание. Коня она зашвырнула под тахту со словами: «Иди к бугимэну, троянец». Эрнест вырубился часа полтора назад или притворялся, что спит. Мелиса думала, что уснуть на новом месте ей будет сложно, но сон

навалился, как грузная слоновья туша, и придавил ее моментально. Так, что она даже пискнуть не успела.

...Ветер пах степью и вышибал слезы из глаз. Конь был горячим и потным, Мелиса чувствовала, как натужно ходят его ребра, и что было силы вцепилась в гриву. Прохладный воздух наотмашь бил по лицу, наступало раннее утро. Конь уносил ее галопом в степь. Бешеная скачка продолжалась, пока конь в конце не вымотался. Мелиса подняла голову и увидела, что впереди течет речка, через которую переброшен чертов мостик. На другом берегу небольшой участок земли был закатан асфальтом. На этом пятачке разбита детская площадка с большой песочницей под зонтиком-мухомором. Конь всхрапнул, его передние ноги подогнулись, и он опустил на землю. Мелиса соскочила в высокую траву, и конь медленно завалился на бок, как срубленная шахматная фигура. Животное продолжало жадно хватать ртом горький степной воздух. Переходя на другой берег, Мелиса перегнулась через перила и заглянула в воду, но не увидела своего отражения. Напротив, из воды на нее смотрели десятки незнакомых лиц.

...В песочнице сидела девочка лет пяти, очень плотная и крепкая, с плоским широким лицом и цепким взглядом. Приглядевшись, Мели увидела, чем та занята – она сосредоточенно выкапывала красным совочком из песка лягушек и отправляла

их в рот. Завидев Мелису, девочка оторвалась от этого увлекательного занятия, грузно поднялась и направилась в ее сторону. Девочка нехорошо улыбнулась, облизнулась, и с удовольствием сказала Мелисе, тыча в нее совочком:

– Лягуууушечка.

Мелиса хотела сделать шаг назад, но поняла, что не может – песок крепко держал и всосал ее ноги по щиколотку. Тогда она закричала, что было силы. Точнее, хотела закричать, но гортань булькнула, будто туда налили воды. Стало невыносимо страшно, а плосколицая сделала еще шагок навстречу, и ноги Мелисы мгновенно провалились в песок почти по колено. В следующую секунду она почувствовала, как чьи-то крепкие костистые пальцы ухватили ее за шиворот и резко дернули вверх. Мелиса очнулась и поняла, что ее крепко прижимает к груди дядя Эрнест. Даже в темноте лицо его было мертвенным, не белым даже, а синим, и пот тонкими, частыми ручейками стекал по вискам. Эрнест дышал, как курильщик после спринта, а в углу его тонкогубого рта набухла черная кровавая бусина.

Губы двигались, но звук пришел с опозданием, как будто вытащили вату из ушей, и Мелиса услышала окончание фразы: «... И придет сила, и воля, и слава твоя, на земле, как и на небе, во имя отца, и сына, и святого духа, во веки веков, аминь». Отдышавшись,

Эрнест крепко прижал голову Мелисы к своей груди, черная бусина сорвалась с его губ и упала девочке на лоб. Эрнест закашлялся и сквозь кашель просипел:

– Все будет хорошо, теперь бояться нечего, успокойся...

Эрнест натянуто улыбнулся, скосив глаза в сторону окна. Туман отступил, и небо светлело полоской на востоке. «Значит, еще не сегодня», – устало подумал Эрнест.

* * *

...Твари бывают самые разные. Опасные и не очень, паразиты, охотники, пугачи. А повстречать тварей так и вовсе можно где угодно, но чаще всего – между лестничных клеток, в колодцах, подвалах, на перекрестках дорог. Обычно проявляют себя они на территории сна, но и в мире вещей сильные особи могут натворить дел, особенно если будут очень голодны. Питаются твари эмоциями – страхом, похотью, ненавистью... В большинстве случаев люди имеют дело с «прилипалами». Эти паразиты прилепляются к человеку и выводят его на эмоции, заставляют страдать, злиться, испытывать сексуальное влечение, раздражают родных и близких, одним словом – действуют всем на нервы. Однако Смерти нужна была не прилипала, а Гончий. И она знала, где его можно найти.

Смерть, не таясь, шла по изнанке заброшенного города Хальмер-Ю, и мелкая нечисть припадала на брюхо, когда босые раскаленные стопы с шипением плавил растрескавшийся асфальт. Река в долине смерти, именно так в переводе с ненецкого назывался город. Рыжая остановилась и принюхалась. Едва уловимый запах псины потревожил ее тонкие ноздри. В следующий миг размазанная тень, очертания которой уловить было невозможно, запрыгнула Смерти на спину. Точнее, запрыгнула бы непременно, если бы Смерть не успела развернуться и не въехала бы острым кулаком Гончему по морде.

Тварь отлетела назад, впечатавшись в кирпичную кладку стены, зашипела и почти в ту же секунду кинулась снова. Смерть перехватила Гончего в прыжке, сомкнув горячие пальцы на горле твари. Теперь очертания этого существа перестали перетекать из одной формы в другую, и стало возможно его разглядеть. Гончий был похож на человека, но еще больше – на ящера. У него имелся толстый гибкий хвост, а мускулистые руки и ноги, которые сейчас лихорадочно дергались, обладали впечатляющими когтями. На гротескной морде бросался в глаза жадный провал рта.

Смерть с силой швырнула Гончего в пыль, он откатился, оскалился, но нападать больше не стал. Она только покачала головой.

– Экий резвый экземпляр попался. Внимай, скотина. Выполнишь задание, получишь человеческое тело, – подумала и добавила: – А не выполнишь, так найду и развоплощу окончательно.

Экземпляр послушно внимал, а Смерть тем временем неизвестно откуда извлекла цветастый лифчик и брезгливо кинула перед Гончим.

– Искать. Найдешь – не жрать, а привести ко мне. Поглощать части тела тоже нельзя.

Гончий жалобно заскулил, и Смерть для убедительности топнула ногой.

– Свободен, – сказала она, и тварь как ветром сдуло. А может, и впрямь сдуло, потому как ветер на изнанке, особенно в таких местах, обладает некоторыми свойствами времени.

Смерть запустила тонкие пальцы в огненную шевелюру и с заметным удовольствием почесалась. Ей нужен еще один курьер. Девчонка может подойти на эту роль. Интересно, что будет делать Эрнест? Смерть заняла место в зрительном зале. Теперь можно было наблюдать.

* * *

Следующие несколько дней прошли на удивление спокойно, даже пугачи перестали одолевать ночами. Эрнест полагал, что затишье может быть только перед бурей, и не мог найти себе места, нарезая круги

по квартире. Мелиса, обозвав Эрнеста нервным сусликом, уехала решать дела в университете, пообещав вернуться к вечеру. Эрнест понимал, что связь между человеком, попавшим в беду, и человеком, спасшим его из этой беды, очевидна. Такую связь не разорвать по собственному желанию, пусть даже спасенный и спасатель не испытывают по отношению друг к другу теплых чувств. Сделав несколько резких, но неопределенных жестов руками, Эрнест взял с подоконника декоративную пальму по имени Эвтаназия, и начал жаловаться ей:

– Ну почему они ходят за мной, как котята за колбасой? Одни цветные, другие невидимые, шмыгают туда-сюда, путают шнурки, корчат рожи в зеркалах, входят в чужие сны, как нож в масло. Все соседские дети уже стали заиками. Я-то что, мне ничего, я привычный, но другим зачем? Я как коридор для них. А раньше были не такие, но теперь только голодные, злые и безликие...

Эрнест явно терял ход мысли, и речь его скатывалась в невнятное бормотание, но вдруг он замолк и отодвинул от себя горшок с пальмой:

– Думаешь, я не пытался? Да несколько раз! Но она не пускает меня, понимаешь?

Эвтаназия определенно все понимала и очень сочувствовала Эрнесту. В самом деле, невозможно

свести счеты с жизнью, если ты работаешь на Смерть. Эрнест скривился и поставил горшок с пальмой обратно на подоконник. По радио шла реклама средства от запоров, и Эрнест, вздохнув, сказал:

– Да, Генрих, я слышу, у тебя тоже настроение так себе.

За окнами накрапывал дождь, и Эрнест невольно подумал: «Как бы не промокла», ухватился за мысль, и удивился тому, насколько быстро один человек может привязаться к другому. Пошел в ванну и смачно сплюнул в раковину. Глядя на то, как мутная розовая слюна спускается в сток, Эрнест почувствовал себя невыразимо одиноко, как будто в его грудь всем весом врезался поезд.

– Я не отдам ее тебе, слышишь? – сказал он в пустоту, но был уверен, что его услышали.

И в этот момент раздался стук в дверь. Мелиса вернулась, и Эрнест пошел открывать.

* * *

Время, которое капля за каплей продолжает дорогу в теле камня, и время падения лезвия гильотины есть суть одно и то же. Сизый голубь садится на подоконник и видит, как дежурит возле постели племянницы Эрнест. Ему сегодня, видимо, снова не спится. Луна полнеет и наливается голодным светом. Мир делает еще один шаг.

...Сотни тысяч шагов назад все было иначе. Человеческие сказки хранят крупницы знания. Дивные существа, населяющие леса, коренастые жители горных пещер. Птица Сирин, птица Алконост, птица Гамаюн... Боги, маги, чудовища и еще целый сонм существ жили на этой земле. Но всему свое время, столетия так же стремительны, как лезвие гильотины. Большинство существ вымерло, кому-то удалось открыть дорогу в иные миры, а оставшиеся развоплотились и стали тенями. Так и бродят по земле твари, почти бессмертные, подпитываются человеческими страстями, и единственное, чего хотят – это воплотиться вновь, хотя бы ненадолго, в ненадежном человеческом теле, чтобы снова ощутить ток времени.

Эрнест глотает двойную дозу таблеток, которые ему прописал врач. Мелиса посапывает во сне, подсунув под щеку ладонь. Пока Эрнест бодрствует, она будет спать без кошмаров. Голубь Курлык сидит на подоконнике. Охотник идет по ночным улицам, скользя из одной тени в другую. Птица Сирин, дай нам надежду, Алконост, всплакни об усопших, Гамаюн – скажи, чего ждать на заре.

* * *

Мелиса проснулась на заре и сразу почувяла, что встала не с той ноги. Так бывает, как-то вдруг

понимаешь, что ничего хорошего от грядущего дня ждать не стоит, и сразу готовишься к худшему. Мелиса, впрочем, не знала, к чему именно ей следует быть готовой, потому попыталась размять затекшие мышцы, в очередной раз прокляла тахту и отправилась умываться. Ее до сих пор немного передергивало от кошмара, который ей привиделся едва ли не неделю назад, и она не могла даже сказать наверняка, что было страшнее – сам сон или пробуждение, потому как зрелище Эрнеста с трясущимися руками тоже было не из приятных. В ванной ее привлек пузырек таблеток, очевидно, забытый дядей. Мелиса поднесла его к глазам и прочитала на упаковке: «Фенамин». Вчиталась в состав, присвистнула и поставила обратно. Штука была сильная. Подумав, она снова взяла лекарство, свинтила крышку и проглотила две таблетки. «Может, протащит», – подумала она вяло. Этот психостимулятор, по идее, отпускался в аптеках по рецепту, в случае серьезных нервных расстройств. Полезную информацию об аптечных наркотиках Мели почерпнула в компании панков, где один парень угарал по синей космонавтике. «А у дядюшки, выходит, и впрямь проблемы с головой. Да и выгладит он в последнее время паршиво», – подумала Мелиса. Шальные прыгуны устроили пляску в ее голове, а кровь резко прихлынула к щекам. «Ага, и впрямь сильно», – подумала Мелиса и полезла в душ. Уснуть теперь вряд ли получится.

Эрнест проснулся от грохота, будто что-то тяжелое упало, а потом услышал журчание воды. Ему как раз снилось племя из Южной Америки, где люди обладали до восемнадцати лет признаками обоих полов, а осознанный выбор – кем быть, мужчиной или женщиной, – делали после совершеннолетия. «Это не водопад», – вслух сказал Эрнест и пошел в направлении ванной. Дверь оказалась открытой, Мелиса сидела под душем, ожесточенно растирая ушибленную ногу. Раковина, на которую неудачно оперлась девушка, отъехала в сторону, из трубы хлестала вода.

– Чего уставился? Не видишь, я моюсь! – крикнула Мелиса и, увидев, что это не возымело никакого действия, возмутилась еще больше: – Эй! Я голая!

Эрнест так и стоял столбом, переводя взгляд с раковины на Мелису, а с девушки – на пузырек «Фенамина», и явно решал сложные задачи. Как быть? Перекрыть воду, помочь Мелисе вымыться или просто выйти вон?

– Пошел вон! – не выдержала Мелиса и, забыв о своей ноге, запустила в Эрнеста куском мыла.

Это вывело его из оцепенения, и он боком вышел из ванной. Минут через пять в дверь стали ломиться разгневанные соседи с угрозами вызвать полицию.

– Вы нас топите! У нас уже потолок весь протек! – слышалось из-за двери, в которую стучали кулаками,

ногами, и, судя по последним нескольким ударам, головой.

Эрнест начал чесаться. Слишком много криков. Линейная логика вновь не оставляла ему ни единого шанса. Потому он схватил шарф, завязал глаза и в таком виде отправился перекрыть воду. Эрнест решил, что это самый разумный выход из ситуации. Когда вентиль был закрыт на ощупь, Эрнест наугад протянул Мелисе полотенце и пошел в комнату. Девушка, хромяя на левую ногу, появилась через несколько минут.

– Ты мой лифчик не видел? – спросила Мелиса, на ходу заворачиваясь в полотенце.

Для Эрнеста это было уже слишком.

– Я же просил тебя не курить на балконе! И вообще, почему ты ходишь по квартире чуть ли не нагишом?

Мелиса поджала губы, настроение ее резко портилось:

– Под горячую руку попал, – отмахнулась она и в этот момент потеряла равновесие. Она попыталась схватиться за подоконник, но промахнулась, и на пол полетел горшок с Тревором.

Время превратилось в желе. Вот Эрнест видит, как медленно летит к верной гибели его близкий друг, которому он доверял самые сокровенные мысли. Выражение удивления на лице Мелисы сменяется

досадой. В лучах утреннего света пылинки танцуют вальс. Эрнесту даже почти удается различить такты музыки. Цветок падает на пол, и черепки разбитого горшка разлетаются по комнате. Мелиса видит, как вытягивается лицо Эрнеста, и беззвучно шевелятся его бледные губы. Время возвращается в привычный ритм.

– Ты чего? Это же просто цветок. Я сейчас все уберу! – говорит Мелиса и на всякий случай пятится спиной.

Эрнест опускается на колени и начинает возиться в земле, что-то бормоча под нос.

– Да что ты такой нервный весь! – раздражительно говорит Мелиса. Очевидно, ей неудобно, что она наглоталась таблеток, устроила потоп и разбила цветок, но попросить прощения прямо сейчас для нее слишком трудно.

Эрнест поднимает на нее совершенно сухие, ясные зеленые глаза, в которых ни грамма безумия, и спокойно спрашивает:

– А ты знаешь, каково это, постоянно носить внутри себя все невысказанные слова, которые адресованы мертвым? И никогда не иметь возможности поговорить откровенно хоть с кем-то, кроме цветов?

Мелиса не выдерживает этого острого, как скальпель, взгляда. Прежде она и не замечала, что

у дядюшки такие пронзительные глаза. Она пинает ногой все, что осталось от цветка:

– Вот и цацкайся дальше со своими растениями, психопат хренов!

...После этого Мелиса натягивает джинсы и майку, хватая рюкзак и уходит, хлопнув дверью так, что с потолка осыпается штукатурка. Эрнест этого не слышит. Он продолжает сидеть на полу, рядом с разбитым горшком, не спеша раскачиваясь взад и вперед. Эрнест выходит из оцепенения, когда за окном сгущаются сумерки. На кухне шипит радио, и сквозь помехи пробивается голос диктора:

– Ожидается гроза, ветер северо-западный, 15 метров в секунду, будет сопровождаться сильным дождем, возможен град.

В низком небе столицы появляются первые сполохи, и, точно рев зверя, спущенного с цепи, раскатываются отголоски грома. Раз, два, три, четыре, пять, я иду искать. Кто не спрятался...

* * *

Большой город вкусно пах, извивался сотней сочных улиц, моргал тысячей оконных проемов, его подворотни таили влажные секреты, а под землей ветра было больше, чем в небесах. Если бы Гончий умел смеяться, он бы хохотал во всю глотку, впиваясь

в податливую, мягкую реальность, сквозь плоть которой просвечивают токи жизни. Тварь вышла на след, и дичь была близко, дичь пахла сладко, одуряющее чувство азарта переполняло Гончего, но приказ госпожи – «Не жрать! Развоплощу!» – точно гвоздь, был вбит в самое нутро твари.

...Чувство слепого голода, как будто не хватает самой малости, и с течением времени эта малость становится краеугольным камнем реальности, без которого не обрести душевного равновесия. Представьте себе неудовлетворенность, затаенные обиды, повседневный стресс и ярое желание неосуществимого, поместите эти противоречивые чувства в один флакон, и вы сможете получить слабое представление о жизни твари.

Тело. Способное чувствовать, осязать, двигаться, получать удовольствие. Именно тело обещали охотнику за хорошо выполненную работу. И госпожа может не сомневаться, Гончий найдет девчонку. Тварь шла, струилась, перетекала, след уводил ее под землю. Мимо стольких соблазнительных запахов. Так сложно удержаться, чтобы не вкусить, не распотрошить, не утолить голод, хоть на короткое мгновение. Гончий, выпущенный из заброшенного поселка в мир, чувствовал себя, как лис в курятнике.

По следу стальных змей, по длинному шлейфу запаха Гончий пришел на безлюдную в этот час

станцию. Девчонка сидела, поджав колени к подбородку, и явно ожидала электропоезд. Тварь возликовала и двинулась навстречу. Теперь, как ощущал Гончий, он мог проявлять себя не только на изнанке реальности. При большом желании, он даже мог бы вспомнить привкус собственного имени, столь давно утраченного.

– Со мной, ты пойдешь со мной к госпоже, именно к ней, не противься, – зашелестел Гончий, приближаясь к девчонке.

Та резко вскинула голову, увидела очертания твари, и в глазах ее застыл страх. А затем, как-то в один момент, вся обмякла и, двигаясь как кукла, поднялась с места. Время вновь замедлило ход, и секунды стали вязкими, как речной ил.

Из-за мраморной колонны вышел человек, одетый в выдавший виды бежевый плащ, с глубоким капюшоном, накинутом на голову.

– Убирайся, погань ночная, – негромко промолвил он и сплунул под ноги.

Тварь будет мучить, рвать его душу на мелкие кусочки и есть их с величайшим удовольствием, а после заберет себе пустое тело и будет в нем жить.

– Тело, у тебя хорошее тело? Я заберу его, я стану им пользоваться. А девчонка достанется госпоже, таков уговор. Кто меня остановит? Никто не сможет остановить... – шелестела тварь.

Человек в плаще, как ни в чем не бывало, пожал плечами, задрал голову и проследил за тем, как откуда-то с потолка спустился сизый голубь. Птица приземлилась как раз между девушкой и наступавшей тварью и начала тыкаться клювом, точно искала корм. Человек спокойно и твердо сказал:

– Курлык сможет.

В следующий миг тварь, не в силах сдержать голод, с бешеной скоростью метнулась вперед.

* * *

Над городом повисли тучи, сумрак вполз в рукава улиц, первые тяжелые капли хлопнулись на асфальт. Эрнест опасливо вышел из подъезда и набросил на голову глубокий капюшон своего бежевого плаща. Передним была нелегкая задача – найти взбалмошную девчонку раньше, чем ее найдут подручные Смерти. «Жил ведь себе спокойно столько лет, а тут как ото сна очнулся», – думал Эрнест. Нельзя сказать, что это обстоятельство сильно его радовало, скорее наоборот. В ясном состоянии сознания к нему вновь возвращалась боль утраты, а в голове было тесно от голосов. Эрнест сипло закашлялся, несколько раз ударил себя кулаком в грудь и запустил руку в карман плаща. Там лежала, такая знакомая и теплая, монета с римским профилем. Он вспомнил слова Смерти, остававшиеся в его памяти, точно след от ожога: «Эта

монета всегда подскажет тебе верное направление». Ну что же, Смертушка, знала ли ты, какой подарок сделала? На несколько секунд закрыв глаза, Эрнест спросил: «Маяковского или Серпуховская?», после чего ловким, выверенным движением подобрал монету и поймал ее на ладонь. Усмехнувшись, он быстро зашагал в направлении метро. Времени у него было не так уж много. Эрнест чувствовал, как где-то в темноте над ним кружит птица, и это придавало ему уверенности в собственных силах.

* * *

...Мелиса уже сотню раз пожалела о том, что сбежала из квартиры, ей было очень гадко и противно от таблеток, она ругала себя за безрассудство. Особенно скверно ей стало после кока-колы и чизбургера в «МакДоналдсе», которые вышли в обратном порядке в туалете. Мелиса понимала, что, в сущности, Эрнест не желал ей зла. Вся эта потусторонняя чушь, которую он нес, от нее мурашки по коже. Какая-то часть Мелисы, отойдя от рационального сознания на несколько шагов, укоризненно качала головой. Она, эта небольшая часть, знала, что все сказанное дядей вполне может оказаться правдой, и от этого становилось тошно. Привычный мир рушился, и Мелиса ничего не могла изменить. В полубессознательном состоянии она бродила по Москве до ночи, пока не сообразила, что скоро метро

перестанет работать. Силясь вспомнить, на какую станцию ей следует ехать, она спустилась под землю. В час ночи людей в метро почти не было, а электрички ходили редко. Мелиса зябко съежилась на лавочке и пообещала себе, что попросит прощения у Эрнеста, едва вернется. Дядя же не виноват, что он такой.

...Мелиса уловила в воздухе запах псины. Сморщив нос, она скосила глаза, и ей почудилось странное создание, хищно подкрадывающееся к ней от края платформы. В ту же секунду в ее голове зазвучал тихий вкрадчивый голос: «Со мной, ты пойдешь со мной к госпоже, именно к ней, не противься». Мелиса еще успела подумать: «Какого дьявола?». После этого голова стала пустой, а ноги сами подняли ее с лавочки. Она пошла навстречу странному созданию, которое было одновременно похоже на человека и на ящера, и даже не обратила внимания на голубя, который слетел с потолка и приземлился прямо ей под ноги. Только где-то на границе слуха эхом прозвучали слова: «Курлык сможет», и тогда тварь прыгнула.

...Мелиса так и не успела понять, что случилось после. Оцепенение спало, и она увидела, как ящер отлетел назад и несколько раз перекувыркнулся. Спиной к Мелисе стоял невысокий рябой человечек с кривой палкой в руках. Он был одет в бурую хламиду и сильно сутулился, но главное в нем было не это. На спине у него росли два больших сизых

крыла, которые сейчас нетерпеливо двигались. Курлык сделал несколько осторожных шагов, при этом стараясь закрывать широкими крылами Мелису и Эрнеста. Тогда тварь вновь прыгнула, с места покрыв все расстояние, которое отделяло ее от противника, единственное, что успел Курлык, это закрыться палкой от жадного рта охотника. Тварь легко повалила его на пол, и оба превратились в один яростный клубок, состоящий из перьев и когтей. Мелиса едва успела отскочить и вздрогнула, когда ее обнял за плечи незнакомец в плаще. Он откинул капюшон, и Мелиса узнала в нем Эрнеста.

– Прости, что не поверила тебе, что затопила соседей, прости, – Мелиса плакала, прижимаясь к его груди, а Эрнест сосредоточенно следил за схваткой. Ничего больше он сделать не мог.

Драка продолжалась не дольше минуты, тварь встряхнулась и поднялась, оставив лежать на земле распростертое тело, на груди которого остались глубокие борозды от когтей. Гончий уже не крался, он тяжело переваливался, но был полностью уверен в своей победе.

– Тело можно забрать, душу съесть, девчонку отдать госпоже... – вслух размышлял охотник, приближаясь к Эрнесту и Мелисе. Видимо, он повторял для себя последовательность действий, чтобы ничего не перепутать.

Эрнест почувал движение ветра и понял, что приближается поезд. А Мелиса увидела, как поднимается мистер Курлык, и поняла, что ей нужно во что бы то ни стало отвлечь охотника. Пытаясь унять дрожь в коленях, она крикнула:

– Я тебе нужна, да? А вот сперва поймай, сволочь!

Мелиса вырвалась из рук Эрнеста и кинулась бежать по платформе. Тварь среагировала не так быстро, как обычно. Все же схватка для охотника тоже не прошла бесследно. Этих нескольких мгновений хватило, чтобы мистер Курлык поднялся, расправил крылья и бросился вбок и вперед, крепко обнял тварь и увлек за собой в тоннель, на встречу приближающейся электричке. С гулом и грохотом на станции появился поезд, и ветер взметнул сизые перья.

– Кто это был? – дрогнувшим голосом спросила Мелиса Эрнеста.

– Мой ангел-хранитель, – коротко ответил тот и толкнул Мелису в спину, – поторапливайся, поезд тут всю ночь стоять не будет.

Двери с шипением разошлись, и они вошли в вагон. Станция «Маяковская» осталась позади.

* * *

Вагон был пуст, если не считать невзрачного старика в выцветших лохмотьях, который сидел,

согнувшись настолько сильно, что его острый подбородок опирался на высокую резную ручку зонта. Когда Мелиса и Эрнест вошли, он поднял голову и лучезарно оскалился, сверкнув стеклами круглых очков.

– Рад передать привет от песочного человечка, мои хорошие. Не смею вас огорчать, но по ваши души у меня нет сонного молока, – проскрипел он.

Мелиса пригляделась к старику. Он был одет не в тряпье, как можно было предположить с первого взгляда, просто одежда его больше соответствовала средневековым представлениям о моде. Да и был он не настолько стар, как сперва привиделось Мелисе. Рука незнакомца, придерживающая зонт, походила на птичью лапку, а тонкие желтые пальцы были сплошь унизаны кольцами и перстнями, многие из которых болтались свободно и лишь благодаря какому-то чуду не спадали. Было в его облике нечто привлекательное и отталкивающее одновременно.

– А это еще кто такой? – спросила Мелиса, и Эрнест пихнул ее локтем в бок, мол, замолчи, если ничего не понимаешь.

– Мы также рады, что песочный человечек помнит о нас, – ответил Эрнест, стараясь соответствовать его же витиеватой манере: – Как поживает твой светлый брат, Оле?

Незнакомец вздохнул и прикрыл тяжелые веки. Не открывая глаз, он ответил:

– Детям не хватает сказок, взрослым не хватает сказок. Брат не поспевает за всеми, он устал. И я устал...

– У тебя нелегкая работа, Оле, рассказывающий последнюю сказку. Не удивительно, что тебе тяжело. Можем ли мы чем-то помочь тебе?

Человек помотал головой и, наконец, открыл глаза:

– Время вашей последней сказки еще не пришло. Но я буду признателен, если вы порадуете мой слух своими историями.

Поезд, между тем, без остановок летел в черноте тоннеля.

– Мне так давно никто не рассказывал сказок, – пожаловался Оле Лукойе, – умирающим, сами понимаете, не до этого. Три маленьких сказки, и вы дома. Всего лишь три крошечных сказки для старика Оле. Ну как, по рукам? – и старик заговорщически подмигнул.

Мелиса и Эрнест нерешительно переглянулись. Ночь продолжалась, а рассвет был еще так далеко. Эрнест сел прямо на пол вагона и привычно начал раскачиваться из стороны в сторону. Вскоре он стал говорить...

– Люди из общины безглазых, как выяснилось, не столь просты. Свои глаза они хранят в

инкрустированных серебром шкатулках, и глаза эти более всего напоминают драгоценные камни. Когда безглазые вставляют их в свои глазницы, они способны предвидеть будущее и прозревать суть вещей. Впрочем, делают они это не часто, а только при большой необходимости, ибо многие знания – многие печали.

Темный Оле, который был едва ли не ближе Смерти, чем ее курьеры, достал из кармана сюртука маленькую трубочку, прищелкнул пальцами, и над ней раскурился дымок. Он был готов слушать дальше.

– Целуй меня, бесноватая. Бесноватая ночь моя, в глаза целуй, в слепнущие глаза мои, помнящие правду. Целуй и шепчи мне сны, на ухо, шепчи мне сны о дальних берегах. Я пес твой, я боюсь коснуться тебя, я хочу разорвать тебя, я буду любить тебя так, как никого не любил прежде. Милости твоей прошу и смиренно слушаю дыхание твое во время сна, которым забылись улицы, боясь спугнуть сердце твое, змеей свернувшееся на моих коленях, потому что в сердце твоём яд.

...Его пальцы давно огрубели от струн, а лицо заросло густой бородой, так что даже вблизи нельзя было сказать наверняка, сколько ему лет. Он умел пить, не пьянея, и умел петь так, что у нас душа чувствовала каждый синяк, каждую выбоину и колдобину пройденной дороги. Он приходил с

наступлением темноты, и никто из нас не знал, как его зовут.

...Зажигали костры, к полуночи к огню сбредались все. Бликами свет играл на лицах, превращая нас в древних демонов гор. Из низин приползали змеи, заползали нам на колени и грелись. Никто не мог уловить ту минуту и тот час, когда среди нас вдруг появлялся Он. А мы слушали его, как дети, и забывали о тяготах земной жизни.

Оле улыбнулся, отчего на его подвижном лице появилось множество морщинок. Он распахнул зонт, оказавшийся золотым на подкладке. В вагоне сразу стало светлее.

– А ты, девочка? Расскажи старику что-нибудь, – обратился Оле к Мелисе, которая все это время наблюдала за Эрнестом, как замороженная. На ее памяти он никогда не говорил так много.

Мелиса взглянула в глаза Оле, пожевала губы. Глаза у него были водянистые и светлые. Она ничего не понимала и не хотела понимать. Больше всего на свете Мелисе хотелось упасть в кровать и спать трое суток.

– А можно нас отпустить домой? Без разных сказочных условий, просто так взять и сказать: идите себе на здоровье?

Оле обрадовался и захлопал в ладоши:

– Конечно можно! Нет ничего проще! Но ты должна отгадать загадку!

Мелиса обреченно вздохнула. Ну конечно, как можно сказочного персонажа просить сделать все по-человечески, без «сказочных условий». Следовало сказать спасибо уже за то, что загадку нужно было отгадать всего одну, а не три или тридцать три.

– Что зимой и летом одного цвета? – спросил Оле.

Мелиса, вконец отчаявшись, буркнула первое, что пришло даже не в голову, а на язык:

– Смерть.

– Правильно, девочка! – улыбнулся старик. – Может, ты даже скажешь, какого она цвета?

– Красного, – очнулся от транса Эрнест. – Прощай, Оле.

– Еще увидимся, – доброжелательно заметил Темный Оле, и Мелису передернуло от его слов.

Передернуло не только ее одну, вагон так же дернулся, и неживой голос из динамика произнес, растягивая слова: «Кантемировская. Двери открываются. Будьте осторожны при выходе из вагона. Не оставляйте в вагонах личные вещи. Следующая станция – Царицыно».

Мелиса с Эрнестом вышли, и в вагон тут же начали заходить сонные люди, не обращая внимания на странного старика. Электронные часы, висевшие над схемой движения поездов, показывали начало седьмого. Ночь пролетела мимо, и невозможно было выразить, насколько это обстоятельство радовало

обоих. Помолчали. Мелиса осторожно взяла за руку Эрнеста, и он не отдернул руки.

– Скажи, а этот... который в вагоне, – Мелиса намеренно не хотела называть Оле по имени, – он это серьезно, насчет загадки? То есть я и впрямь... угадала?

– Да нет, – в сердцах сказал Эрнест, – это у старика юмор такой дурацкий.

Так, взявшись за руки, они вышли из метро и пошли домой. Обоим чудовищно хотелось спать.

* * *

В голове Мелисы не было мыслей, только белый шум, словно радио настроили на пустую волну. Заметив это, она зевнула, смахнула челку со лба и подняла глаза к небу. Город продолжал жить своей жизнью, люди, встроенные в повседневный график, шли по своим следам, проложенным во времени. Она теперь почти видела его потоки, каждый из которых отличался по цвету и скорости течения. Мир, расцвеченный этой палитрой, был гораздо интереснее обыденной реальности, которую привыкли видеть большинство людей. На рекламном щите, расположенном по пути домой, красовалась надпись: «Счастлив тот, кто счастлив». Ниже, впрочем, более мелко было написано продолжение фразы – «...у себя дома», однако эти слова не прочитывались с первого раза.

– Счастлив тот, кто счастлив, – ни к кому не обращаясь, сонно произнесла Мелиса, и Эрнест на это ничего не ответил.

... Дверь в квартиру была распахнута, но Эрнест успокаивающе произнес:

– Это я забыл закрыть, когда уходил. Слишком торопился. Взять у меня там все равно нечего.

Когда они вошли в полумрак тесной прихожей, в ноздри им ударил влажный запах джунглей и свежесваренного кофе. Где-то в комнате играла песня The Doors – «End». Между тем, Эрнест точно помнил, что не оставлял музыку включенной.

– Фух, тут как в сауне... – начала было Мелиса, но запнулась на полуслове.

Потому что из кухни, что-то напевая себе под нос, вышла высоченная худая женщина, сплошь покрытая веснушками. Нагота ее была прикрыта милым передником в мелкий цветочек, который, вероятно, лишь благодаря потусторонним силам до сих пор не обратился в пепел. От рыжего костра волос исходил ощутимый жар. Смерть широко улыбнулась и добродушно сказала:

– Ну, как говорится, двум смертям не бывать, а одной не миновать! – обнаружив, что Мелиса и Эрнест не оценили шутки, сделала вид, что обиделась, и укоризненно заметила: – Да что вы тухлые такие! Может, я и явилась без приглашения, так не в моих

правилах спрашивать у людей соизволения прийти. Кроме того, у вас было не заперто. Я приготовила кофе! – последняя фраза, по всей видимости, должна была стать решающим аргументом.

Эрнест помялся, снял ботинки, повесил на крючок плащ и пошел на запах кофе. Мелиса проследовала за ним. Смерть заботливо разлила ароматный напиток по чашкам и, опершись спиной о стену, стала с интересом наблюдать за тем, как Эрнест и Мелиса располагались за кухонным столом. Цветы, стоявшие на подоконнике, мигом пожухли. Поймав обеспокоенный взгляд Эрнеста, Смерть развела руками:

– Прошу прощения, но не могу ничего поделать со своей природой. Может, еще оклемаются, – сделала глоток кофе, она перешла к делу. – Как вы понимаете, я пришла сюда за одним из вас, – и, точно соблюдая условность, обратилась к Мелисе: – Девочка, будешь работать на меня?

Мелиса отрицательно покачала головой и исподлобья взглянула на Смерть. Та, покрутив чашечку в руках, зачем-то подняла ее вверх и посмотрела на донце, после чего поставила на подоконник:

– Так я и думала, – разочарованно сказала она, – с современной молодежью непросто договориться.

Эрнест, допивший кофе в три глотка, отставил пустую чашку в сторону:

– Зачем ты затеяла все это? Если тебе нужен я, так забирай, а девчонку оставь в покое.

Смерть как-то сникла, улыбнулась криво и произнесла:

– Милый мой Эрнест... Знаешь ли ты, что самое эгоистичное человеческое чувство, это не любовь, а чувство одиночества. И в своем одиночестве ты не видишь дальше собственного носа. Но можешь ли ты на короткий миг вынырнуть из пучины неземной пустоты и представить, насколько одинокой может быть Смерть? Тысячи лет рутинной работы и никакого разнообразия! Вот и приходится временами разыгрывать... скажем так, спектакли.

Эрнест увидел, как напряглась Мелиса, и положил ей руку на плечо.

– У Смерти свои способы развеять скуку, – примирительно сказал он, – не нужно злиться. И, уже повернувшись к Рыжей, спросил: – Так чего же ты хочешь теперь?

Смерть поскребла свой веснушчатый нос и с готовностью ответила:

– Я хочу лошадку пони, медовый торт и дружить с мальчиком из соседнего подъезда. Но больше всего, конечно, хочу, чтобы люди научились говорить все, что считают нужным, еще при жизни. А тебе, Эрни, придется совершить выбор. Как я уже сказала, один из вас уйдет со мной.

Эрнест поднялся со стула, и Мелиса посмотрела на него с тревогой. Но он, казалось, был совершенно спокоен.

– Я пойду с тобой. Пора бы и мне посмотреть, какого цвета небо на темной стороне Луны.

Смерть засмеялась так, что зазвенела посуда в серванте. Отдышавшись, она ответила:

– Ты восхитительно трагичен, как герой Шекспира. Поменьше пафоса! Все обстоит гораздо проще. Держи! – и Смерть кинула озадаченному Эрнесту монету, которую тот едва успел поймать. – Ты будешь орлом, Мелиса – решкой.

Эрнест взглянул на монету, столь предательски оказавшуюся в руках Смерти.

– Получается, ты все знала наперед... – начал было Эрнест, но Смерть приложила к губам палец.

– Нет, едва ли половину! Но не медли, кидай скорее! Мне самой интересно узнать, чем закончится эта история.

Озарение, смешанное с чувством страха, мелькнуло на лице Эрнеста. Он стрельнул глазами в сторону окна и, примерившись, выбросил монету в форточку. Смерть, проследив ее полет, как ни в чем не бывало взяла с плиты турку и налила себе еще кофе.

– Снова ты прячешь голову в песок, – сказала Смерть Эрнесту, – неужели ты думаешь, что я не узнаю, что выпало?

Эрнест обмяк и опустился на стул. Трюк с монетой не удался. Но был еще один маленький шанс повлиять на ход событий. Эрнест, приободрившись, сказал:

– У меня есть право на одно желание. Любое желание, кроме бессмертия.

– Верно, – согласилась Смерть, – и чего же ты пожелаешь?

Эрнест задумался. Мелиса едва не заснула, пока дядюшка собирался с мыслями. Наконец он произнес очень коротко:

– Ручку и бумагу.

Смерть, изобразив удивление, спросила:

– И что ты собираешься с этим делать? Мог пожелать все, что угодно. Власть, деньги, женщины... а ты – «ручка, бумажка»... Тьфу! Никак, решил роман написать?

Эрнест покачал головой и ответил:

– Нет, всего лишь одно письмо.

Мелиса, глядя на них, окончательно перестала что-либо понимать. Смерть потянулась:

– Слушай, Эрни, не в службу, а в дружбу, – сыграй-ка для нас на скрипке. Знаю, ты это не любишь, но ради меня – сыграешь, а? К тому же люди любят говорить: «Помирать, так с музыкой».

...Замолк Джимми Моррисон в комнате, и стало слышно, как за окном шумит дорога. Эрнест достал из чулана чехол со скрипкой и стер с него пыль.

– Не уверен, что я помню, как за нее браться... – сказал он, пристраивая скрипку на плече.

Взяв в руки смычок, Эрнест стал очень аккуратно выводить мелодию. «Лунная соната», – узнала ее Мелиса. Смерть выглядела умиротворенной. Мелиса почувствовала, что больше не в силах держать голову, и положила ее на руки. Так, не вставая из-за стола, она уснула, и последней ее мыслью было: «Бедные наши соседи – то потоп, то скрипка с утра пораньше... Никакого житья с нами нет».

...Смерть и Эрнест склонились над спящей девушкой, и Эрнест аккуратно, боясь разбудить, провел рукой по ее волосам.

– Спит, – сказал он и чуть улыбнулся.

– Ага, – согласилась Смерть и обратилась к Эрнесту, коверкая речь так, чтобы получилось, как у джигита: – Вах! Молодэц! Хорошо сыграл! Настоящий орел!

* * *

...Мелиса проснулась на квартире друзей с тяжелой головой и скверным чувством во рту. Подростки спали, как попало, многие забылись сном прямо на полу, не удосужившись даже ничего постелить. Стараясь ни на кого не наступить, Мелиса пробралась в ванну, где выдавила из полудохлого тюбика на палец зубную пасту. Прополоскав рот, она взглянула на

себя в зеркало: косая челка отросла и закрывала чуть ли не пол-лица, в носу пирсинг, оба уха проколоты. Вздохнув, Мелиса сказала отражению: «Ну что же, какая есть», а после и вовсе показала язык. Она взглянула на часы и чертыхнулась – до выпускного экзамена оставалось не больше получаса!

...До школы добралась она на удивление быстро, так что опоздала к началу всего на десять минут. Мелиса не испытывала иллюзий относительно своего уровня знаний, потому в тесте большинство ответов проставила наугад, зато расстаралась над сочинением. В итоге, она раньше других сдала бланки и вышла из класса, поймав спиной осуждающий взгляд преподавателя. Настроение ее становилось все лучше, она надела наушники и бодро зашагала прочь от надоевшей школы.

Через несколько недель Мелиса узнала результаты, и удивлению ее не было предела. Если не произошло никакой ошибки, то ее баллы вполне могли оказаться проходными для многих вузов. На радостях она разослала копии документов в несколько университетов, а под конец осмелела настолько, что подалась на факультет культурологии в Москве. Мелиса понимала, что ее вряд ли отпустят учиться в столицу, но все же решила рискнуть и не прогадала. Спустя месяц пришел ответ.

В тот день, зайдя в подъезд и повинувшись некому чутью, Мелиса решила проверить письменный ящик. Там редко можно было найти что-то, кроме рекламных брошюр или платежей за квартиру, и все же... В ящике обнаружилось письмо на ее имя, притом – в официальном конверте, с печатью.

«Джа, неисповедимы пути твои...», – вполголоса сказала Мелиса, в третий раз перечитывая текст письма. В нем черным по белому было сказано, что ей до 27 августа необходимо отметить в Московском государственном университете и отдать оригиналы документов. Она, оказывается, вне конкурса прошла на культурологию. Там же, в письме, было указано, что иногородним студентам предоставляется общежитие. Мелиса вздохнула, предвкушая сложный разговор с предками, закрыла почтовый ящик, спрятала письмо во внутренний карман куртки и начала подниматься, тяжело топя камелотами по ступеням.

...Однако родители, вопреки опасениям, новость восприняли с восторгом. Мать обняла Мелису со словами:

– Я знала, что моя дочка – настоящая умница! Ты даже не представляешь, как мы тобой гордимся!

Отец потрепал ее по волосам:

– У, голова! Далеко пойдешь! Правда, я вот никак не пойму: культурологи – это что за звери такие?

По такому случаю родители даже купили торт. Впервые Мелису никто не упрекал за пирсинг, неформальную одежду и музыкальные вкусы. Ей забыли и простили даже скандал, случившийся после выпускных экзаменов из-за загула. Мелисе трудно было поверить, что буквально через несколько недель ей предстоит уехать учиться в Москву. Впереди была огромная, непознанная, манящая, почти самостоятельная жизнь. Мелисе в эти минуты отчаянно хотелось жить и не задавать никаких вопросов завтрашнему дню.

* * *

...Эрнест устало отложил ручку, запечатал письмо в конверт и сунул его под подушку. Дело было сделано, осталось спокойно принять таблетки и лечь в кровать. Он давно знал, что время – как пластилин в руках. Взять кусок прошлого, согреть в ладонях и вылепить немного другую форму. Письмо Эрнест передаст не Харону, а Курлыку, и тот унесет его в небесную канцелярию. Жив ли мистер Курлык? Смешной вопрос! Ангел – это не Анна Каренина, его просто так поездом не раздавишь.

...На этом месте пахло вокзалом – поездами и папиросами, а с полей летом ветер приносил запахи трав. Вокзал – это перекресток дорог, место между мирами, промежуток. Эрнест не знал, как называется

заброшенная железнодорожная станция. Он снова был четырнадцатилетним мальчишкой в парусиновых шортах и ободрал коленку, спускаясь с насыпи к путям. Там его дожидался сутулый человечек с сизыми крылами, сложенными за спиной. Эрнест потерял ушибленную коленку и вытащил из-за пазухи помятое письмо. Курлык принял его, как величайшую ценность, и спрятал в шкатулку, инкрустированную серебром, после чего поклонился Эрнесту и достал откуда-то из складок хламиды пакет с жареными семечками.

– Бывай, парень, – сказал хранитель и пошел вдоль железки, отмечая свой путь излузганной шелухой. Эрнест поглядел ему вслед и весело сказал:

– Да, привычка – дело серьезное.

По левую руку осталось поле, заросшее маками, солнце было в зените. Эрнест отдышался и посмотрел на циферблат наручных часов, подаренных ему дедом. К груди Эрнест прижимал цветок мака, и когда обе стрелки сошлись на отметке «12», бросил цветок на рельсы. В лицо ему ударила волна горячего воздуха, пахнущего углем и железом. Через некоторое время Эрнест увидел поезд. Мальчишка бежал и спотыкался, до крови закусив губу. Он остановился рядом с локомотивом, который походил на огромного черного жука. Дверь открылась, и оттуда высунулась Смерть, во всем своем нагом великолепии.

– А где Харон? – растерянно спросил Эрнест.

– Сегодня я за него, – сказала Смерть, протягивая Эрнесту узкую ладонь, – в конце концов, надо же старику иногда отдыхать. Залазь, для тебя есть новая работа.

Из-за плеча Смерти показался Оле, поправил на носу очки и радостно махнул рукой:

– Ну вот, я же говорил, что еще увидимся! – приветствовал он Эрнеста. – Будешь у меня учиться?

Эрнест рассмеялся и, уже не боясь обжечься, протянул руку Смерти. Как ни странно, но ее ладонь оказалась сухой, теплой и очень сильной. Она буквально втащила мальчишку внутрь.

– Помнишь, я говорил тебе, что взрослым и детям не хватает сказок? – весело сказал Темный Оле, и Эрнест коротко кивнул.

– В следующей жизни ты будешь сказочником, – решила Смерть и потрепала мальчишку по волосам.

У Эрнеста в голове вновь были десятки вопросов, но начал он, как обычно, не с них.

– А как называется эта заброшенная станция? – спросил мальчик у Смерти.

– Ну, не такая уж она и заброшенная, – сказала Смерть, – а называется просто – «Красные маки».

...И поезд тронулся, понемногу набирая ход, направляясь от станции «Красные маки» на обратную сторону луны.

Созвездие Большого Пса

Большой Пёс (лат. Canis Major) – созвездие Южного полушария неба, самая яркая звезда – Сириус, имеет блеск –1,46 т. Расположено к юго-востоку от Ориона («под правой ногой»); частично лежит на Млечном Пути. На территории России наблюдается полностью в южных и центральных районах.

Глава 1. Сказочник

Иногда я чувствую себя очень старым, будто мне тысяча лет, белки глаз растрескались, как фарфоровые блюда, а в бороде пророс мох. Если мерить земными годами, то лет мне совсем немного. Эта оболочка, человеческое тело, в котором я живу, еще не начала распадаться на части. Но глаза, что открывают мне двери в комнаты пустого и давно заброшенного дома, не врут. Эти глаза заполняются слепотой, как трюмы тонущего корабля. С моих ресниц осыпается пепел. Злой, едкий пепел городов, сгоревших дотла. Пепел костров, на которых сжигали людей. Я не люблю этот стылый полуслепой взгляд, и стараюсь избегать зеркал. Даже бреюсь я последнее время наугад.

Я наполняю свой мир пряным дымом курительниц, запахами бергамота и шиповника, я глотаю густой и горький травяной настоем, надеясь на

то, что его вкус поможет мне заглушить собственную горечь. Если надеть на шею тяжелый камень и прыгнуть с моста, то станешь ближе к рыбам, но вряд ли сам превратишься в водоплавающее. Вся моя жизнь похожа на затянувшийся прыжок с моста. Я хотел бы научиться жить среди людей, но все мои попытки заканчиваются неудачей. Словно кто-то зашвырнул меня в этот красивый мир, как большой камень в песочный замок. Как бы камень ни старался, он всегда будет чужим.

Я пробовал походить на людей, впитывая их привычки и знания. Я отражал людей в себе. Я уже говорил о том, что не люблю зеркала. Во мне, как в зеркале злого тролля, не может отразиться ничего хорошего. Единственное, что я умею делать хорошо, это складывать слова человеческой речи в предложения. Я понимаю, что мне вряд ли удастся сплести узор красивее, чем узор снежинки или годовых колец внутри дерева. Что там говорить, даже узор прожилок на древесной листве передать мне не по силам. Я к этому и не стремлюсь, потому что из людей мало кто умеет читать сказки, написанные совершенным языком природы. То небольшое, что я могу сделать для людей, – это пересказать сказки ветра. А сейчас мне нужно замкнуть этот круг и отдать Лунный камень. Ведь люди любят сказки, рассказанные на ночь. Потому что вся наша жизнь

– это время, проведенное в ожидании вечной, непроглядной ночи. Баю-баюшки, баю, не ложися на краю...

Глава 2. Дом, в котором живут кошки

На самом краю света стоит большой дом, в котором живут кошки. Они живут своей жизнью, ходят по опустевшим комнатам с хозяйским видом, справляют свои дела, где захотят, а ночами забираются на покатую крышу дома и оглашают всю округу протяжными кошачьими песнями, посвященными друг другу и небесным красотам. Звезды тихо покачиваются на тонких нитях лунного света, и тогда какая-нибудь из кошек подпрыгивает и сбивает звезду с небосклона. Так уж устроены кошки: если что-то маячит у них под носом, то до этого «чего-то» непременно нужно дотянуться лапой. Звезда падает в заросший газон на заднем дворе, и если люди замечают, как падает звезда, они загадывают желания. Эти желания, как правило, сбываются.

* * *

Кэт и Крюгер сидят на подоконнике, окно открыто настежь, ноги выставлены наружу. Первый этаж, свалиться не страшно, но даже если был бы и

девятый, и какой угодно этаж, эти двое вряд ли бы испугались. Кэт – она, если по-русски, Катя, просто в пионерском лагере почти у всех есть клички, даже у воспитателей. Крюгер свое прозвище заслужил из-за рук, они у него покалечены в пожаре, левая рука совсем нерабочая. В правой руке Крюгер зажал сигарету и задумчиво смотрит на небо. Прямо над ними – созвездие Большого Пса, его особенно хорошо видно в южных широтах. Крюгеру пятнадцать лет, он уже совсем взрослый. Кэт – веснушчатая и кудрявая, она младше Крюгера на полгода. Вообще-то девочкам после отбоя нельзя в мальчишеские спальни, но вожатые сегодня основательно загуляли. Еще бы им не загулять, как-никак, закончилась смена. Вещи заранее собраны и запакованы в рюкзаки, утром дети будут прощаться, оставлять номера телефонов, проливать реки слез, вожатые станут давать ценные советы и напутствия. Но это будет потом, а до утра еще полпачки сигарет и целое море молчания. Что тут говорить, когда и так все ясно? Кэт не выдерживает первой и говорит, что она будет писать письма. Крюгер только улыбается и вдруг шепчет:

– Смотри, падающая звезда! Загадывай скорее желание!

Кэт во все глаза смотрит на падающую звезду, потому что видит ее впервые. Крюгер возбужденно трясет ее за плечо:

– Ну что, успела загадать?

– Угу – отвечает Кэт, – успела.

Кэт осторожно берет Крюгера за искалеченную руку. Крюгер вздрагивает – он не привык, что к его рукам кому-то не противно прикасаться. В траве стрекочут цикады.

– А ты успел загадать желание? – спрашивает Кэт у Крюгера.

Тот тихо смеется, затягивается сигаретой и говорит:

– Ага, успел. Только мое желание очень смешное.

Они еще немного молчат, потом Кэт нетерпеливо толкает Крюгера локтем в бок: мол, а ну-ка признавайся, что загадал. Крюгер вздыхает и говорит:

– Вообще-то о загаданных желаниях нельзя рассказывать, иначе не сбудется. Но у меня желание настолько дурацкое, что, наверное, можно. Не желание даже, а так...

Кэт морщит нос, в который попал сигаретный дым, и обзывается:

– Вонючка. А ну-ка, колись, что за дурацкие желания у тебя в голове?

Крюгер только вздыхает:

– Я подумал вдруг, а как было бы забавно, если бы мы были не людьми, а кошками. Жили бы тут в свое удовольствие, и... – Крюгер сделал вид, что он очень заинтересован состоянием своих кед, вместо

того, чтобы закончить фразу «и никто бы нас тогда не разлучил». Но ему показалось, что скажи он так вслух, это прозвучало бы как-то совсем фальшиво.

Кэт смеется, болтая в воздухе босыми ногами:

– Ну, ты придумал! Кошками мы бы стали, как же...

Крюгер насупился:

– Сама-то ты, небось, что-то очень умное загадала, да?

Кэт внезапно стала серьезной:

– Я вообще-то загадала, чтобы эта ночь никогда не заканчивалась.

* * *

На самом краю света стоит большой дом, в котором живут кошки. Они живут своей жизнью, ходят по опустевшим комнатам с хозяйским видом, справляют свои дела, где захотят, а ночами забираются на покатую крышу дома и поют свои песни звездам и луне.

Глава 3. Созвездие Большого Пса

Он порой чувствует, как несказанные, человеческие слова распирают широкую грудь, собираются грозовым облаком в легких, готовые прорваться ливнем. Вдыхает, размыкая сухие губы,

и обнаруживает в гортани пустоту, подобную иссохшему колодцу. Молчание переполняет его, как жидкое олово, заполнившее целиком железную форму, и льется дальше. Он разрывает ночь, в которой с ним уже нет хозяйки, сиротливым лаем, но перестает слышать себя и захлебывается молчанием. Судорожно глотая воздух, он просыпается.

Клиф просыпается с криком, зажав в кулаках простыню. Так просыпается он последние полгода своей человеческой жизни. За те два месяца, что Клиф живет на съемной квартире, ему так и не удалось обнаружить признаков жизни на лестничной площадке, да и во всем подъезде тоже. Вероятно, люди все же существуют за этими дверьми и даже иногда покидают свои квартиры, просто Клиф никогда этого не видел. Раз в месяц к нему приходит лысый, вечно вспотевший человек, и Клиф молча передает ему плату за жилье. Каждый раз в последний четверг месяца, в одно и то же время. Клифу нравится пунктуальность хозяина квартиры. Это единственное, что нравится в нем Клифу.

Сигаретное облако порой появляется между третьим и четвертым этажами. Оно висит там, как знак вопроса, и Клиф неизменно добавляет к этому вопросу знак восклицания, когда спускается на

первый этаж. Не раз Клиф пытался подкараулить курильщика, но тщетно. В конце концов, ему пришлось смириться с тем, что запах курева сам собой появляется в воздухе. Запах табака вызывает у Клифа приступы меланхолии. Вечерами он может часами сидеть в позе лотоса и смотреть в стену, как будто там показывают интереснейший фильм. По квартире он ходит в старой растянутой тельняшке, которая пахнет гречишным медом и потом. Когда Клиф натягивает ее, он подворачивает рукава до локтя, чтобы не болтались. Зажмурившись, он вдыхает этот запах еще раз, стараясь почувствовать его полностью, всем телом. Это тот самый запах, что заставлял его прежде вилять хвостом и припадать на передние лапы.

Клиф живет аскетом. В его однокомнатной квартире есть матрас и боксерская груша. Помимо этого, есть душ, газовая плита и старый ворчливый холодильник. Напор воды в ванной оставляет желать лучшего, да и сама вода хранит ржавые тайны труб, через которые ей пришлось пройти, чтобы вернуться обратно в трубы. Клиф думает о том, что человеческая жизнь подобна движению воды.

Вода смывает остатки сна, который Клиф вновь не запомнил. Теперь этот сон тоже будет храниться в трубах. Чередой в десять мощных ударов Клиф говорит боксерской груше «доброе утро». Так ему

проще запоминать слова. Снимая с гвоздя куртку, Клиф мысленно прощается с этим местом. Он не привык называть его «домом».

Клиф прячет глаза. У него с ними проблемы, бельмо в правом глазу. Потому на нем тонированные очки. Клиф смотрит из-за своих стекол на лица людей в автобусе. Он приветливо скалится, когда разглядывает безучастные, некрасивые, неживые лица. Никто не улыбается ему в ответ, и правильно. Потому что Клиф видит не пассажиров автобуса, а дичь.

Клиф мало спит, ему не нравится спать. Снятся плохие сны. Он устроился разнорабочим на стройку в этом захолустном городе. Два месяца назад Клиф приехал сюда и неожиданно для себя самого задержался дольше, чем на пару недель. Сегодня не пришел потеющий человек, что-то должно измениться. Клиф положил в рюкзак комплект белья, снял с гвоздя куртку и запер дверь. Навсегда попрощался с местом, отчего-то уверенный, что он действительно больше не вернется сюда. Ключи оставил в электрощитке.

Спустившись до третьего этажа, Клиф вновь ощутил этот запах. Он бы его ни с чем в жизни не перепутал, так пахли сигареты «Dunhill», которые курила хозяйка. Клиф скривился от запаха, будто у

него заболел зуб. Не сдержавшись, он с силой саданул по стене подъезда, срывая казанки, и глухо зарычал. Конечно, на площадке между третьим и четвертым этажом никого не было. Сгорбившись, бродячий Пес поплелся дальше, поджимая ушибленную лапу.

* * *

Катя не была слепой от рождения, зрение она потеряла в автомобильной аварии, когда возвращалась из пионерского лагеря. Врачи тогда утверждали, что девочке чудом удалось остаться в живых. У самой Кати на этот счет было свое мнение. Если бы ей попался в руки ее ангел-хранитель, она бы выщипала ему все перья, а потом сварила бы в супе. Ангел-хранитель, который оставил ей жизнь, но отобрал глаза. Однако мнение калеки никто не спрашивал. Катя жила вместе с матерью, отец их оставил, когда Катя была еще совсем маленькой. Так случается сплошь и рядом, ничего с этим не поделаешь. Отношения с матерью никогда не были гладкими, после автокатастрофы – тем более. Содержать дочь-инвалида оказалось совсем не просто, и вскоре добросердечная мама спихнула Катю в интернат. Сама Катя, впрочем, особых претензий по этому поводу не выказывала. Она всегда была на удивление тихой и покладистой девочкой.

Жизнь в интернате оказалась не то чтобы веселее и интереснее, но там, по крайней мере, у Кати появились друзья, которых раньше не было. После двух попыток самоубийства, обе из которых оказались неудачными, за ней закрепилось прозвище Макака. Как связана обезьянья кличка с суицидальной склонностью, ей никто не удосужился объяснить. С ней вообще мало разговаривали, воспитатели делали свою работу, как роботы. Следили, чтобы слепцы не открутили друг другу головы, не обмочились в постели, вовремя ложились спать и хорошо питались. Слепые передвигались по коридорам, взявшись за руки, так что если кто-то из взрослых начинал говорить о «чувстве локтя», Катя только ухмылялась. Взрослела она быстро.

Там же, в интернате, Катя научилась курить. Где старшие умудрялись раздобыть сигареты, для воспитателей оставалось загадкой. Скорее всего, их передавали с кем-то из родственников. Такие передачи делились по-братски, крыс в интернате не любили. Закурить ей предложила девушка, которую все называли Серьезной. Прозвище она получила за умение правдиво врать воспитателям. Курить Катя научилась как раз после второй попытки самоубийства. Она сидела на унитазе в женском туалете и тихо плакала. Плакать громко было нельзя, если застучает кто-то из воспитателей, сразу

же потащат к психологу... Последнюю встречу с психологом Катя вспоминала с отвращением. Если свести к общему знаменателю монолог, который ей пришлось выслушать, то выходило примерно следующее: на них, убогих калек, здесь тратят столько времени, средств и сил, а они, неблагодарные свиньи, готовы при первом же удобном случае свести счеты с жизнью. Катю передернуло.

Катя услышала шаркающие шаги и затихла, рукавом кофты утирая заплаканное лицо. Походку Серьезной нельзя было перепутать с походкой других девочек. Серьезная хромала на одну ногу. Катя не то чтобы побаивалась Серьезную, но старалась соблюдать нейтралитет. Щелкнула зажигалка, потянуло куревом. Катя до последнего надеялась, что Серьезная не поймет, что не одна находится в туалете. Не тут-то было, Серьезную оказалось непросто провести. Она вежливо кашлянула и сказала:

– Привет, Макака. Ты, говорят, вскрыться пыталась?

Катя вздохнула и шмыгнула носом. Пытаться скрыть свое присутствие все равно уже не имело смысла. На вопрос Серьезной она ничего не ответила, да и что тут ответишь? Серьезная сделала несколько шагов, протянула вперед руку, коснулась волос Кати, определяя ее местоположение. Катя от этого прикосновения вжала голову в плечи, но тут

Серьезная совершила то, на что Катя никак не могла рассчитывать. Она почти ласково погладила ее по голове и участливо спросила:

– Курить будешь?

И, не дожидаясь ответа, подкурила вторую сигарету и всунула ее Кате в губы. Катя, сильно затянувшись, закашлялась. Она вспомнила, как два с половиной года назад в пионерском лагере сидела на подоконнике с мальчиком, имени которого так и не узнала. Все его звали Крюгером, а настоящее имя она спросить постеснялась. Он тогда курил, уставившись в звездное небо. Тогда она впервые увидела падающую звезду и – вот дурра! – загадала желание, чтобы ночь никогда не заканчивалась. Что же, можно сказать, что звезда ее не подвела. Наутро они с Крюгером впопыхах попрощались, а потом... А потом мало кто из детей, находящихся в автобусе, остался в живых. Ей повезло больше, чем тому мальчику. Повезло, как же. Два с половиной года назад. Когда глаза еще были зрячими. Следующую затяжку Катя сделала более спокойно и осмысленно. Услышав это, Seriousная значительно заметила:

– Ишь, как быстро втянулась. Не фуфло какое-нибудь. “Dunhill”, стопроцентно кубинское курево.

Нельзя сказать, что после этого случая Seriousная стала для Кати лучшей подругой, она скорее взяла

ее себе под крылышко. «Научу тебя жизни», – так любила она говорить. Этой самой жизни, впрочем, боялись все, хоть и не все подавали вид. Несложно представить, какая жизнь ждала слепых за стенами интерната. После выпуска тех, кому повезло чуть больше, забирали к себе родители. Большинство же отправлялись в дома престарелых. Серьезная относилась к той категории, которым «повезло чуть меньше» – родителей и близких родственников у нее не было. Катя помнила, как Серьезная как-то ночью, за несколько дней до выпуска, забралась к ней в постель и крепко ее обняла. Потом молча поднялась и ушла куда-то. Утром Катя узнала, что Серьезная повесилась на ремне в душевой, откачать ее так и не успели. Катя после этого вообще перестала разговаривать. Она и раньше-то не была особо словоохотливой.

Поводыря Кате выписали почти сразу после интерната. Сказать, что мать была счастлива возвращению дочери, значило бы сильно приукрасить события. На улицу, впрочем, не выгнала, и то ладно. Больше всего неприязни у нее было к овчарке-поводырю, которая теперь жила с ними в однокомнатной квартире. «От нее только грязь, вонь и никакого проку», – говорила она всякий раз, когда видела, как Клиф дурачится и гоняется за мячиком, который ему бросала Катя. Так они играли.

Вряд ли бы Катя смогла объяснить, почему назвала собаку Клиф, а не Шарик или Бобик. Она бы не смогла объяснить и то, что эта кличка на самом деле означает. Просто это были единственные звуки, которые она произнесла за первый месяц после выпуска: «Клиф». Позже она узнала случайно, что клиф – это скалистый обрыв, который образуется в результате разрушения берега прибоем. Для замкнутой слепой девушки собака стала единственным близким существом. Тот факт, что поводыря Кате дали так быстро и почти без хлопот, объяснялся очень просто – собака оказалась «дефектная», после болезни у нее «испортился» правый глаз. Вместе с Клифом Катя ходила гулять и даже по магазинам. Умный пес всегда приводил ее домой. Однажды они вместе дошли до парка, а это за два квартала от дома. Две остановки на троллейбусе. Почти кругосветное путешествие.

В центре реабилитации Кате пообещали, что помогут устроиться диспетчером в такси. Это была хорошая новость, потому что на двоих денег выходило маловато, а мать порой испытывала слабость к крепким напиткам. Она не была беспросветной алкоголичкой, но одинокая жизнь, мизерная зарплата и увечная дочь... Вечерами, дернув стопку-другую недорогого коньяка, мать любила обнять «дочурку» и «пообщаться с

ребенком». Основной темой этого общения всегда становилась половая жизнь, при этом совершенно не важно, с чего начинался разговор. Сказать, что Катю от таких бесед уже тошнило, значит, не сказать ничего. Впрочем, были и маленькие радости. Например, книги, написанные шрифтом Брайля, которые можно было брать в центре реабилитации. Читать их Катя научилась в интернате. По большому счету, жизнь не то, чтобы налаживалась, но входила в какое-то стабильное русло. Засыпала Катя, обняв Клифа за мохнатый бок («Ты и в постель эту скотину тащишь!» – не преминула бы сказать мать).

Первая карта из основания этой шаткой конструкции была вытащена, когда мать сократили на работе. По сути, ее просто «списали», как устаревшую технику. После этого мать крепко села на стакан. В доме стало нечего есть, Кате с Клифом пришлось идти на улицу, просить денег. Это было унижительно, но Катя и сама понимала, что пса надо кормить. За себя она особенно сильно не беспокоилась, за «любимую мамочку» – тем более.

Зимой попрошайничать на улице в осенней куртке было холодно. Не мудрено, что Катя «заработала» бронхит. В новогоднюю ночь мать загуляла, на прощание сказав дочери: «Если что, звони, я всегда на связи». Ага, разбежалась звонить, подумала

Катя. Было ясно, что до утра мать не появится. Температура у Кати подскочила до 39, а с такой температурой собственное тело кажется легким, как пушинка. Катя полностью открыла на кухне оконные створки, достала из заначки сигареты и уселась на подоконник. Воздух гремел от салюта. Клиф этот грохот не любил, он рычал на огненные вспышки и скалил пасть. Пес забрался на подоконник и уселся рядом с хозяйкой, ткнулся обеспокоенно ей мокрым носом в плечо. Катя закурила, положила руку псу на загривок:

– Клиф, представляешь, как было бы здорово, если бы ты был человеком, а? Стал бы моим парнем, – Катя хихикнула, и... – Клиф так и не понял, что случилось в следующий момент.

Была ли это третья попытка самоубийства? Скорее всего, нет, просто у девушки от высокой температуры закружилась голова, и она соскользнула с подоконника вниз, наружу. Наружу с девятого этажа.

...Когда наряд милиции высадил-таки дверь квартиры, они нашли там голого парня с всклокоченными волосами и совершенно диким взглядом. Не удивительно, что смерть девушки связали именно с ним. Когда мать Кати давала показания, она постоянно причитала, утирая

зареванное лицо: «А ведь я ей говорила, постоянно об этом говорила...». Никаких данных об этом странном парне найти не удалось, он только рычал и скалил зубы. Разбираться, кто он такой и откуда, в новогоднюю ночь никому не хотелось. Парня наскоро одели в то, что под руку подвернулось, и повезли в местное отделение. Но до камеры временного содержания он так и не доехал. По слухам, он просто перегрыз охрану и сбежал.

* * *

Вот уже две недели прошло с тех пор, как Клиф ушел со съемной квартиры. На стройке забрал положенные ему деньги и пустился в дорогу. Говорят, бешеной собаке семь верст не крюк. Это очень правильная человеческая поговорка. Клиф полностью доверился звериному чутью. Он двигался в сторону Черного моря, где пешком, а где автостопом, благо, лето было теплым и не дождливым. Подрабатывал за еду, иногда его пускали переночевать, но и под открытым небом Клиф привык спать. Он был выносливым и сильным, среди людей эти качества ценились. Ему мало кто доверял, и Клиф отвечал людям полной взаимностью. Со временем ему удалось выучить человеческий язык. Лексикон его хоть и был беден, но объяснить и даже поддержать нехитрую беседу Клифу всегда удавалось. Он не знал, почему его так

тянет в сторону моря. То, что он хорошо понимал, – за ним охотятся. Клиф был в розыске. Хотя такого человеческого слова, как «розыск», он не знал.

На исходе третьей недели Клиф, наконец, добрался до побережья. Уже наступали сумерки, когда Клифу улыбнулась удача, и его подобрала попутка. Водитель подбросил бродячего Пса до окраины поселка Джанхот, дальше Клиф пошел пешком. Добросердечный южанин предлагал помочь с ночлегом, но Пес от предложения отказался. Он хотел увидеть море. Клиф вышел на скалистый берег по запаху и сел на камни, запрокинув голову к звездному небу. Захотелось выть.

Чужака Клиф почуял сразу же. Тот особо и не скрывался, карабкался с камня на камень, тихо вздыхал, чертыхался, запнувшись в темноте о булыжник. Пес пожалел о том, что не убрался заранее, пока бродяга его не заметил. Человек без лишних церемоний уселся рядом.

– Ты знаешь, что вот это созвездие носит имя Большого Пса? – спросил его чужак и указал пальцем в небо.

Клифу вдруг отчаянно захотелось в детство, когда он еще был незрячим глупым щенком. Пес напрягся всем телом, и не спеша, плавно развернулся по направлению голоса. Увидев человека, Клиф

расслабился. Никакой опасности этот жалкий бродяга не мог представлять.

При ближайшем рассмотрении бродяга оказался не таким уж стариком, как Клифу показалось вначале. И, что странно, от него не воняло. Обычно от бродяг несет нестиранной одеждой, застарелым потом, перегаром, и еще черт знает чем, а от этого пахло чем-то, вроде шиповника, с примесью пряных трав. Клиф нахмурился. Он не любил не понимать.

– Ты кто такой? – спросил его Пес.

Бродяга почесал запущенную бороду, подумал и сказал:

– Я сказочник.

Клиф помотал косматой головой. Чем дальше, тем меньше он понимал, и это его не устраивало. Но он не успел и рта раскрыть, как незнакомец протянул ему покатый белый камушек величиной с перепелиное яйцо:

– Ты ведь пришел сюда, чтобы загадать желание, верно? Это лунный камень. Когда останешься один, просто сожми его в ладони и произнеси вслух то, с чем шел сюда через всю страну.

Клиф вскинулся и хотел спросить чужака, откуда ему это известно, но незнакомец уже поднялся и стал спускаться к кромке воды. Камень остался лежать рядом с Клифом. Тот посмотрел вслед бродяге и решил – ну и черт с ним, пускай идет. А затем

вполголоса повторил «то, зачем шел сюда через всю страну...».

Клиф посмотрел вверх, на то созвездие, которое незнакомец назвал созвездием Большого Пса, и впервые за долгое время улыбнулся. Пришло время вернуться домой. Сжав камень в большой мозолистой ладони, он тихо сказал самое важное: «Я хочу, чтобы моя хозяйка была живая». Откуда ему было знать, как причудливо порой могут сбываться человеческие желания?

* * *

Время вернулось на другой круг. Там, где все остались живы. Там, где желания исполняются так, как надо. Там, где за ночью следует утро, а за утром – счастливая человеческая жизнь, в которой есть место для всех и каждого. Для всех, кроме верного Пса.

Кэт и Крюгер сидят на подоконнике, окно открыто настежь, ноги выставлены наружу. Первый этаж, свалиться не страшно, но даже если был бы и девятый, и какой угодно этаж, эти двое вряд ли бы испугались. Кэт – она, если по-русски, Катя, просто в пионерском лагере почти у всех есть клички, даже у воспитателей. Крюгер свое прозвище заслужил из-за рук, они у него покалечены в пожаре, левая рука совсем нерабочая.

Завтра они сядут в автобус, который отвезет их в город. По пути лопнет колесо, из-за чего автобус застрянет в дороге на два часа. На трассе они увидят крупную аварию, но это воспоминание быстро вылетит из головы. По возвращении выяснится, что Кэт и Крюгер почти что соседи, и они часто будут гулять после школы. И, конечно же, мама Кати будет ворчать: «Опять побежала на свидание с этим криворуким». Но это все будет потом, а сейчас до рассвета еще полпачки сигарет и целое море молчания.

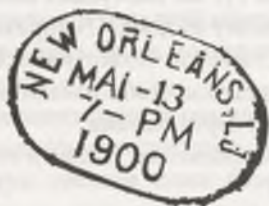
Они задумчиво глядят на небо. Прямо над ними – созвездие Большого Пса, его особенно хорошо видно в южных широтах.

Екатерина Егорова

От автора:

Я учусь в ТюмГУ на факультете филологии. Школу литературного мастерства посещаю с осени 2012-го. В детстве очень много читала и мечтала когда-нибудь стать такой же, как любимые писатели. То есть иметь возможность создавать миры, которые существовали бы по-настоящему. В разумах других людей и их сердцах. Сама пишу с тринадцати лет и останавливаться не намерена.

Маленький секрет

– Хорошо-то как! Тебе нужно почаще выбираться из комнаты. – Девушка в легком пальто улыбается, подставляет лицо ласковому сентябрьскому солнцу и жмурится от удовольствия. Как кошка. – Может, съездим куда-нибудь за город? Лес, листопад, озеро... Романтика! Будем кормить белок из рук. Пока еще дожди не пошли, потом тебя вообще из дома не вытащишь!

Я тоже улыбаюсь и киваю, соглашаясь с каждым ее словом. И тоже пытаюсь смотреть на солнце, но свет слишком яркий, на глазах тут же выступают слезы. Я и правда очень редко выхожу из дома. С непривычки чувствую себя вампиром, кажется, что вот-вот ослепну и сгорю. Пытаюсь проморгаться, чтобы избавиться от цветных пятен, пляшущих перед глазами.

Полупустынный парк. Скамейка. И как ей только удалось меня уговорить?

– Ты меня слушаешь? – оборачивается ко мне, хмурится.

– Обязательно съездим, но только не сегодня.

Некоторое время она внимательно смотрит мне в глаза, пытаюсь отыскать в них хоть тень лжи. Я с честью выдерживаю эту проверку, даже ни разу не моргнув.

– Обещай, – требует она, протягивая руку. Как ребенок, ей-богу.

Попытка изобразить серьезную мину проваливается, но, в отличие от меня, у нее она выходит мастерски. Как и всегда.

– Обещаю, – я вздыхаю и касаюсь ее прохладной ладони.

Она удовлетворенно кивает и одаривает меня благодарной улыбкой, тихое «спасибо» подхватывает ветер и уносит вместе с листьями куда-то к городским вершинам и ангельским гнездам.

Эта девушка не сомневается в своих силах, те времена давно позади. Она думает, что знает меня достаточно, чтобы уговорить на что угодно. Пойти на прогулку в будний день, выехать за город или даже развлечься в большой компании... Но, кажется, мне нужно быть более последовательным? Обо всем по порядку.

Ее зовут Лина, и она идеальна. То есть идеальна в буквальном смысле этого слова, во всем. Идеальная фигура, светлая кожа без единого изъяна, вроде веснушек или родинок, а форме пальцев ее ног позавидовала бы любая любительница босоножек. В зеленых, как морская вода, глазах можно утонуть или встретить кровожадных акул, однако глаз прекраснее я не встречал. Мягкие волосы пшеничной волной падают на плечи. Когда Лина улыбается, на ее левой щеке появляется очаровательная ямочка. Но внешность – это далеко не все, гораздо важнее то,

что скрывается за ней. Некоторые люди называют это душой, и в этом смысле Лина... слегка необычна.

Я поправляю блютуз-гарнитуру на ухе, есть у меня такая милая привычка никогда не выходить из дома без этой штуки.

Взгляд Лины, замороженный и завораживающий, направлен в небо, вот она вскакивает со скамейки, кружится, раскинув руки, звонкий смех и ветер звучат в унисон. Она хочет впитать в себя солнечный свет, тепло сегодняшнего дня, этот парк со всеми скамейками, деревьями и пока не закрытым на зиму фонтаном. Весь этот мир.

На Лине короткий светло-серый плащ, но я знаю, что под одеждой, на спине, она скрывает татуировку. И это знание греет гораздо лучше, чем глупое осеннее солнце.

Я часто вспоминаю те времена, когда Лина была другой. Слабенькой, полупрозрачной. Она двигалась неуверенно, не зная ни собственного тела, ни окружающего мира. Например, просто чтобы встать на ноги и пройти полкомнаты, требовались колоссальные усилия, но гораздо хуже дело обстояло с эмоциями. Улыбка лишь слегка трогала ее холодные губы, превращая лицо в зловещую маску, и почти тут же гасла. Но Лина прилежно училась, она подолгу наблюдала за мной, повсюду следовала тенью. Я всегда чувствовал ее присутствие за своей спиной. И

хотя внешне Лине было тяжело проявлять эмоции, ее чувства были гораздо сильнее и чище моих.

Через некоторое время я стал замечать, что Лина часто сидит на подоконнике, с любопытством разглядывая выцветший квадрат двора. Тогда я ощутил легкий укол ревности. Неужели крошечные фигурки вечно спешащих прохожих могут быть интереснее меня? До сих пор не могу понять, что именно ее так привлекало, что интересного может быть в обычной детской площадке, куче разно-цветных машин и паре извечных старух у подъезда? Я и сам люблю иногда помечтать у окна, но все-таки предпочитаю небо, а не людей.

Лина всегда была рада мне. Она протягивала руки, а губы ее шевелились в мольбе? В любовном признании? Не знаю, что тогда она пыталась мне сказать, а спрашивать как-то неловко. Быть может, она и не помнит уже ничего.

Какой дурак скажет, что невозможно перепутать сон и реальность? Он точно ничего не знает ни о снах, ни о жизни. Особенно когда сон не совсем сон. Кто может сказать наверняка, чьи миры мы посещаем, освобождаясь от груза серой обыденности?

Все началось с двери. Не знаю, где, не знаю, когда, но я просто взялся за ручку и потянул. Обыкновенные люди назвали бы это сном.

Море облизывало тихий берег, покрытый фиолетовой травой. Должно быть, она отрастала

здесь за короткое время отлива, только в ясные ночи под светом двойной луны. Вдалеке гудела автострада, ветер доносил оттуда грохот, разноголосые гудки и мелодичный звон.

Они используют колокольчики...

Мысль мелькнула и исчезла, я даже не успел понять, кто такие «они» и зачем им в машинах колокольчики. Шум доносился с моста, чья громада чернела далеко справа, он был ярко освещен, но, стоя внизу, у воды, ничего нельзя было увидеть. Большой город живет своей жизнью даже по ночам. Тогда как раз была глубокая ночь, потому что цвет обоих половинок луны был одинаково ярко.

Лину я заметил не сразу. Она стояла в длинном светлом платье на небольшой скале, неподвижная до поры, как статуя. Я окликнул ее. Она тут же отмерла и, помахав мне рукой, спустилась с камня. Ноги ее тут же утонули в колышущейся траве.

В ту ночь она впервые заговорила. Протянула «здравствуй», запнулась, словно испугавшись чего-то, потом начала говорить, не подбирая слов, просто пробуя голос. Он звучал быстрее и громче, я даже мог чувствовать напряжение ее связок. Не помню, что именно это было, но, кажется, какие-то стихи. Они рождались строчка за строчкой здесь и сейчас. Из воздуха с запахом дыма и со вкусом соли и карамели, гудения тросов моста и двухцветных огней ночного города.

– Кто написал их?

– Не знаю, – Лина улыбнулась и пожала плечами, – сделай одолжение, не позволяй им липнуть, они очень прожорливы.

– Кто?

Она молча показала на фиолетовую траву, но оказалось, что это не трава вовсе и колыхается она вовсе не от ветра. Я закричал от ужаса и отвращения, и через секунду оказался на скале, подальше от прибрежных червей. Лина каким-то непостижимым образом сумела меня обогнать.

– Приходи почаще, – сказала она, отсмеявшись.

И я приходил. Всякий раз, как закрывал глаза, хотя в этом не было нужды, потому что Лина и так всегда была со мной. Сначала бесплотная тень, она постепенно обрастала мыслями и желаниями. Я взял ее за руку и привел в свой дом. Ей, словно ребенку, все было интересно, она задавала вопросы, а я в свою очередь с удовольствием отвечал на них.

Похоже, как и всякая умная девушка, Лина интересовалась литературой. Я объяснил, что не считаю себя большим книголюбом и большая часть домашней библиотеки досталась мне от дяди, который собирал книги всю жизнь. Переезжая в другой город, он разрешил мне взять, что понравится. Но я не жадничал, честно. Я сказал Лине, что она может себя не ограничивать и брать любые книги. К

сожалению, мою драгоценную коллекцию комиксов-манга она не оценила.

– Дети пилотируют огромных человекоподобных роботов, и это даже не комедия? Кому-то здесь пора взрослеть.

– Это классика! – Возмутился я.

– Школьница в качестве бога? Мило.

– Ирония тут неуместна, это отличная история, – не то чтобы я пытался оправдать свои увлечения, но подобное отношение почти обижало.

– И не говори мне, что короткие юбки на краснеющих школьницах, задирающиеся на каждой третьей странице, считаются великим искусством.

– Тебе бы пошла школьная форма.

– Не дожدهшься, – Лина покраснела как пресловутая японская школьница и некоторое время к этой теме не возвращалась. Потом все-таки не выдержала и спросила:

– Разве ты знаешь японский язык?

Я честно ответил, что собираюсь когда-нибудь его выучить, однако она так и не поняла, зачем тратить столько денег на заказ комиксов из самой Японии. Внятно объяснить это мне так и не удалось. В конце концов, мы сошлись на мнении, что язык оригинала чисто эстетически смотрится лучше. При этом было принято решение больше не обсуждать инфантилизм некоторых личностей.

Лину куда больше привлекали обычные книги. Она сказала однажды, что находит антиутопии очень увлекательными и поучительными.

Иногда мы вместе смотрели телевизор. Лина дремала, уткнувшись мне в плечо во время романтических комедий (и это единственная причина, по которой мы смотрели романтические комедии), была равнодушна к боевикам и страстно обожала детективы. Думаю, она бы предпочла книжный вариант, но детективов у меня не водится, не слишком люблю их. Обычно просмотр проходил так: в начале фильма она делала предположение, потом выстраивала теории, при этом ухитряясь ничего не упустить, и радостно прыгала до потолка, если ей удавалось разгадать главную интригу сюжета. Я совсем не против, когда меня трясут за плечи или радостно вопят в ухо, потому что если она ошибалась, то любой детектив становился глупым нелогичным бредом, снятым исключительно ради денег, а претензии, естественно, приходилось выслушивать мне.

Однажды утром меня разбудил шум телевизора. Это было странно, потому что я, во-первых, не мог забыть его выключить накануне, а во-вторых, если все-таки мог, то почему не проснулся раньше?

– Доброе утро! – бодро поприветствовала меня Лина, не отрываясь от созерцания экрана.

– Ты сегодня прямо светишься. Не забыла, что от телевизора тупеют?

– Туплеют, – фыркнула Лина, она хотела было вернуться к просмотру мультиков, но я ловко перехватил пульт, и картинка погасла.

– Так-так, кажется, мы недавно говорили о том, что кому-то пора взрослеть?

Лина обиженно засопела, и мне даже стало немного стыдно.

– Мне было скучно. Твои книжки закончились.

Я со вздохом вернул ей пульт, но клятвенно заверил себя, что куплю еще книг и никогда, ни при каких обстоятельствах не пущу ее в Интернет.

Следующие несколько дней я чувствовал себя отцом девушки-подростка. Очевидно, Лина считала это забавным, а потому всячески подыгрывала и дурачилась, не думала, что я действительно могу ей что-то запретить. А я и сам не мог сказать, насколько все серьезно. Игра закончилась тем, что как-то вернувшись домой, я обнаружил дверь ванной запертой. Закрытая дверь и шум воды – вещи достаточно будничные, но в данном конкретном случае еще и весьма настораживающие.

– Лина? – Я постучал.

Изнутри пробурчали что-то невразумительное. Щелкнул замок. Я досчитал до пяти, вздохнул и только потом вошел.

Помещение заполнял пар, в лицо сразу ударила мягкая волна тепла и сырости с запахом шампуня. Это было неожиданно приятно, если учесть, что я успел замерзнуть под дождем. Лина стояла перед запотевшим зеркалом и увлеченно водила пальцем по поверхности стекла. Меня тут же бросило в жар, стоило только поднять глаза. Почему только полотенце? Почему оно держится на бедрах? Да какая девушка вообще так делает? Не знаю, насколько быстро я смог бы взять себя в руки, если бы не другая деталь, привлекающая мое внимание.

– Это что, татуировка?!

– Она самая, – только сейчас я заметил в отражении улыбку и в этот миг понял: вся сцена была запланирована и сыграна только для того, чтобы заставить меня понервничать. Ну уж нет, я проигнорировал надпись на зеркале («попался!») и моментально успокоился. А рисунок был довольно занятный.

– Что это за символ? Похож на галактику... немного.

Лина наконец обернулась и посмотрела мне в глаза.

– Я нашла его в одной книге, – она раскидала по плечам мокрые волосы, закрывая татуировку, и принялась одеваться, – ты не злишься?

– А должен?

Она только пожала плечами.

После я нашел книгу, наполненную всякой эзотерической чушью, ну, про зодиак, астрологию,

реинкарнации и тому подобное, ее небрежно засунули между диванных подушек. Страница, на которой предположительно находился нужный рисунок, была вырвана. Впрочем, меня мало трогало значение символа, а о причинах Лины я догадывался. Единственное, чего я так и не смог понять, откуда вообще взялась, эта книга?

* * *

– Мне нужно кое-что показать тебе.

На этот раз в небе горит только одна половинка луны, желтая. Она похожа на засахаренную лимонную дольку, с которой в море льется сироп. Сладкий свет, соленое море и легкая лунная кислинка, чудесное сочетание. Я настроен романтически мечтательно, сегодня беспрерывно шучу и говорю всякие глупости, но Лина серьезна, как никогда, с нее веселость и дурашливость слетают разом, как маска.

Мы берем напрокат лодку. Под навесом уютно: лампочки зачем-то маскируются под свечи, широкий стол, пара полукруглых скамей, декорированных мягкой тканью красного цвета. В движение лодка приводится огромным колесом прямо посередине корпуса, что напоминает водяную мельницу, получается, она вроде как едет прямо по воде. Лина говорит, что управлять ею – пара пустяков.

Она решает начать серьезный разговор, когда мы проплываем мимо того самого пляжа, на котором

встретились впервые. Теперь он выглядит голо и пустынно, наверное, оттого, что на нем больше нет мерзкой живой травы. Наверное, сегодня не тот день или просто не та лунная фаза.

– Почему ты называешь это место Страной Чудес?
– наконец спрашивает Лина.

Станный вопрос.

– Потому что, в отличие от моего мира, тут есть место волшебству. А еще здесь я встретил тебя.

– Но ты встречал меня и раньше! Разве ты не помнишь? А я помню все. С того самого мига, как получила имя, а может, даже раньше.

Я смотрю на нее с удивлением, мы раньше никогда не касались этой темы. Не зная, что сказать, просто киваю.

– Помнишь игры, которые мне так не нравились?

– Ты говорила, что считаешь их жестокими.

– Я была глупой, нет ничего страшного в убийстве существ, состоящих из двоичного кода. В конце концов, они созданы именно для этого. Это нормально, они ведь не настоящие... – в голосе звучит упрек, – но я сейчас не об этом. Ты слишком мало знаешь о том, как работает твоя Страна Чудес.

Ее лицо мрачнеет, она делает паузу, напряженно глядя на пока еще далекие огни.

– Теперь поворачивай к берегу, только осторожно, не сядь на мель.

Я аккуратно дергаю рычажки на приборной панели, как учила Лина. По звону колокольчика понимаю, что все сделал правильно, теперь мы движемся в сторону берега. Лина нервно теребит край вытертой скатерки, подбирает слова.

– Представь, что ты все время находишься в одной комнате. Там куча игрушек, и ты, в общем-то, можешь делать в ней все, что захочешь, но... скажем, за окном ничего нет, в смысле в комнате нет окна, вместо него просто цветная картинка с ночным небом и двухцветной луной, а сразу за порогом комната кончается. За порогом нет вообще ничего.

Пустынный пляж заканчивается, теперь мы плывем прямо к городу, свет становится ближе.

– Ты слышишь это?

Я слышу слишком многое: звон, гул транспорта, шум воды, ее голос, но не понимаю, к чему она клонит.

– О чем ты?

– Это просто звуковая дорожка. По большей части звуки оторваны от материальности, издавать их нечему. Мы уже совсем близко, приглядишься! Разве ты не видишь, что города не существует? Ты не задумывался о том, почему его огни будто тонут в тумане? Это всего лишь светящаяся картинка, плакат на стене вместо настоящего окна!

Лина не на шутку разгорячилась, она никогда не говорила о чем-то настолько личном. Она вообще

довольно редко говорит о себе, хотя обо мне знает практически все. Мне подумалось, что Лина, возможно, очень долго планировала этот разговор.

Впереди сверкает Город, он действительно словно в тумане, очертания домов теряются в дымке, расплываются. Не может быть, чтобы его не существовало! Вот желтое пятно чьего-то окна. Ведь там точно живет кто-то, мечтает, глядя вечерами на море, ходит каждый день на скучную работу, а выходные проводит в караоке друзьями, которые все пытаются найти ему подружку, ходит в кино раз в месяц и считает свою жизнь вполне счастливой.

– Но мы ведь гуляли по пляжу, сидели в кафе, получается, что они есть? И эта лодка тоже. Почему же тогда городу не быть?

– Потому что ты его не придумал, тебе оно и не нужно. А еще ты не придумал день и солнце. Но даже если бы ты использовал воображение по максимуму, в городе попросту некому было бы жить, – лицо Лины стало жестким, глаза совсем потемнели, как будто перед штормом, – просто признайся, ты не очень-то любишь людей.

В том кафе, где мы сидели накануне, не было ни посетителей, ни официантов, зато играла приятная музыка, а заказ появился в строго назначенное время, словно сам собой. Я чувствую стыд, никогда бы не подумал, что для Лины это так важно.

– Значит, Страна Чудес похожа на игру. Пиксельные текстуры, фоновая музыка и ограниченность локации, – я смотрю ей в глаза. – Так что в этом плохого?

– В смысле?

– Это же мир абсолютной свободы! Понимаешь, мир неограниченного творчества! Зачем нужны другие люди, если мы можем создать здесь все, что угодно? Прости меня, пожалуйста, прости, я не знал. Обещаю, мы создадим целый мир только для нас двоих, тебе не придется быть одной и...

– Нет. Не МЫ можем создать, а ТЫ.

И тут происходит то, чего никогда до этого не случилось. Меня насильно вышвыривает в реальность. Я лежу на своей кровати, хватаю ртом воздух, пытаюсь унять звон в ушах. Ощущение такое, словно меня вышвырнуло совершенно буквально, из дверного проема вверх по лестнице.

Я отчетливо слышу, как поворачивается замок в двери, ведущей в мою Страну Чудес.

* * *

С нашей последней встречи лицом к лицу проходит почти две недели и целый месяц после прогулки в парке. В какой-то момент я решаю, что пора бы уже выполнить обещание, нехорошо откладывать его так надолго. Да и Лина устает греметь дверцами шкафов,

двигать мебель и вообще всячески изображать не упокоившегося духа.

– Я пыталась уйти, но не смогла, – признается она.

Мой дом пуст и холоден. Сегодня ясно, но солнце больше не греет, совсем скоро выпадет снег, и, быть может, зима добавит уюта этим серым стенам, этим грязным окнам. Лина ждет за порогом, потому что больше не желает его переступить. И в этом нет ничего, кроме детского глупого упрямства, а жаль, я очень хотел предложить ей выпить чаю в это зябкое утро.

– До озера еще двадцать пять километров, – говорит Лина, провожая взглядом дорожный знак. Мы едем молча. Руки на руле холодеют, я пытаюсь успокоиться. В конце концов, я тоже мог бы попытаться уйти, но от себя не убежишь. Гарнитура на этот раз покоится в бардачке, до чего же нелепо было таскать ее все время. Лина улыбается, глядя вперед, на дорогу, губы шевелятся, словно она пытается что-то напевать. Она напряжена не меньше меня и тоже не знает, чем закончится эта поездка. Я слышу ее дыхание, сиденье продавливается под весом, как если бы на ее месте сидел настоящий живой человек.

Я припарковываюсь на обочине, нужную тропу мы находим быстро. Она достаточно широкая, чтобы можно было пройти вдвоем, но слишком узкая для машины.

– Будем стреляться? – пытаюсь пошутить я. – Тогда тебе следовало меня предупредить, я обычно не ношу с собой оружие.

– Вариантов у нас немного, – усмехается Лина и протягивает руку. Дальше мы идем как парочка юных влюбленных, держась за руки, и это почему-то кажется дико смешным. Я уже не могу отличить Лину от настоящей, живой девушки.

– Я тебя придумал.

Она кивает.

– Да, ты меня придумал.

– Ты мое отражение.

– В таком случае, это очень плохое зеркало, оно слишком сильно исказило суть. Но как ты можешь доказать, что это не я тебя придумала?

– Что? Как? Есть много людей, которые могут подтвердить, что я не выдумка!

– Но их здесь нет. И сейчас ты так же реален, как и я.

Мы идем очень долго. Когда день подползает к полудню, впереди, между деревьями, появляется просвет, там синее озеро. Но вместо того, чтобы направиться к нему, мы сворачиваем с пути и углубляемся в чащу. Потому что нельзя найтись, если ты хорошенько не потерялся. Расходимся мы практически незаметно, просто в какой-то момент Лина отпускает мою руку и исчезает. Или, наоборот, это я отпускаю ее и исчезаю сам? Я продолжаю идти.

– Я реален и докажу тебе это, ты только воплощение моих мыслей и фантазий, ничего больше! Ты должна была спасти меня от одиночества, но что вместо этого? Гнусное предательство!

С каждым словом небо все больше темнеет. Я иду целую вечность, а на пути то и дело попадаются странные металлические конструкции, будто гигантские духовые инструменты, забытые в лесу великанами сотню лет назад. Ветер играет на них, заставляя лес звучать словно орган, и к этому звуку примешивается далекий звон колокольчика. Где бы Лина сейчас ни находилась: в реальном ли мире, Стране Чудес или же в моей голове, она, я уверен, слышит меня.

– Да что ты вообще можешь знать! Что ты можешь знать о реальности? Почему ты так в нее рвешься? Ты не найдешь в ней ничего, кроме боли!

Деревья, окружающие меня, абсолютно прямые, кора гладкая и блестящая, как плавленное стекло, а древние кроны устремлены в небо. Деревья прямые, но их тени сплетаются, извиваются, словно щупальца неведомого морского чудовища. Как будто на весь лес существует только одна чудовищная тень, и она преследует меня. Пытается поймать и остановить. И в тот самый миг, когда я думаю, что достаточно заблудился, под ногами оказывается тропа. Но теперь она выглядит по-другому. Сложно сказать, что именно изменилось, но все как будто... во сне.

С панического шага я перехожу на бег, тень, словно дикий зверь, почуявший добычу, бросается следом.

Дорога, как и ожидалось, выводит к озеру. Над ним висит холодная дымка, а вода беспокойна, словно оно превратилось в большой котел, и дрова внизу полыхают вовсю. В небе больше нет солнца, вместо двух его частей зияет черный круг.

Затмение. Когда оно закончится для каждого из нас...

– Останется только один мир, – слышится знакомый голос.

Лина стоит на берегу, бледная, волосы растрепаны, она где-то умудрилась разорвать рукав куртки. Значит, ей тоже пришлось сломя голову бежать по лесу, спасаясь от чего-то неведомого? У меня вид не лучше.

– Что происходит? Я сплю?

– Нет, и я не сплю тоже.

– Это абсурд! Кто из нас сотворил все это?

Она только пожимает плечами.

– Прошу тебя, хватит, я уже ничего не понимаю. Я не знаю, чего ты хочешь, давай просто вернемся домой...

– Нет! Хватит прикидываться дурачком, все ты прекрасно знаешь. С самого начала знал, когда думал обо мне, когда создавал меня. Не ты ли шептал: «Она должна быть настоящей»? Это я должна спрашивать, зачем ты все это делаешь! Ты знаешь все, но

отмахиваешься от проблем, как будто они могут исчезнуть сами собой, но вместо этого... – Она хлопает носом, сердито стирает слезы.

– Вместо этого исчезаешь ты сам.

– Прости.

Я не могу придумать ничего другого. Злость прошла, испарилась, оставив лишь чувство опустошенности. Я ошибочно полагал, что Лину ведут гнев и жажда свободы, однако ей вновь удается меня удивить. Она может поступить как угодно, но вместо этого просто подходит ко мне и обнимает. Мне остается только обнять ее в ответ и поцеловать в светлую макушку.

– Да не реви ты, все нормально.

Ночь и день вот-вот разделятся, на противоположном берегу уже зажглись двухцветные огни. Фиолетовая трава разочарованно хватает ботинки, не теряя надежды прокусить толстую кожу.

– Пусть каждый из нас получит то, чего хотел, – шепчу я.

Уверен, что смогу придумать мир, в котором никому не будет страшно или одиноко. Целый мир за порогом комнаты и море за окном. А она... пусть живет согласно собственному выбору.

Затмение закончилось. Я смотрю в ночное небо, где горит двойная луна, и вдруг понимаю, что стою на берегу моря совершенно один...

Юлия Евстигнеева

От автора:

В детстве я мечтала стать морской разбойницей, позднее – художницей, хотя совершенно не умею рисовать, потом – учительницей... Но когда в девятом классе вынесла на суд одноклассников свое стихотворение, все сказали, что мое призвание – литература.

Тот, кто всегда позади

Зажиточный мужик Никифор, вдовец, уже не молодой и вовсе не пригожий собой взял к себе в дом двух сирот-погорелиц. Сгорела у них избушка со всем нехитрым имуществом, и сгинул в пламени отец их. Выбрались они чудом из огня, в чём были. Старшая была девка на выданье, ладная да спорая. Только кто возьмёт в жёны бесприданницу? Вот на старшей, черноокой Аннушке, и женился Никифор, а сестру её, четырёхлетнюю Катеньку, почитал за дочь.

В его избе за перегородкой жил молодой рыжий батрак Степан. Широкоплечий и сильный, он работал с хозяином в поле, а в другое время исполнял разную чёрную работу в огороде и по дому: дрова рубил, воду носил и прочее.

Приглянулась Степану новая хозяйюшка, и он тайком, когда хозяин в отъезде, стал к ней наведываться. И слюбились они.

Вскоре в доме Никифора Тимофеевича уже ждали прибавления.

К родам готовились тщательно. Дело это нешуточное: и приданое приготовить, и все обряды древние соблюсти. Анна советовалась со старой бабкой Пелагеей, принимавшей детей по всей деревне, готовила из лоскутков безликих куколок – оберегов от тёмных сил, которые называются кувадками.

Да не доследила она, что шустрая Катенька тайком взяла одну куколку поиграть и нарисовала ей угольные глаза и рот. Никто того не заметил, а маленькая Катюша вечером перед сном положила кувадку среди других.

В ту-то ночь и начались у Анны схватки. Никифор быстро послал на окраину деревни батрака Степана за старой Пелагеей, сам пошёл в баню сделать необходимые приготовления: затопил печь, развесил у входа кукол-кувадок, принёс в предбанник лукошко яиц, прибрал всё и пошёл за женой.

Тем временем приковыляла и знахарка Пелагея, опираясь на клюку. Она была наспех одета. Платок сбился набок.

Посмотрела бабка своими ясными глазами на роженицу и сказала: «Неладно!»

«Что, бабка, неладно? Что ты такое несёшь?» – почти рассердился появившийся на пороге Никифор. Он закончил подготовку к обряду и вернулся в избу за женой и старухой.

Пелагея подвигала губами, будто что жуя, и, наконец, произнесла: «Не пойму что, но нечисто дело».

Аннушка смотрела испуганно. Ей было страшно, боль подступала, а тут ещё бабка... Слов старухи Анна от боли почти не разобрала, но что случилось что-то нехорошее уловила в беспокойном взгляде мужа.

Никифор колебался, но крик Анны привёл его в чувство. Никифор, не раздумывая, подхватил жену и понёс в баню. Старуха поковыляла следом.

Внёс Никифор Анну в баню, положил на полке и оставил при ней повитуху Пелагею, как и положено, а сам вышел в предбанник, уселся на лукошко с яйцами и стал кричать неистово, громче жены, дабы выманить к себе всех злых духов-банников. Должна была нечисть вселиться в тряпичные тела кукол-кувадок. Но случилось так, что все духи вошли в безликих кувадок, а последний всё видел угольными глазами и улыбался чёрным кукольным ртом.

Через то и случилось, что не должно было произойти. Напрасны были старания Никифора. Похитил ребёнка дух нечистый.

Родился Лыт под утро. Родился – и не стало его. Исчез. Только слышался за спиной старой Пелагеи громкий крик младенца. Некого было прятать и подменять тряпичной лялькой, спелёнанной наскоро.

Катился с Анны пот, длинные тёмные волосы спутались. Анна безумно водила влажными глазами в поиске дитя и вдруг благим матом заголосила, забилась. Бабка закопошилась над ней, плача и причитая.

Живёт Лыт – не тужит, на балалайке играет, людей пугает. Крепок Лыт и ладен, рыж, как и отец его Степан. Да только никто Лыта не видит. Он, как ни повернись, всё сзади оказывается. Только и

увидеть его в воде да в медном блестящем тазу. Но к ним Лыт не подходит.

Малым ребёнком кормился он от козы, собак да кошек за хвосты дёргал. А как в силу вошёл, так и быкам хвосты стал накручивать. И до женского полу стал охоч.

Пойдут девки купаться – он за ними. Разденутся, а Лыт которую по спине погладит, которой пятерню в волосы запустит, которую щипнёт пониже спины. А когда девки оборачиваются, никого и нет. Тогда они и между собой перессорятся: «Зачем, мол, такая-сякая, меня задеваешь?»

А как в одиночку девка купается да наклонится, так и Лыт к ней пристроится. Порой, и рыжих деток приносили, незнамо от кого.

А Лыт, как тридцать лет прожил, и стареть перестал. Кормился и одевался он от людей. Где пирог пропадёт, где – рубашка. Но зато и работу Лыт знает: то дров наколет, то воды натаскает, и никто не видит работника.

Как загорится в деревне изба, так и Лыт тут как тут. Тушить не тушит, но стариков старых да детей малых выносит, добро спасает и животину. А как спросят кого, чем спاسя, то тот и не знает: «Вынесло меня само собой».

Выучился Лыт на балалайке. Играет, а никто не ведает, откуда. Некоторые боялись, а кто рад был потешиться, особенно дети, старики да пьяные.

Век Лыт провековал. Пришло другое время. Никто не стал в духов верить.

Народилась в Лытовой деревне Алёнушка. Росла маленькая да горбатенькая, превратилась в девку. Всяких Лыт со спины видел: статных и не очень, а горбатых с рождения – никогда. Через это-то и полюбил Алёну, да так полюбил, что жениться захотел.

Но парень-то он необычный, простым людям невидимый. Только и может обозначить своё присутствие, что букетик цветиков полевых на подоконнике оставить или косу Алёнушке заплесть. Даже слова сказать не смеет Лыт.

Вот и взмолился он, чтоб стать таким, как все.

А в это время злые духи уходили из деревни. Всё равно в них уже и не верил никто. А в городе козни строить куда вольготнее.

И проходил мимо Лыта тот из них, который забрал его у матери. Смог он выбраться из кувадки, хотя безутешный Никифор и сжёг всех куколок в печи.

Знал дух, что не пробудилось ещё сердце Алёны для любви, и подумал банник: «А что напоследок пакость сделать?» – да и выполнил желание Лыта.

И видал Лыт Алёну с лица, а она – его. Беленькая Алёнушка, глазки-незабудки у Алёнушки, губки и щёчки, что твой маков цвет. Лытко аж сжался весь, так сердце у него забилося.

А Алёна и глядит, да как его не видит. Не удивилась даже, что за парень чужой да чудной.

Лыт вокруг неё и так, и этак. Не люб он ей. Говорит Лыт: «Что ж такое для тебя, Алёнушка, сделать?» А она говорит: «Уходи!»

И пошёл Лыт, да неведомо куда. Кто говорил – спился, а кто видел рыжего в пожарной команде – пожары тушит да людям служит. Эх, Алёнушка!

Тут бы и сказке нашей конец.

Годков этак через пять полыхнула в деревне баня, и перекинулось пламя на Алёнушкину избу. Не может выйти Алёнушка, плачет: страшно ей, дым глаза выедаёт. Тут бы и конец девке. Но чувствует Алёнушка, как подхватили её руки сильные да на белый свет вынесли.

Пришла в себя Алёна, видит, рядом рыжий парень, знакомый как будто. Стоит, улыбается.

И Алёна ему улыбнулась. Люб ей стал спаситель её.

А осенью играли свадьбу рыжего Лыта да горбатенькой Алёнушки. С тех пор жили они душа в душу.

Такая сказка, а с вас – бубликов связка!

Конь

Был конь. Обычный конь. Чёрный. Боевой. Почти каждый вечер он участвовал в битве. Исполнял приказы. Шёл чётко, бесстрашно и... предсказуемо. Порой выбывал из боя. Порой сам подминал неприятеля.

Противником на поле боя была белая армия. В её рядах тоже сражались смелые и отважные кони. Беда в том, что белые кони были симпатичны их чёрному собрату, и ему совсем не хотелось с ними воевать.

Но все подчинялись правилам, и никто не пробовал нарушать их. Коню же очень надоело ходить так, как требовал полководец. Полководца звали Борис Петрович. Он чётко расставлял свою армию. Каждый воин занимал определённую позицию на чёрно-белом поле.

Конь знал уже каждую клеточку, каждую возможность своего хода, и его от этого мутило. Он жаждал свободы. Он желал дружить с белыми конями и резвиться с ними там, где хотел. Конь решил сбежать. Но это было почти невозможно. После каждой битвы обе армии складывали в коробку. Там было не пошевелиться, не поговорить. В темноте фигуры перемешивались.

Иногда конь чувствовал, что рядом оказался белый собрат. Он хотел завязать разговор, но кони были строги, хмуры и молчаливы. С ним невозможно было перекинуться словечком и во время битвы. А зачем? Каждый знал своё дело, делал свой ход под чётким руководством. Обсуждать следующий шаг между собой не было необходимости. Над ними был стратег.

Но однажды коню повезло. Во время игры Борис Петрович задел его неловким движением. Конь упал

и отлетел в сторону, к камину. Старый полководец не нашёл его, плюнул с досады, почесал лысину и заменил небольшим деревянным чурбанчиком.

Что-то изменилось в доме. Солнце стало чаще освещать комнату, заглядывать во все уголки. Чёрному коню стало веселее. Надоело лежать в одиночестве. Он соскучился по битвам, по своим молчаливым друзьям. Конь считал их друзьями, поэтому это и было так.

Иногда пробегал мимо мышонок или садился рядом ленивый кот Васька. Он трогал коня лапой, порою рассказывал что-нибудь на своём мурчащем наречии. Но солнце делало мир вокруг иным. Это пришло лето.

В доме слышались детские голоса. Голоса внуков Бориса Петровича, приехавших к нему на каникулы.

Как-то один малыш подбежал к камину, наклонился и удивлённо воскликнул: «Ой, что это?» Чёрный конь был найден.

Борис Петрович поблагодарил внука и стал объяснять ему, что такое шахматы. Мальчик слушал, широко открыв глаза, не перебивая, потом присоединились его старший братишка и сестра. Рассказ деда показался им настолько увлекательным, что они тут же решили научиться играть.

Для начала Борис Петрович решил познакомить ребятшек с шахматными фигурами, достал их из коробки.

«А давайте устроим им бал!» – предложила девочка. И ребята, как ни странно, согласились, а дед прищурился в улыбке.

И началась игра, не похожая на другие. Ребятишки расставили пешки, слонов, коней, королей и ферзей, как захотели. Это впервые была не война, а королевский бал. И наш конь улыбнулся первый раз в жизни и увидел, что ему улыбаются в ответ. Это были белые кони. Да и не кони вовсе. В пылу борьбы он не замечал даже, что это две красивые кобылы. И конь познакомился с ними. Он пригласил на танец одну из них. Они кружились, не обращая внимания, на какую клетку ступают, и впервые были счастливы.

Алексей Крутов

От автора:

Я родился и вырос в маленьком северном городе Нягань. Писать рассказы начал еще со школы, как только стал расширяться словарный запас и появился небольшой багаж знаний. С поступлением в Тюменский государственный университет и переездом в другой город писать временно прекратил. Но тексты просились наружу. Некоторые из них я предлагаю прочесть вам. Очень люблю двойственность и неоднозначность в героях, что и стараюсь отразить в своих небольших произведениях. Искренне надеюсь, что вам будет интересно!

Джорди

Скажите, вы когда-нибудь замечали за собой, как вы, прогуливаясь прекрасным темным вечером, как бы невзначай бросали взгляд в окно на нижнем этаже? Или, выключив свет, наблюдали за жизнью ваших соседей, которые живут в доме напротив? Признайтесь, ведь бывает такое за вами? О, ну что вы, нет-нет, я вас нисколько не осуждаю, поверьте. Мне и самому не чуждо данное занятие. К тому же у нашего сегодняшнего героя работа заключается именно в этом. Ох, простите, я вам его не представил. Видите этого невероятно высокого и худого джентльмена, который похож на тощее огородное пугало? Вон того, бредущего по улице между домами сквозь редкий снег, в потрепанном сюртуке и цилиндре. Знакомьтесь – Джорди Цаунпфаль*. И он заглядывает в окна. Каждую последнюю ночь каждого четного месяца. И сегодня эта чернильная снежная ночь – последняя ночь последнего месяца в этом году.

Широко шагнув, Джорди поставил ногу на стену высоты. Переступив второй ногой, высоко поднимая локти и колени, по-паучьи ловко и привычно, огибая оконные проемы, взобрался по стене на четырнадцатый этаж, откуда пахло отчаянием и горькой обидой. Там, повиснув вниз головой, он стал наблюдать.

Девочка с черно-сине-розовыми волосами. Она сидит на широком подоконнике, отвернувшись от матери, которая с печальным лицом что-то говорит, вразумляя свое непутевое дитя. Девочка видит только свое отражение и отрешенно выводит узоры своим пальчиком на холодном стекле. Несколько тонких бледных полосок пересекают ее руку в районе запястья. Джорди приблизил свое лицо к стеклу. Его тонкие синеватые губы медленно растянулись в широченную улыбку, обнажая двойные ряды игольчатых зубов.

«Хорошая», – подумал он. Протянув руку, Джорди аккуратно коснулся пальцем того места, где девочка с другой стороны выводила узоры. Джорди начал плести сложный рисунок, пальцы их задвигались в унисон. Девочка повторяла за ним, не понимая, что пальчик уже не в ее власти. Эффектным завитком Джорди завершил фигуру. Девочка остановилась и посмотрела сквозь свое отражение в темноту ночи. Если бы она могла видеть Джорди, то сейчас она смотрела бы прямо в его широко открытую пасть, но она видела только редкие снежинки, пролетавшие мимо.

Резко развернувшись, девочка бросилась к матери и неуклюже обняла ее, так крепко, как только мог обнять любящий ребенок. Опешившая мать растерянно улыбалась и гладила дочь по голове.

Поток счастья небесно-голубым ворохом незабудок метнулся от маленькой семьи прямо в окно.

Втянув последний лепесток, Джорди довольно клацнул жуткими зубами-иглами и начал быстро спускаться по стене, постепенно заползая за угол. На сегодня достаточно. За неполный век он собрал прекрасную коллекцию: куцое соцветие бледно-желтых цветов полыни от семьи железно завязавшего алкоголика, несколько ярко-оранжевых, словно солнце, календул от старого деда, рассеянно гладившего кота, когда ему внезапно в дверь позвонили сын с невесткой, и внуки забегали по маленькой квартирке. Огромный красный мак от немолодой вдовушки, к которой пришел поклонник. И два почти прозрачных золотистых лютика из холодной квартиры, где молодая влюбленная пара делила на двоих бутылку скромного вина и большой теплый клетчатый плед. Еще была сакура детских мечтаний, несколько белокрыльников новоиспеченных невест и одна крупная лантана от долгожданного первенца в семье. Пора возвращаться, скоро полночь.

Джорди стоял перед Хозяйкой Печалей* в ее ледяном зале. Белые губы Хозяйки улыбались, но прозрачные бесцветные глаза смотрели холодно.

– Твой улов достиг нормы еще прошлой ночью, но пока тебя оформляли... – Она устало вздохнула. – В общем, сегодня мог и не выходить. Поздравляю.

Джорди с озадаченным видом приложил узкую ладонь к своей груди.

– Куда сегодняшнее деть?

Хозяйка кивнула за трон.

– Сдашь, как обычно. Сам знаешь – у нас лишнего не бывает. Нашел что-то необычное? – спросила она, видя, как ее Цаунпфаль не двинулся с места. – Позволишь взглянуть?

Джорди неуверенно кивнул и распахнул свой сюртук. Молочно-белые кости грудины и ребер с трудом сдерживали огромный букет нежных цветов.

– Вижу, что ты действительно постарался, – важно кивнула Хозяйка Печалей, рассматривая буйное многоцветье сквозь его ребра. – Теперь понятно, почему ты так часто не добирал норму. Как тебе это удается? Остальные приносят мне только безвкусное и пошрое однообразие...

Она протянула белую руку к сжавшимся от ужаса цветам, но Джорди быстро запахнул полы сюртука и оскалился: «Не твое!».

Хозяйка в изумлении приподняла покрытую инеем бровь.

– Зачем они тебе? Ты не сможешь использовать их для себя, так не лучше ли отдать это другим?

Джорди отрицательно покачал головой: «Не так». Хозяйка выжидающе смотрела на него.

– Дело твое, – махнула рукой Хозяйка, – мне очень жаль, что столько сил и счастья пропадет впустую. Ты свободен.

Выйдя во двор, Джорди посмотрел в черное небо и глубоко вздохнул. Часы на старинной башне отбивали полночь. С первым ударом скютук начал быстро тлеть. Джорди подпрыгнул и устремился вверх, оставляя за собой след из ярких искорок и тонкой полоски дыма. Поднявшись над городом, он смотрел, как в окнах горел свет, а люди собрались вокруг праздничных столов, дружно отсчитывая секунды до начала нового года. Эти чувства были похожи на бескрайнее лавандовое поле.

«Хорошо», – подумал Джорди, улыбаясь во все свои зубы-иглы. С последним ударом курантов он закружился вокруг своей оси и исчез. Через секунду раздались залпы орудий, и небо окрасилось миллионами ярких огней. Тысячи людей высыпали на улицы, они смеялись и поздравляли друг друга. И никто не видел, как в крупном снеге, опускавшемся на суматошный город, попадались разноцветные лепестки. Опускаясь на землю, они дарили жителям первые крупинки настоящего счастья в новом году.

Хозяйка Печалей отошла от окна в своих белых покоях и устало потерла лоб. Завтра ей предстоит делать выбор, кому-то дать счастья больше, а кому-то – меньше. А значит, предстоит снова переворачивать

страницы в огромной книге и снова разбирать ужасный почерк Красного Старика*. А это так утомительно. Проходя мимо трона, она задержалась. На белоснежном подлокотнике лежал скромный цветок чертополоха.

– Вот какой он, твой маленький секрет. – Хозяйка задумчиво поглаживала нежные лепестки в обрамлении колючек. Грустная улыбка мелькнула на ее губах. – Ты просто хотел любить всех...

С тех пор Хозяйка Печалей делила счастье чуточку щедрее. И каждый раз, когда ее одолевали сомнения, она смотрела на цветок чертополоха, таинственным образом не увядавшего и хранившего цвет среди снега и льда.

---

* *Джорди* – производное от Жердья, русская нечисть, имеет неестественно высокий рост и аномальную худобу (слово *Zaunpfahl* (нем.)– «жердь»). Шатается по улицам, греет руки над печными трубами, заглядывает в окна и пугает людей. Он осужден слоняться по свету без толку и смысла примерно век. В новейшей мифологии имеется западный аналог – *Slender-man*.

* *Хозяйка Печалей* – почти Снежная Королева Андерсена. Хозяйка Печалей отправляет своих Цаунпфалей по всему свету. Они собирают для нее счастье. В начале каждого года Хозяйка делит собранное между людьми согласно записям в книге Красного Старика

* *Красный Старик* – Дед Мороз, Санта Клаус и т.д.

Горько-сладкая симфония

Эрика ходила по кабинету, выгибая одеревеневшую спину и время от времени разминая сведенные судорогой пальцы правой руки у малюсенькой печки с еле тлеющими угольками. Нудные гаммы и классические мелодии уже в печенке сидели, виолончель страшно мешала и все время норовила завалиться набок, подол платья путался в ногах, а треклятый смычок никак не хотел правильно ложиться, и приходилось сильно напрягать пальцы. Вдобавок в просторном кабинете для репетиций было холодно. Возле печки стояло полведра угля, но Госпожа строго-настрого запретила кормить огонь больше, чем нужно, – она так берегла уголь, словно бы интернат топился чистым золотом. «К черту все!» Эрика в отчаянии схватила виолончель, решив садануть ее об угол тяжелого стола, да покрепче, и оживить печурку порцией щепы, но в последний момент остановилась, понимая, что инструмент тут совершенно ни при чем. Горестно вздохнув, она снова села на хлипкий раскладной стульчик в центре кабинета. Перехватив виолончель и пытаясь хоть немного согреться, Эрика решила сыграть что-нибудь свое...

На стене напротив, прямо над массивным столом и огромным резным креслом, стоило лишь слегка поднять

голову, висела большая картина, изображавшая в полный рост наследницу дома Пейннгерров – хозяйку интерната для осиротевших и бездомных детей, за глаза прозванной Госпожой. Дама на картине разительно отличалась от реальности и представляла собой лучшие годы госпожи фон Пейннгерр, когда фигура ее была стройна, лик прекрасен, а взаймы у нее брали даже небольшие князьки и графья. Но так было недолго. С приходом нового правительства из всех имений дому Пейннгерров оставили только старый особняк в центре города, с условием открытия в оном интерната для девочек-сирот. Как бы унижительно это ни было, но госпоже пришлось согласиться. Более того, она даже научилась извлекать выгоду из столь, казалось бы, безнадежного варианта. Какие бы цели ни преследовали революционеры, и что бы они ни предпринимали... природа человека всегда остается неизменной... В интернате осиротевших детей воспитывали для знатных особ нового государства. Им прививали, зачастую насильно, необходимые навыки и выгодно «женили». Весьма скоро госпожа фон Пейннгерр вернула себе все конфискованное имущество и былое положение в обществе. Но свое занятие она не оставила. Ей нравилась полная власть над чужими судьбами.

Историю Госпожи Эрика узнала от своей единственной подруги Беа, которая тайком брала у

Госпожи ключ, пробиралась в ее кабинет глубокой ночью и листала там документы. Беа позволялись некоторые вольности, в связи с поразительными успехами в обучении, и она довольно часто могла заниматься своими делами по вечерам, в то время как Эрика и другие воспитанницы неустанно репетировали. Беа божественно танцевала, выражая в танце такую бурю эмоций, что даже Госпожа это замечала и частенько хвалила ее. Эрику же она не менее часто била по пальцам, локтям, спине и бедрам, заставляя принять идеальную позу для игры или добиваясь правильного хвата смычка. Девочка виртуозно владела игрой на виолончели, но по-своему. Она ненавидела условности и строгие правила и с легкостью могла исполнять одна произведения, рассчитанные на целый квартет, но ограниченность основных позиций сковывала ее, и бедняжке приходилось репетировать снова и снова. Нередко доходило до обмороков, но Госпожу это не волновало. Во время долгих репетиций Беа частенько заглядывала к подруге, и они разговаривали. Эрика была немой с рождения и могла отвечать лишь своей музыкой, меняя тон, громкость и длину звука. Из шестнадцати воспитанниц остались только они вдвоем. Все чаще эти необычные разговоры заходили на тему будущих мужей, Беа нисколько не смущала перспектива жить в качестве личной

рабыни, при условии, что клетка будет золотой. И все чаще они обсуждали молодого не улыбочивого кондитера, который тайком заносил небольшую коробочку к ним в интернат раз в полгода. Шоколад в послевоенное время был безумно дорогим, так что, по-видимому, кондитер имел весьма неплохой доход. Ветреная Беа моментально развила тему, и вот этот юноша уже стал тайным воздыхателем Госпожи, ища благосклонности и лелея возможность занять вакантное место ее кавалера, а с ним в придачу и более высокое положение в обществе. Хохотушка Беа всегда веселила Эрику и могла из простой и обыденной ситуации выдумать остроумную сплетню или веселую небылицу, чем весьма забавляла свою подружку и скрашивала ее вынужденное одиночество. А вчера Беа исчезла. Ее забрали. Вечером они ложились спать, а проснулась Эрика уже в одиночестве. Чуть позже в кармане своего платья она нашла короткую записку, написанную явно впопыхах кривоватым почерком Беа: «Дорогая Эрика. Меня увез крайне интересный мужчина, надеюсь, тебе тоже повезет. Беа». Теперь Эрика осталась совсем одна...

Воспоминания метались в голове у Эрики под аккомпанемент ее мрачной мелодии. Эрика так увлеклась, что не услышала, как из-за разохшейся двери донеслись звуки торопливых шагов, и в замке загремел ключ.

– Господи, что это за ужасные звуки?! – Госпожа влетела в кабинет, рокоча, словно набухшая грозовая туча. – Эрика! Прекрати это безобразие! Немедленно!

Эрика остановилась и отерла пот.

– Что это за непристойная поза?! Как ты держишь смычок?! Сколько раз тебе повторять, что корпус должен быть вертикально, а локти – горизонтально?! – Все эти окрики щедро перемежались болезненными ударами тонкой бамбуковой указки. Эрика выронила виолончель и пыталась хоть как-то закрыться руками. – Сегодня останешься без ужина, и будешь репетировать всю ночь!

Госпожа развернулась и, хлопнув дверью, ушла.

Крупные слезы гулко капали на изогнутую деку виолончели. Губа медленно распухла, багровые полосы на тонких руках нещадно саднили...

Вновь передохнуть Эрика решила, когда толстая свеча прогорела почти на две трети. Подкинув пару угольков в почти остывшую печку, она грела руки, злобно поглядывая на портрет. Внезапно, повинувшись порыву, она подошла к столу и дернула резную ручку верхнего ящичка. Заперто. Бросив взгляд на стол, Эрика заметила небольшой ключ. К ее удивлению, ключ подошел к ящичку. Она снова дернула ручку на себя. Небольшая коробочка, с тихим шелестом проехав по пачке чистых нотных листов, уткнулась в переднюю стенку. В дрожащем

свете свечи на грубоватом белом картоне темнела в окружении завитков тисненая буква К. Бросив опасливый взгляд на дверь, Эрика осторожно открыла коробочку. В ней оказался ворох пустых измятых оберток, источавших еле уловимый аромат. Взяв одну, Эрика повертела ее в руках. Обычный кусочек очень тонкой белой бумаги, с надписью в центре. Уже почти положив обертку на место, она вдруг поняла, что там указано имя. Франческа. Имя было забавно вписано в переплетение завитых линий и крохотных листиков. Тут же в памяти возникла тихая песня. Франческа очень красиво пела, и Эрика жгуче завидовала ей. Франческу забрали полгода назад, самой первой. Положив обертку на стол, Эрика потянулась за следующей. Марта. Она училась играть на фортепиано. Забрали месяц назад. Рука выхватывала все новые кусочки бумаги, и новые лица вставали перед глазами. Мелькнуло имя Беа, и пятнадцатая конфетная обертка легла на стол. В опустевшей коробочке у самого края лежал одинокий крупный шарик конфеты. На обертке было выведено имя Эрика. Озябшая полуголодная девушка, мечтавшая о дополнительной порции пустой каши или лишней картофелине, смотрела на самое изысканное лакомство в своей жизни и не решалась прикоснуться к нему, опасаясь гнева госпожи. Разглядывая конфету, Эрика наткнулась взглядом на

исполосанные руки. Медленно повернувшись, она схватила сладость и, победно показав ее портрету, быстро отправила в рот.

...Тонкая оболочка из молочного шоколада моментально растаяла, высвобождая крохотные кусочки карамели, которые пощипывали язык и лопались с оглушительным треском, словно праздничный салют. За легким пиццикато* карамели последовал весомый бас темного шоколада, со своим густым, обволакивающим, бархатистым вкусом. В него робким фальцетом неожиданно вплелись мята и цитрусовые, слегка освежая вкус и напоминая об изумрудной траве и теплом весеннем солнце. Заключительным громогласным аккордом хрустнула сердцевинка из обжаренного ореха, и жгучий перец слегка ударил ярко-красной вспышкой, заставляя кровь быстрее бежать по венам.

...Удивительно слаженная симфония вкусов была такой яркой и необыкновенной, что Эрика не удержалась и закружилась по комнате, жмурясь и улыбаясь от удовольствия. Остановившись, она подбежала к столу, схватила перо и, выдернув из шкафчика первый попавшийся лист, принялась ловко покрывать его нотами...

От принятого решения Эрику била крупная дрожь. Но она была твердо уверена в нем и быстро собрала инструмент. Осторожно открыв дверь кабинета, она

огляделась. Длинный коридор был пуст. Девушка быстро перебежала его и спустилась по лестнице в холл. Входная дверь была не заперта, и Эрика выскочила в промозглую ночь. Она все время вспоминала лицо юноши и не верила, что создатель такого лакомства мог быть таким печальным. Хотелось отблагодарить его за удивительное угощение и рассказать о том, что все его подарки не доходят до адресатов.

Госпожа услышала, как хлопнула входная дверь. Выглянув в окно, она заметила быстро удаляющуюся Эрику с большим черным футляром за спиной.

– Накинула бы хоть что-нибудь, дурочка... – почти нежно прошептала она и, взяв колокольчик, вызвала служанку. – Отправьте письмо бургомистру, пусть пришлет мне следующих бедняжек. Ну, Кристобаль, теперь это твоя головная боль...

...Эрика тихо подошла к мрачному дому. В отличие от остальных, дом кондитера был темным и мрачным. Адрес она увидела на коробке. Ей повезло – дом был всего в паре кварталов от интерната. Она не спеша стянула с плеча лямку тяжелого черного футляра. Достав миниатюрный складной стульчик, она аккуратно, словно ребенка, вынула из покрытого потрепанным алым бархатом нутра виолончель с вытертыми лакированными боками. Длинный шпиль тихонько цокнул, упершись между камнями мостовой. Ноги встали в нужную позицию.

Пришлось высоко поднять подол, и морозный вечерний воздух щипал ноги между плотной тканью платья и резинкой шерстяного чулка. Задняя дека успокаивающе легла на левое бедро. Завиток грифа устроился на плече, подбадривая, словно старый друг. Спина распрямилась, замерзшие пальцы уверенно ухватили колодку и прошлись канифолью по смычку. Она поглядывала на чернеющие окна, которые молчаливо и бесстрастно смотрели на нее. Закончив натирку, она с изумлением отметила безупречность принятой позы – «Все-таки эта карга добилась своего... нет, так не пойдет!»

Снова взглянув на дом, она подышала на пальцы, слегка подогнула левую ногу и, перекинув виолончель на бедро, держала ее почти на весу. Смычок сам лег в руку так, чтобы указательный палец был свободен. Сейчас она напоминала застывшего мечника, указывающего клинком на поверженного противника. Немного подумав, она отложила смычок и освободившейся рукой выудила из кармана украденную конфету. Недолго полюбовавшись на свое имя, окруженное вычурными завитушками, еле видимыми в темноте, Эрика развернула сладость и отправила ее в рот. Вновь перехватив смычок, она приготовилась...

...Кристобаль сегодня засиделся за составлением нового рецепта для своих особенных конфет.

Предыдущие рецепты по странной причине не срабатывали. Рассеянно перебирая исписанные листы, он думал. После смерти родителей Кристобаль жил один. Претендентки на роль жены все же были, но он не чувствовал в них ничего, кроме желания прибрать к рукам его небольшое сладкое дело. Так что дело ограничивалось только парой ни к чему не обязывающих встреч и разговоров. Узнав, что в городе появился интернат, в котором можно выбрать жену по вкусу, Кристобаль посетил Госпожу. Хозяйка интерната вежливо выслушала его и не менее вежливо, но настойчиво отказала. Сославшись на то, что кондитерское дело, несомненно, приносит неплохой доход, но его недостаточно для оплаты услуг подобного рода, к тому же все девушки воспитываются под определенные запросы, строго в очередности поступления, и спрос на подобные услуги никогда не заканчивается. Тогда Кристобаль, заложив все свое имущество, вновь попытался. И вновь потерпел неудачу – собранной суммы не хватало даже для вступительного взноса. Кристобаль в отчаянии поклялся отдать все, что Госпожа пожелает. Видя такое упорство, Госпожа проявила неслыханную щедрость, заключив с молодым кондитером пари: он может взять себе любую воспитанницу интерната, но при условии, что девушка сама пойдет к нему. Никаких личных

контактов, никакого общения. По истечении пяти лет кондитер, а также все его имущество, переходило во владение Госпожи. Заведомо проигрышное пари. Но Кристобаль согласился. Ровно год он думал, как стать заметным для девушек, еще полгода он составлял свой первый рецепт и оформление коробки с конфетами. И вот уже третий год Кристобаль носит именные конфеты в интернат, но заметных успехов так и не добился...

...Кристобаль прибрался на рабочем столе, запер рецепты в скрипнувший секретер и уже собирался спать, как вдруг, он услышал музыку. Легкое касание пальцами струн простукивало его карамельную броню, ища в ней слабое место. Вот карамельный монолит дал маленькую трещинку, тут же в нее искрящимся золотисто-коричневым горьким каштановым медом потекла мелодия, проникая все глубже и глубже, обволакивая и баюкая на мягких волнах. Постепенно мелодия стала усиливаться, стали проступать тревожные нотки, твердея и сжимаясь вокруг его сердца. Карамельные латы лопнули, разлетевшись на мелкие осколки, впуская в его сердце миллион красок, запахов и чувств. Кристобаль смеялся и плакал, истово молился и грязно богохульствовал. Музыка рвала его на части и складывала из неровных кусков нового Кристобаля, который смотрел на мир совсем по-другому. Что с

ним? Мечась по дому, он выглянул в окно. Перед его домом сидела девушка. Почти оседлав виолончель, она самозабвенно играла. Пальцы бегали по струнам, выбирая аккорды, а смычок рассекал густой воздух, будоража тягучими нотами холодную темную ночь. Боже мой, она же зачоченеет! Пробегая мимо зеркала в поисках теплого пледа, Крестобаль бросил в него мимолетный взгляд и встретился глазами со своим отражением. Все сразу стало ясно. Бушующие чувства улеглись, и Крестобаль, с холодной решимостью схватив шерстяной плед, выскочил из дома....

Прошло шесть месяцев. Госпожа записывала в учетную книгу годовые расходы. В дверь кабинета постучали.

– Крестобаль передавал искренние благодарности, – вошедшая служанка тихо поставила на стол небольшую коробочку из грубоватого белого картона. – И также сказал, что Эрика уговорила его сделать Вам прощальный подарок.

Госпожа отрывисто кивнула. Дождавшись, когда служанка выйдет, она с любопытством придвинула коробочку к себе. «Ох уж эта молодежь...» Едва уловимый, тонкий аромат настойчиво манил, обещая краткий миг блаженства. На крышке в окружении причудливых завитков и крохотных листиков стоял оттиск в виде двух витиеватых букв Э и К.

Екатерина Хозяинова

От автора:

Тяга постоянно что-то сочинять пришла ко мне по материнской линии. Ещё бы: бабушка – преподаватель русского языка и литературы, а дедушка – настоящий писатель! Не такой, конечно, нашумевший, как Лукьяненко или там Кинг, но эти двое вряд ли стали бы делиться со мной секретами мастерства. А вот Владимир Головин, хорошо известный в Красноярске, при жизни давал немало полезных советов. Жаль, что помню не все.

Создание текстов – мой хлеб и моё развлечение. Выдаю по заказам разных изданий то поздравления к юбилеям политиков и организаций, то рекомендации огородникам, то статьи о вузах из городов, в которых никогда не бывала. Мне, кажется, уже доводилось писать почти обо всём. Кроме войны, но, надеюсь, о ней – не придётся.

В свободное время выдумываю другие истории. Там нет ни политиков, ни юбилеев, ни даже советов садовникам. Зато, надеюсь, сохранилась доля процента кайфа, который приходил ко мне в процессе творчества.

В поисках Деда Мороза

Игрушки на новогодней ёлке верят, будто дерево – это целая планета. Их Солнце – ярко-алая звезда на верхушке, а реки – мишура и пучки «дождика», свисающего с ветвей. Их Северный полюс – на карте снизу, поскольку ёлка совсем маленькая и помещается на холодильнике. Игрушки ничего не знают о законах гравитации, но Севера боятся. Потому что сюда они летят, если срываются с веток. А неудачно ударившись, можно погибнуть – разбиться. Их Южный полюс расположен сверху, где проходит труба от отопительной батареи. На Севере – небольшой снег из ваты, на Юге – тепло и солнечно от люстры.

А, в принципе, климат здесь довольно комфортный, ведь ёлка стоит в комнате. Поэтому даже по Северу можно ходить в лёгкой безрукавке. Как, например, пушистый белый заяц, охраняющий ствол вместо Дедушки Мороза. Ёлочные игрушки считают его инопланетянином и слегка опасаются.

Растение здесь имеется только одно: ель. Поэтому планета называется Ёлка. На ней обитают стеклянные шары, это очень глупые животные. Они безголосы и не умеют даже мычать, только брякают да дребезжат.

А вот разумные существа – белка с орешком, картонный медвежонок и другие – более чем общительны. В праздничную ночь они всегда собираются возле старинного, из советских ещё

игрушек, стеклянного самоварчика, чтобы встретить Новый год в своей – тесной и дружной – компании. Так было много-много лет, но сегодня традиция оказалась под угрозой. Пропал потёртый Дедушка Мороз, всегда висевший на самом виду.

Неужели упал и разбился?! Бурый мишка, украшенный блёстками, был задумчив, как склеивший его когда-то мальчик. Он долго смотрел в одну точку нарисованными глазёнками, а потом выдал, безумно стесняясь:

– Мы должны его найти. Мы должны пойти на Север.

Белочка с орешком, не промедлив ни секунды, разразилась треском:

– Если он ррразбился, то всё дело зррря! Ну, посмотрррим на осколки, пррридём обррратно, а смысл?

Медвежонок покачал головой:

– Если он жив, мы должны привести его обратно.

Ватный снеговик, глазастая звезда из фольги и рыжий котик с отбитой лапкой загомонили так, что было невозможно понять, о чём они говорят. Наконец белочка всех перекричала тоненьким, но звонким голосишком:

– Отпррравимся к Хрррустальной Сове, она даст пррразумный совет!

Хрустальной прозвали стеклянную совушку, купленную недавно, но завоевавшую всеобщее

уважение своим невероятным для существа с пустой головой умом. И вправду, она была совершенно прозрачной, подобно хрустальной вазе. Медвежонок и белочка не держались слишком прочно на веточках ёлки – их изношенные петельки легко порвались, стоило приложить небольшое усилие. Теперь можно было отправляться к мудрой Сове за советом. Остальные игрушки, привязанные покрепче, остались дожидаться.

Выслушав сбивчивый рассказ медвежонок и белки, сова погрузилась то ли в сон, то ли в молитву. Время от времени она издавала странный звук, нечто среднее между «Ох» и «Ух». Но ни застенчивый мишка, ни даже болтливая белочка не решались мыслительницу потревожить. И вот, наконец, ответ был готов:

– Невозможно установить смерть ёлочной игрушки, если ты не видел осколков. Вам нужно отправиться на Север и засвидетельствовать факт гибели Деда Мороза. Или, если Фортуна окажется благосклонной, обнаружить его живым и здоровым...

Иногда Сова произносила странные слова, незнакомые другим игрушкам. Однако в общем и целом её речь была понятна. Идти на Север и искать пропажу!

– А как добрррраться до Северррра? – подпрыгнула белка на ветке.

Сова заговорила ещё более многословно и заумно. Она советовала идти вниз.

– И не забудьте посетить заснеженную избушку. Там находится справочное бюро, где вам могут

предоставить любую информацию по интересующим вас вопросам!

Медвежонок сдержанно поблагодарил Сову, а белка своё «спасибо» выкрикнула на ходу, как молния помчавшись по веточкам вниз. Косолапый не мог передвигаться так же быстро, и ей постоянно приходилось возвращаться, ждать мишку.

Неразлучная пара прошла мимо гирлянды, полыхающей, как северное сияние, и пересекла синюю реку из мишуры. Затем пришлось пробираться через небольшое стадо испуганно звенящих разноцветных шариков. Потом долго-долго ползти по крупной ветке, обмотавшись для страховки петелькой «дождя». Наконец они вступили на необитаемые просторы, куда не ступала лапа игрушки...

Там, у самого ствола, тихо мерцал огонёк в окне синей избушки, покрытой снегом из нетающих блёсток. Путники подошли к двери и робко постучались, но никто им даже не ответил. Тогда медвежонок заглянул в окошко.

И вдруг раздался голос:

– Вас приветствует справочное бюро.
Сформулируйте ваш вопрос

Он звучал, как у пластмассового робота, жившего на верхних ветках. Только робот, по настроению, бывал грустным или весёлым, в общем, живым, а голос казался мёртвым. Игрушкам стало страшно, и белочка затараторила

что-то быстро, сбивчиво. Ей казалось, если она промедлит, произойдёт беда.

– Некорректно заданный вопрос. Переформулируйте.

Даже медвежонок не понял, что именно хотела спросить белочка – куда там голосу из избушки! Мишка жестом остановил спутницу:

– Как найти Деда Мороза?

– Дед Мороз, красный нос, известный как Санта Клаус и Йолопуки...

Голос из избушки долго рассказывал про дедушку, но так и не смог дать совет, где же его искать. Тогда медвежонок спросил, далеко ли до Севера. На удивление, ответ был краток: «Он у вас под ногами!» Мишка посмотрел вниз, вдоль ствола дерева, и понял, что до нижних веток и впрямь недалеко. А на одной из них лежит...

На спине, неловко растопырив руки, придавленный мешком с подарками...

Дед Мороз!!!

Белочка устремилась к нему, скользя по веткам легко, как конькобежец по катку. Но ей пришлось ждать, пока спустится неловкий медвежонок – в одиночку не удалось бы поднять на ноги тяжёлого дедушку. Только вдвоём они справились.

– Спасибо, – улыбнулся белобородый старик, – вы успели вовремя. Я уже думал, что не попаду на праздник до боя курантов!

Он обнял одной рукой медвежонка, другой – белочку, и...

И ничего не произошло.

Потому что без магического посоха чудеса творить он не умеет. А посох упал под ёлку. Но как добраться туда?.. Белочка скользнула вниз и сорвалась с ветки!

Медвежонок закрыл глаза и зажал уши, чтобы не слышать звона стекла. Но через пару секунд Дед Мороз мягко отвёл его лапки в стороны:

– Посмотри-ка!

Гигантский белый монстр с длинными ушами держал белку в лапах. Медвежонку показалось, будто он собрался её съесть. Но нет! Белочка свалилась на огромного кролика и даже не ушиблась. Тёплый мех спас ей жизнь. А вот и посох, застрял в ватном сугробе! Мишка хотел было прыгнуть на помощь – ему, картонному, гибель не угрожала. Но пока он косолапил к стволу дерева, кролик выпутал посох из волокон ваты. Он ловко посадил белочку на нижние ветки, вручил ей дедово сокровище, и не успела она сказать «спасибо» – исчез под еловым лапником.

Теперь волшебство удалось. Дед Мороз вместе со своими спасителями перенёсся на верхние ветки ёлки, как раз вовремя, когда закипел самовар. Он успел раздать подарки и поздравить всех с Новым годом. И тут пробило двенадцать...

Новогодний бал на ёлке продолжался до утра. Но это уже совсем другая история!

Иван Миллер

От автора:

Обдумывая наиболее точные самохарактеристики, мне пришло на ум определение «вечный студент» как самое подходящее. Ведь оно включает в себя не только деятельность, но и некую основу мировоззрения. Я смотрю на мир (по крайней мере, стараюсь) глазами мальчишки, которой не устает от вопроса «Почему?». Все остальное, на мой взгляд, не так уж и важно.

Ключ

Солнце душило землю в своих объятиях. Старик смахнул пот, набежавший на лицо, и глотнул воды. До горы оставалось несколько километров. Аккуратно завернув крышку, он убрал бутылку в рюкзак и надел его на плечи. Лямки впились в кожу. Старик просипел: «Ничего» – и зашагал в сторону зарождающейся тени.

Камни мешали идти, прятались в траве, и редкие из них величественно обращались острием к сухому, покрытому дневной слепотой небу. Облака взобрались до непостижимой высоты, от чего старику казалось, что их вовсе нет и над ним только бесконечный белый свет, выжигающий на его коже свидетельство своего присутствия. Воздушное озеро, повинувшись возросшему свету, волнительно покрылось рябью, размывающей очертания подъёма, изрезанного стволами деревьев. Дышать было тяжело, да и идти, впрочем, не легче. Ноги почти не слушались, старик то и дело запинаясь. Рубаха липла к телу, что напомнило ему, как однажды он переплыл реку в одежде. Потом вспомнилась другая река, где он когда-то купался со своей будущей женой. Потом третья река, где купались его внуки.

Он запнулся.

Вспомнился ему и зять, счастливый и пьяный от того, что стал отцом. Вспомнилось, как они в тот

день вместе прятались в сарае от гневного взора Лили, которая на дух не переносила запах спиртного. Старик вздохнул: очень он скучал по своей Лиличке; два года, как ее не стало – рак знает свое дело.

Старик был ей хорошим мужем, за всю их долгую совместную жизнь он так и не произнес ни одного грубого слова в ее сторону, а она так и не научилась готовить суп – хорошей жене это и не нужно. В этом браке родились два ребенка: сын и дочь. Дочь вышла замуж, сын разбился, не дожив до двадцати. У дочери растут два малыша. Каждое лето старик днями напролет возился с внучатами. А когда они подросли, водил их в горы бродить среди диких зарослей и деревьев, помнящих его в том же возрасте. Так и блуждал он по этому лесу воспоминаний, пока не зацепился рюкзаком за ветку, отчего лямки глубоко врезались в тело. От такой неожиданности старик потерял равновесие и упал.

Что-то кольнуло под правым ребром. Обожгло, потекло липкой жидкостью. Старик стал подниматься: оставил на камне алое пятно и клочок рубахи. Просипел: «Ничего» – и полил рану водой, отпив из бутылки. Рана слегка кровила.

* * *

Лес нависал сумрачно-зеленым цветом, между вязью листвы и веток скромно ютилось небо. Воздух

был наполнен ритмичным журчанием сверчков и сочным запахом зелени. Старик осторожно перебирался с камня на камень по пересохшему руслу реки. Лямки рюкзака с каждым шагом врезались всё глубже, а из расстёгнутой рубахи виднелась уже запёкшаяся ссадина. Камни, порой беспорядочно сваленные друг на друга, а порой с твердой гордостью лежащие в основании небольших порогов, оставались пределом небольшой видимости для старика, и лишь ветвистые кроны деревьев, скрывающие собой поворот за поворотом, служили каким-то разнообразием этой картины.

Старик очень устал. Медленно перебираясь от препятствия к препятствию, он часто останавливался попить, и каждую остановку ему приходилось снимать рюкзак и надевать его снова, что причиняло боль. Каждый порог, каждое покрытое мхом, поваленное посреди русла дерево, каждая лужа, скрывающая под собой еще более острые и опасные камни, – весь этот путь показался ему во сто крат сложнее предыдущего.

И вот перед ним оказалась самая большая преграда – каменный отвес, не более двух метров высотой, но зато почти вертикальный, скользкий и оттого особенно тяжелый для поднимающихся по нему. Старик чуть слышно выдохнул: «Ничего» – сделал глубокий вдох и решительно взял штурмом

этот отвес. Он знал, что иначе нельзя, малодушие приведет к бессилию.

Старик цеплялся за корни и уступы, руки начинали его подводить, лямки резали морщинистую кожу, а он как будто не замечал этого, полз вверх, неизменно преодолевая силу притяжения немощностью старого тела.

Рывок. Вырвался стон, и подъем оставлен позади. Старик сбросил с себя рюкзак и, сев на землю, утёр набежавшие слезы, рана его раскрылась.

Немного отдохнув, он волоком дотащил свой груз до цели и стал методично вытаскивать из него бутылки, одну за одной, пока не насчитал двадцать пять штук, помимо двух пустых. После чего начал отвинчивать крышки и выливать содержимое в небольшое озеро, каждый раз приговаривая: «Все, что не нужно, где взял – возвращаю». Закончив с этим, он разделся и нырнул с головой в ледяное озеро.

Оно напоминало по форме глубокую полую чашу, лишь изредка переполняющуюся своей чистой водой. Это озеро было детищем маленького ключа, бьющего из середины скалы, никогда не пересыхающего даже в дни самой жуткой жары. Весело журчал он, и лучи солнца, касаясь воды, благословляли это место радугой. Дышалось легко и приятно. И не было ещё путника, который смог бы забыть встречу с этим чудесным местом. Иные не возвращались, но

непостижимая ностальгия сушила их сердца. Для остальных он становился тайной, которую можно поверить дорогим сердцу людям.

Искупавшись, старик стал наполнять бутылки ключевой водой, плавая от берега к источнику. И когда дело было сделано, он сложил их в рюкзак, оделся, перекрестился и отправился в обратный путь.

* * *

На свою улицу старик вышел вечером, когда ночь еще не надела свое черное платье и где-то за горой тлели лучи уходящего солнца. Было свежо, в окнах горел мягкий свет домашнего уюта, лаяли собаки. Старик шел уверенно, издалека и вовсе было не похоже, что идет старый человек. Бодрости ему придавало нетерпение и мысли, назойливо бормочущие в его голове: «Вот и всё. Вот и славно. Алёшка с Сашкой не скажут больше, что у деда вода теплая. Нет, не скажут. Сейчас зайду, а они как закричат: «Деда, деда!» да на шею прыгнут. Такие ласковые ребятишки растут, дай Бог каждому... дай Бог».

Он шёл, не замечая ни огромного груза, который прижимал его к земле весь день, ни запёкшейся раны. Старик почти бежал мимо молодых лип, мимо ровных, свежевыкрашенных заборов, мимо скамеек, домов и припаркованных автомобилей. Случайные

зрители этого марафона, лениво зевая, провожали старика взглядом, который всё прибавлял шаг, приближаясь к финишу. Возле своего дома он растерянно улыбнулся: «Свет не горит, уснули, поди, сорванцы, с дороги устали».

Старик открыл калитку чуть покосившегося забора, прошел мимо большой ржавой собачьей цепи с пустым ошейником, прошел мимо сарая с обвалившейся прошлой весной крышей и зашел в дом. Сняв рюкзак, он ходил из комнаты в комнату, шаркая ногами. В доме было пусто. «Опять не приехали, – думал он, умываясь теплой водопроводной водой, – ну, ничего. Завтра приедут». Он выпил куриного бульона и уснул беспокойным сном – в ночь последней недели лета ему приснилось, что он умер.

Сергей Потемкин

От автора:

Идеи стихов, рассказов или повестей приходят каждый раз по-разному. Бывает, что это ненароком брошенная фраза, которую сознание разворачивает так, что ее автор не смог бы себе и представить. Иногда обрывок сна, ситуация, которую видишь из окна машины, или газетный абзац срабатывают, как спусковой механизм.

Минуту назад еще ничего не было, а теперь уже есть смутные очертания того, что со временем должно стать законченной вещью. Отправной точкой становится фраза, которой всё должно закончиться, сцена в неизвестном месте между завязкой и финалом или оригинальная ситуация, в которой рано или поздно должны очутиться герои.

А потом задуманная вещь начинает настойчиво требовать своего появления на свет. Иной раз ты просыпаешься среди ночи, зная, что должен что-то написать, и это «должен» мотивирует сильнее, чем обязательства перед реальными людьми.

Но самое интересное, что когда ставишь точку в конце полностью готового произведения, чувствуешь, что сам стал целостнее.

НАВСТРЕЧУ ИЗБРАННОМУ

– Один только Бог знает, сколько тысяч лет здесь не ступала нога человека, – проговорил Ричард Хокс, осматривая подземелье в свете подрагивающего фонаря.

Поверхность земли, залитая сейчас полуденным солнцем, осталась далеко позади. А здесь, внизу, были только холод и темнота. Но когда темноту рассеивали лучи, то оказывалось, здесь есть на что посмотреть. Не то вырезанные, не то проеденные в камне пещеры не были предназначены для пешей прогулки. Отряд из четырех человек продвигался очень медленно, пробираясь по изрытому трещинами полу и неровным лестницам, средняя ступень которых была по колено обычному человеку. Стены кое-где образовывали ниши или выдавались острыми выступами. С потолка, почти недосягаемого для лучей, свисали сталактиты. Среди них Том Хеммер – лидер отряда – пытался найти притаившегося врага, но, к счастью для всех, не находил.

– Хоть я и не Бог, – подал голос замыкавший шествие Саймон Бёрн, – но могу тебе с уверенностью сказать, что людей в этом месте никогда не было. Мы – первопроходцы, хотя и нас не должно здесь быть. Единственный человек, которому якобы суждено

тут появиться – это Избранный, будь он еще раз проклят! Но раз уж ты вспомнил Бога, Ричард, то видит Бог, что я и мой орден сделал все возможное, чтобы пророчество не сбылось.

Том опустил автомат и фыркнул. В тишине этот звук можно было услышать метров за двести.

– Да, сделали! – подтвердил Саймон, пригладив растрепавшиеся черные волосы. – Мы уничтожили все секты, которые, так или иначе, связывали свое учение с дайанами и демонами вообще. Разрушили все алтари этих вырожденков... кроме двух, и то это по вашей вине!

Последнюю фразу Берн адресовал югославскому ученому Милораду Радичу, который взбирался на большой валун, предпочитая этот вариант прыжку через глубокую расщелину, распоровшую пол. Радич был физиком, который большую часть карьеры провел в лабораториях и на симпозиумах. Для ученого такой поход был не только возможностью очередной серии публикаций, но и настоящим испытанием. Не обладая физической выносливостью, Милорад, который разменял пятый десяток, запыхался уже через час пути и тормозил отряд.

– Ну, вы же понимаете, молодой человек, что это не просто алтари нелюбимых вашим орденом демонов, а очень ценные артефакты, – Радич, пыхтя,

залез на валун и поправил съехавшие очки. – Как ученый, я никогда не верил в пророчества о конце света, тем более связанные с какими-то темными силами и неким Избранным. Но когда я изучил материал, из которого сделаны алтари, то я был просто потрясен! Такое ощущение, что он обладает всеми физическими свойствами сразу и меняет их в зависимости от частоты излучения ближайшего к нему источника электромагнитного сигнала. Из этого материала можно делать все, что угодно! А ваш орден оставил только алтаря два, предав огню все остальные.

– На карту было поставлено слишком много, вы же знаете о пророчестве. Но мой вопрос, которой я задал еще до спуска, остается открытым. Что вы здесь делаете, Милорад? Хокс – единственный, кто может перевести дайановские письма. Хеммер – военный, без него бы никто не пошел, я же представляю тех, кто защищает всех людей уже тысячелетия.

– А разве не ясно? – спросил Том. – Вы уничтожили почти все вещество, которое ученые окрестили “абсолютом”. Где же взять еще, кроме как в подземном городе демонов?

– Вы что, сдурели?! – закричал Бёрн.

От неожиданности забирающийся на валун вслед за Радичем Хокс вздрогнул и сорвался. Совершенно

неуместная под землей шляпа из пробки, которые надевают для сафари, отлетела в одну сторону, а вылетевший из руки фонарь – в другую. Он ударился о каменный выступ, звякнул и погас. Прежде чем к Ричарду подошел Саймон, Том лихо перепрыгнул через расщелину и подал руку упавшему.

– Спасибо, Том, я просто не ожидал, что он... – Хокс покосился на Бёрна.

– Я не ожидал, что вы испугаетесь, – ответил тот, не собираясь извиняться. – Но отправляться в город готовых пробудиться демонов за своим долбаным “абсолютом” – это безумие.

– Не забывай, что только из-за ученых с их долбаным “абсолютом” на твой орден и его миссию обратило внимание правительство, – вмешался Том. – Только благодаря им над нами построен самый совершенный охранный периметр из существующих. Сюда просто нельзя проникнуть тайно, а ведь твои демоны не могут пробудиться без прибытия Избранного, так? Значит, можно без опасений собирать это вещество.

– Если спускаться в подземелье из-за таких мелочей, то Избранный обязательно прорвется. Вы даже не представляете, как он хитер!

– Скажи это кому-то другому, Саймон. Я всего лишь исполняю приказы, – Хеммер нашел упавший

фонарь и поднял его. – Разбит. Не нравится мне это – нам лучше вернуться.

– Нет! – вскрикнул Бёрн. – Мы должны дойти до конца и убедиться, что последняя дверь цела. Эта наша задача.

– Но ведь если бы дверь была открыта, то об этом бы знали все, – подал голос Милорад. – Ведь пророчество говорит об ордах демонов, которые вырвутся на поверхность под предводительством Избранного?

– Да, это так, но мы должны убедиться. Пойдемте дальше, – он первым направился к валуну, на котором стоял ученый.

Посмотрев ему вслед, Том пожал плечами.

– Ладно, пошли, – и добавил, обращаясь к Ричарду, – держись поближе и скажи, если увидишь надписи – я тебе посвечу. Пока все повторяется?

– Только одни и те же символы, – заверил его Хокс.

В пещере, по которой шли исследователи, гладкие места на стенах были использованы, как доски для письма. На них красовались вырезанные, как утверждал Саймон, когтями символы, каждый из которых в высоту был не меньше девятнадцати дюймов. Ни одной закругленной линии, только переплетение прямых шрамов на гладкой

поверхности. За час путешествия Хеммер насчитал двадцать четыре такие доски, и везде одна и та же последовательность символов.

Ричард перевел эти знаки, как приветствие, которое оставили демоны человеку, который должен был разбудить их через миллионы лет сна. Больше никто не смог разгадать смысл дайановских надписей, которые еще называли “каракулями демонов”. А Хокс смог, чем привлек внимание ученых, военных и заслужил повышенный интерес ордена. Его лидеры не хотели рисковать и пытались прикончить Ричарда, пока военные не взяли его под свою защиту и не отправили переводить знаки на алтарях.

Потолок дальней части зала, до которой добрался отряд, стал ниже, а концы гигантских сосулков были так близко, что до них можно дотянуться рукой. Воздух оставался холодным и не казался затхлым, но от него начинало щипать в носу, как будто вокруг распылили немного перца.

Хеммер остановился перед лестницей из десятка гигантских ступенек. Она вела к квадратному провалу в стене, над которым находилась еще одна доска с древними знаками.

– Двадцать пятая, – прокомментировал он.

– Все то же, – отозвался Хокс, на этот раз даже не сверяясь со своей записной книжкой.

Поднявшись на лестницу вслед за остальными, Саймон задумчиво произнес:

– Мы уже близко.

– Откуда знаешь? – бросил через плечо Том.

– Чувствую.

– А скажи мне вот что: зачем вашему ордену было уничтожать все секты после того, как над входом в это место был возведен непроходимый периметр?

– Не бывает непроходимых периметров. А что касается сект – мы всегда действуем наверняка.

– Я слышал, что Избранный, на которого вы устроили охоту, – мужчина. Но среди убитых, тех, кто поклонялся демонам, были женщины.

– И дети, – добавил Ричард, забираясь на седьмую ступень.

– Да, там были женщины и дети! – повысил голос Бёрн, а его спутникам снова стало не по себе. В здешней гнетущей обстановке хотелось вести себя, как можно тише, а лучше вообще уйти отсюда. – Но вы хоть представляете, что на кону? На кону судьба всего человечества, поэтому любые жертвы оправданны! Знаете, когда под тюрьмой строгого режима был обнаружен последний алтарь, я настоял на том, чтобы всех заключенных расстреляли. Шестьсот двадцать четыре человека. Я считаю, что убил их, хотя лично не приводил приговор в исполнение. И

не чувствую себя виноватым, потому что действовал в интересах остальных семи миллиардов.

– Не чувствуешь себя виноватым, даже зная, что в лучшем случае шестьсот двадцать три из них не те, кого вы ищете?

– Нет, – холодно ответил Саймон.

Лидер отряда хмыкнул и первым вошел в пятиметровый проем. Это оказалось входом в небольшой зал, на противоположной стене которого находилась очередная изрезанная когтями доска.

– Хорошо, что твой орден почти успокоился, а то чего доброго начали бы убивать всех, кто носит символ дайанов, – Хеммер расстегнул верх комбинезона и достал золотой кулон.

До того, как орден, который представлял Бёрн, приняли всерьез, цивилизация дайанов еще не считалась врагом человечества. Тогда ее рассматривали, как могущественных предков, которые оставили свое ценное наследие где-то глубоко под землей. Основной символ дайанов – три круга, один вписанный в другой, которые соединялись в нижней части прямыми линиями. Он до сих пор пользовался популярностью, но уже не считался символом мудрости.

– Его подарила жена, и я считаю этот амулет счастливым. С ним я выполнял все поставленные

передо мной задания. Это же не делает меня Избранным, не так ли?

Бёрн одарил его недобрым взглядом, но промолчал, проходя мимо Тома в малый зал.

– Нет, не делает. Избранного делает таковым не амулет, не участие в секте и не жизнь над демонским алтарем, а что-то другое, – он замолчал и посмотрел на запыхавшегося ученого, который поднялся по гигантским ступенькам последним. – А вы что думаете, Милорад?

– О, знаете, я никогда не верил ни во что, кроме науки, ее силы и точности. Но появились алтари, и с помощью мистера Хокса удалось расшифровать надписи. Я бы никогда не поверил в то, что это возможно, если бы сам не увидел перевод. На алтарях были записаны даты всех ключевых событий истории человечества: научные открытия, войны, заключение союзов, рождение великих лидеров. Из записанных там событий сбылись все, кроме одного, и только у этого события нет даты – это пробуждение демонов с приходом Избранного, – Радич вошел в зал. – Можете считать меня сумасшедшим, но я верю, что пророчество исполнится.

Как только он закончил говорить, за его спиной упала плита, преграждая путь назад. Милорад вскрикнул и отскочил. Том и Саймон были готовы

открыть огонь в любой момент, но на отряд никто не напал. Скоро первый испуг прошел, перестал кричать разволнованный Ричард, и вокруг опять воцарилась непроницаемая тишина, которую не хотелось тревожить.

– Представляете, это же абсолют, – прошептал Милорад, проводя рукой по переливающейся плите фиолетового цвета. Она была немного прозрачной и удивительно гладкой. – Я нашел его!

– Скорее это он нашел нас, – ответил Том. – Когда будем выбираться, сожжем его ко всем чертям, ведь ваш орден так поступал с алтарями?

– Да-а, – протянул Саймон, улыбнувшись, – абсолют боится только огня. Немного больше полутора тысяч по Цельсию, и на его месте останется фиолетовая лужа. Не зря я взял с собой канистру ракетного топлива.

– Как вы можете? – возмутился Радич. – Это же самое редкое вещество на Земле.

У него была заготовлена целая научная тирада, но его прервал Ричард:

– Посветите на знаки, мне кажется, они не такие, как прежние!

Двафонаря тут же метнулись на противоположную стену. Знаков на ней было в два раза больше, чем на других стенах.

– Вначале все так же, – скороговоркой произнес подбежавший к стене Хокс, – род демонов приветствует Избранного, который поведет их на поверхность, что принадлежит им по праву, а человечество прекратит свое существование.

Он начал быстро листать блокнот, бормоча себе под нос.

– Ну? – нетерпеливо бросил Саймон, подходя ближе.

– Сейчас-сейчас, – ответил толстенький человек в шляпе из пробки. Его губы продолжали шевелиться, а глаза бегали по рядам знаков.

– Здесь написано... – наконец сказал Ричард и побледнел. Он повернулся к трем своим спутникам. Его глаза расширились от испуга, а на круглом лице появились капельки пота, несмотря на окружающий холод. – Здесь написано, что когда-нибудь в этот зал войдут четыре человека. Один из этих четверых и есть Избранный.

Том нервно сглотнул слюну. Было слышно, как у Саймона закрипели плотно сжатые зубы. Он перевел свой фонарь со стены на лицо Хокса.

– Ты уверен?

Хокс не успел ответить, потому что тишину нарушил громкий смех Милорада:

– Несколько миллионов лет назад! – выдавливал он из себя между приступами смеха. – А они знали,

что будет именно так! Значит, этого не изменить – мы проиграли.

– Замолчи, – закричал Том. Но Радич и не думал замолкать – у него началась истерика. Сквозь смех он предлагал использовать детскую считалочку, чтобы узнать, кто из них Избранный.

– Я сказал, перестань, – разозлился Том и пошел к ученому.

– Я еще не все перевел, – затараторил Ричард, – пожалуйста, посветите на стену. Там еще три строчки. Наверняка что-то важное!

Его услышал только Саймон, но он не отводил от Хокса луч фонаря.

– Значит, Избранный – один из нас, верно, Хокс? – он облизал высохшие губы. – По-моему, тебе самое время рассказать, откуда ты знаешь язык демонов.

– Мы все уже покойники! – хохотал на другом конце зала Радич, прислонившись к стене из фиолетового абсолюта. – Да здравствуют демоны!

– Замолчишь ты, наконец?! – Хеммер взял его за грудки и хорошенько встряхнул.

– Я увлекаюсь шифровальными системами и... и... просто понял, что значат эти символы. Давайте я переведу до конца, – начал оправдываться Ричард.

– Значит, ты просто понял, а остальные специалисты из тридцати семи стран мира сказали, что это невозможно?

Хеммер не слышал этого разговора, глядя, как пятидесятилетний ученый теряет рассудок. Он не мог справиться со смехом и нес полную чушь, выводя солдата из себя.

– Заткнись! – с этими словами Том влепил смеющемуся мужчине пощечину.

Ученый был на целую голову ниже Тома и значительно уже в плечах. Он отлетел в сторону, как тряпичная кукла, и, ударившись головой о стену, не издал больше ни звука.

– Пожалуйста, давайте я переведу все остальное, – сказал Ричард, чуть не плача. – Мне... мне приснилось все это! Я во сне понял, что значат эти символы!

– Во сне, говоришь? – переспросил Саймон. Выражение его лица изменилось, и вместо смятения на нем читалась решимость. – Помнишь, что я рассказывал про тюрьму?

Не переставая всхлипывать и повторять: “Давайте я переведу”, Хокс лихорадочно закивал.

– За это я тоже не буду чувствовать себя виноватым.

Оглушающие выстрелы громким эхом разнеслись по всему подземелью. Стоящий над трупом Милорада Том повернулся в их сторону. Он наставил свой автомат на Бёрна, а тот уже целился ему в грудь.

Они стояли друг против друга, слушая мечущееся по пещерам эхо выстрелов.

– Я не хотел, – тихо сказал Том, перехватив взгляд Саймона, который смотрел на групп ученого.

– И я не хотел, чтобы все так случилось. Но мне пришлось это сделать.

– Что теперь? – спросил Хеммер, прикидывая свои шансы. Конечно, стрелял он лучше, но когда два человека стоят с автоматами в шести метрах друг от друга, то это не важно.

– Я рожден для того, чтобы не допустить прихода Избранного в это место.

– А как же я?

– Ты носишь на шее символ дайанов, который называешь амулетом.

– По-твоему, это весомый аргумент?

– Когда на кону семь миллиардов жизней – да, весомый.

Несколько минут они молчали, продолжая все так же стоять с оружием в руках. Хеммер смотрел в сторону Бёрна, но мыслями он был очень далеко. Он думал обо всех тех, кто зависел от исхода этого дьявольского испытания.

– А ты не будешь чувствовать себя виноватым?

– Нет, – холодно ответил Саймон.

– Тогда давай, – Том Хеммер опустил автомат.

Еще одна очередь разорвала тишину, и грудь лидера отряда, из которого в живых остался только один человек. Он стоял посреди зала в окружении трупов своих спутников и слушал, как эхо уносится куда-то вниз по единственному коридору.

– Я сделал это! Пророчество не исполнится, потому что Избранный мертв! Охота закончена!

Торжествуя, Бёрн перезарядил автомат и побежал вниз по лестнице из гигантских ступенек, уводивших в бесконечность. Позади остался зал, в котором Ричард Хокс так и не успел перевести три последние строки надписи, древнее, чем само человечество. Там было написано: “Избранным станет тот из этих четверых, кто останется в живых. А остальные будут принесены в жертву, и их кровь разбудит спящую армию дайанов”.

Саймон Бёрн не слышал, как далеко внизу открылись двери. Те, последние двери, что скрывали спящую армию демонов, которая начала пробуждаться. И первые из них поднялись из мрака бездонной пропасти, где так долго ждали своего часа. Они поспешили навстречу тому, кто поведет их армию на поверхность, тому, кто был рожден для этого. Они поспешили навстречу Избранному.

Стихи

AT THE SEA

Маргарита Чекунова

Genius loci*

Никаких видений, разум в полусне...
Я – твой добрый гений в сумрачном окне.
Я – твоё сомнение, твой не смолкший свет.
Сонное знамение – наш с тобой секрет.
Ты устал и бредешь (отголоски дня!),
Ты уже не веришь в вечность и в меня.
Тем тебе дороже мой безмолвный клик
(разве я не то же, что оконный блик?).
Рвы и магистрали чудны с высоты.
Знай: тебя избрали, и избранник – ты.
Ты ещё напишешь, что не написал,
Ты ещё услышишь всё, что я сказал.
Ты, я знаю, ранен этим, и давно...
Как притихше странен взгляд твой на окно.
А наутро скажешь: «Нынче на заре
Пряли вьюги пряжу, свет дрожал в стекле».
Март 2013 года.

---

* добрый гений (лат.)

Зеркальный этюд

Она стояла в зеркальной тьме.
Она писала на полотне.
Я наблюдала через стекло –
И кисть плясала, и ей везло.
Я ей кричала: держись, мой друг
И лишь не вырони кисть из рук.
«Я знаю правду! Я не должна»,
Рука исправна, изгиб – струна.
Но вот – паденье: две капли вниз.
И – исступленье. И на пол кисть.
Не взгляды – угли. Удар со зла.
В тот миг потухли все зеркала.
Смотрю и строго её сужу.
Ищу предлога. Не нахожу.
Летит в безвестность бумаги скоп.
Теней и жестов калейдоскоп.
Опять преграды? Но сник запал.
И снова: взгляды с глубин зеркал.

Май 2013 года.

Фантазия

Мечется суховей.
В прериях – западня.

Я – голубых кровей.
Не предавай меня!
В скачке я в первый раз.
Как бы не выдать вдруг
Ни выражением глаз,
Ни положением рук,
Ни содроганием плеч
От непристойных слов.
Кто-то умеет в смерч
Мчаться поперек голов.
Я не могу смотреть,
Как хлещут в бок коня.
Я потеряла плеть.
Не выдавай меня!
Солнце – на небесах,
Сердце – в моей груди.
Мой горизонт – в слезах,
Только не подведи!
Буду держать правей –
Бешено, напоказ.
Я – голубых кровей.
Дерзость – лишь мой наказ.

Июль 2013 года.

Вокалисту

Он – из старых книг английских
юный паж.

Истин строгих и пуристских
верный страж.

Он певец просторов дальних,
неземных.

Серых снов моих начальник,
и цветных.

Лицедей ты или странник –
не гляди!

Острый камень-многогранник
на пути.

Не подруга, не невеста –
скользок лёд!

Плещет зарево протеста.
Он – поёт.

Владимир Фурсов

Кто?!

Неуёмная правда до боли проста:
Эти раны не смогут зажить.
Время рушит за нами опоры моста...
Кто разучил нас любить?

Кто разучил нас любить?!

Нам казалось, что лето не кончится
Никогда!.. Никогда в наше дерзкое
Забутьё не войдёт одиночество,
И мы будем с тобою до ста.

Как любили мы по-настоящему
Мир любовью святою и детскою!
Как любили друг друга!.. дрожащими
Целовали устами уста!

Что осталось от нас, посмотрите же! –
Не сердца – перегоревшие лампочки!..
Словно в граде затопленном Китеже
Мы оставили юность свою –

Ту девчонку – беспечную, милую,
Что смеялась и пела... Ой, мамочки! –

Я стою над её могилою
В буерачном, заросшем раю...

Ничего не осталось... у ног
Лишь студёною струйкою кровь;
Лишь разорванный в клочья ненужный комок...
Кто же убил в нас любовь?

Кто?! Кто убил в нас любовь?!

Винить может каждый

– Почему его все винят?
– Потому что винить может каждый...
– А за что, за что он распят?
– Да народу это не важно –
Лишь бы было плюнуть в кого,
И в кого лишний раз бросить камень,
И горящего сердца пламя
Затушить – затоптать ногами.

– Заслужил ли он этой кары?
– Да по сути – не больше многих,
Просто выбился из отары –
Не пошёл по всеобщей дороге...
Эта масса сметёт с пути
Всё, что чуждо её пониманью;
Эту жертву ведут на закланье,
Чтобы тупо себя спасти...

– Неужели никто не поймёт?
Неужели никто не поможет?!
– Ха... выходи из толпы, идиот,
Если хочешь судьбы похожей...

Июнь 2010 года.

Палач безупречности

Белый лист безупречен, но скучно смотреть на него –
Как на небытие было скучно смотреть Демиургу...
Я вдохну в него жизнь – пусть моей авторучки перо
Пелену безупречности режет, как скальпель хирурга.

И, родившись в просторах бескрайней вселенной души,
Обретут свою плоть на бумаге и мысли и чувства;
Там – в преджизненном сне я услышал: «Иди и пиши!»
Я пришёл... я пишу... я не мыслю себя без искусства!..

Говорят, что в конце всё живое погубит прогресс,
Только сердце мне шепчет, что все мы живём
не напрасно –
Обречённым не стали бы слать откровенья с небес...
Значит, мир будет жить ещё долго... и это прекрасно!
Сентябрь 2013 года.

Облака-эмигранты

Облака-эмигранты – небесный обоз,
Мимо нас, не заметив таких коротышек,
Напоив Землю-Мать серебром своих слёз,
Ставши белыми – лёгкими, ставши превыше
Наших будничных сует, проблем и дилемм,
Унесутся, не зная границ и запретов...
Где же Родина ваша? Куда и зачем?!
Лишь одна тишина

будет полным ответом...

Апрель 2013 года.

Евгения Зонтикова

Первый скелет

Я первый свой букет держала в тайне,
Скрывала от чужих пытливых глаз.
Торжественно, как взрослой на свидании,
Цветы мне подарили! В первый раз!

Улыбчивый парнишка-шестиклассник
С тяжелым разноцветным рюкзаком
Так неожиданно устроил праздник
Разбойнице со спущенным чулком!

Куда теперь букет? На столик, в вазу?
Да ни за что! Начнутся от семьи
О «женихах» вопросы. Может, сразу
И в загс пойти с детсадовской скамьи?!

Подальше от насмешек старших братьев,
От маминых всезнающих «ну-ну»,
В шкафу, в тени пальто и старых платьев
Я сделала убежище ему.

Он вял и засыхал, как банный веник,
Темнел, как промокашка от чернил.
Но гордо нёс свой крест мой первый пленник:
Он чистоту влюблённости хранил.

Зурбаган

В Зурбагане не было меня.
Вот бы мне приехать в этот город,
Чтобы утолить душевный голод
Тихой песней в бухте у огня!

Уличных прикармливать котов,
Слушать шум прибоя, чаек крики,
Ночью наблюдать, как пляшут блики
В гавани скучающих судов.

Улицы извилисты, круты,
Розовые крыши, ветер с моря,
Лодочки о погоде спорят,
Мачты молча смотрят с высоты,

Продаёт старушка свежий мёд
Морякам улыбчивым, как дети.
Под водою ждут улова сети,
И в саду тенистом кто-то ждёт.

Встречи ждёт, дыханье затаив,
И спугнуть боится этот вечер,
Где знакомый и такой беспечный
Тихой песни слышится мотив.

Мост

Я мост, ведущий в никуда.
Казнён без дела и суда.
Дожди и снегопады

Меня жалеют, не хотя.
Невыношенное дитя
Строительной бригады.

Я недостроенным стою.
Я от людей не устаю –
Они проходят мимо.

Я лишь опора. Без перил.
Судьбу мне мастер подарил
Ржаветь неотвратимо.

Я, засыпая, вижу сон.
И в нём я – встреча двух сторон.
Двух берегов далёких.

Я грусти и тоски конец,
Начало дружбы двух сердец,
Уже не одиноких.

Бальник

Мой парень – бальник. Чувствую себя
Немного неуклюжей и неловкой:
Спина дугой, а ноги – как морковки.
Стою, смущенно юбку теребя...

А скоро все увидят – о, позор! –
Как кружимся мы в первом нашем танце,
Как от волнения я пойду румянцем...
На белом платье кружевной узор.

На пиджаке сиреневый цветок.
Он безупречен. Я – почти что тоже.
И музыка мурашками по коже.
И по паркету – шорох наших ног...

И мне уже не страшно! Я лечу
За ним, таким уверенно-спокойным.
На миг поверив, что его достойна,
Я прижимаюсь к тёплому плечу.

Екатерина Петрова

Нормальные герои

Кому-то не надо шпаги
И шпор на сапогах.
Не блещет пожар отваги
В чьих-то простых глазах.

Но кто-то, забыв о боли,
Грудью закроет дзот.
Пока остальные герои
Будут искать обход.

* * *

“Мы друг другу ничего не должны” –
Это я наизусть заучила.

Обещания были как швы,
Я поэтому их не просила.

Только что-то срывалось внутри,
Когда снова хлопали двери...

Мы друг другу ничего не должны,
Мы любить никогда не умели.

* * *

Боли не нужно, хватит!
Я улыбнусь, уходя.
Я тебе больше не Катя,
Я – как обычно – ничья.

Вот, посмотри, я не плачу.
Стоит ли глупость слез?
Слезы нисколько не значат
Здесь, среди трав и берез...

Мне эти травы шептали
Про бесполезность обид,
В косы мне радость вплетали,
Взгляду вернули нефрит.

Снова в ромашковом платье
Буду рассветы встречать.
Боли не нужно, хватит!
Я научилась прощать.

* * *

Я люблю этот запах ночного костра,
Чей-то шепот глухой в тишине.
Эту дикость просторов, сводящихся с ума,
Эти пятна зари на Луне.

Я люблю, когда бешено сердце в груди,
И безумие пляшет в зрачках,
Когда в мыслях пылает одно “вперед!”
И волною – то счастье, то страх.

Я люблю, когда хочется просто любить,
Ничего не желая взамен,
Просто верить и также бесхитростно жить,
У небес не прося перемен.

Я люблю, когда ты прикоснешься к плечу,
Улыбаться в мерцающий мрак.
И на тихий вопрос – отчего я молчу,
Я люблю отвечать: “Просто так...”

Ирина Евстигнеева

* * *

У Котяныча кота
Есть в характере черта,
Данная самой природой, –
Лень. Лежать ему охота.
Никаких иных забот
На себя кот не берёт.
Всё ему лежать-валяться,
Больше нечем заниматься.
На ковре разлёгся кот,
Круглый выставил живот,
Щурит глаз и всё момента,
Что его погладят, ждёт.
Он вальяжный, словно барин.
В доме только он хозяин.
Остальные? Да вы бросьте!
Так. Порой заходят в гости.
Ну а если кот неожиданно
Возжелает поиграть
(Что само собою странно),
То его не удержать.
Он бежит, топочут лапы.
Хочет он «добычу» сцапать,
Вертится, как заведённый,
Акробат непревзойдённый.

На него глядишь порой:
Так он увлечён игрой!
И забыты лень и вялость,
Точно это кот другой.
А потом, спустя немного,
Снова кот наш станет строгим,
Важным и меланхоличным,
С поведением обычным.
Не желает кувыркаться,
Хочет вновь лежать-валяться.
Озирается лениво.
Но зато – какой красивый!
Так и хочется его
Приласкать всего-всего:
За ушами почесать,
За загривок пощипать
И погладить по спине.
Я довольна, кот – вдвойне.

Андрей Лебедев

Сиянье звезд на рукоять ножа
Причудливым орнаментом ложится,
И лезвие задумчиво кружится
В моей ладони возле тростника.

Заточенным пером по стеблю
Вычерчиваю письмена
Молитвы древней, неизвестной,
Но очень важной для меня.

Сиянье звезд на рукоять ножа
Причудливым орнаментом ложится,
Очерчивая письмена
Молитвы древней, неизвестной

Заточенным пером по горлу дня.
Задумчивое лезвие кружится,
И древним написанием ложится
Сиянье звезд на рукоять ножа!

Иван Миллер

* * *

Задыхается вечер в сумерках,
опускается звёздный мост.
Ослеплённый хрустальной улицей
волочу свой облезлый хвост.
Ветром хлещет мороз по вороту,
ветки прячутся в серебре.
Запинаясь, бреду по городу,
утонувшему в январе.
Под ногами дороги заснеженны
роем вьющихся белых слез.
Мне подачкой бросают нежности,
я им верю – я верный пёс.
Доверяя, склоняю голову,
я покорен – хоть палку кинь.
Ведь не зря я усвоил смолоду:
«Всяк надежду свою покинь».
Меня гладят, щекочут за ухом,
так бесстыдно напомнив мне
две ладони с хмелящим запахом,
что являлись ко мне во сне.
Так дрожали они взволнованно,
так любил я на них смотреть,
до того их теплом очарованный,
что хотелось от счастья петь.

А теперь не услышать голоса,
только гадкий, протяжный вой,
от которого дыбом волосы,
от которого я – глухой.

И забитый тоской и холодом,
утонув в паутине рук,
я увидеть хочу расколотым
засиявший, хрустальный круг.
И тогда в наступающей бездне,
надеясь разбитым стеклом,
я спою свои гадкие песни
окровавленным языком.

Ночь накинула плащ, ссутулившись,
пробивается кость луны,
по холодным, хрустальным улицам
бродит пёс, разлюбивший сны.

* * *

И огнём воспыхает бронза
прядей моих волос.
Пусть горит она ярче солнца,
пусть горит она ярче звёзд.
И пускай вокруг шепчут люди,
что воришка я или плут.
Оборванцев больше не будет,
потому что я – Робин Гуд.

Дарья Плодник

Богу

Если это – твое испытание тоже
Для моей малолетней и скудной души,
Хорошо. Будь пожестче со мной, мудрый Боже.
Отними и друзей, и любовь, и гроши.

Пусти по миру в тонкой рубахе, босую.
У тебя поважнее найдутся дела.
Видишь – люди то пьют, то воюют,
В самом деле, чего я роптать начала?

Закаляй меня. Выкуй стальной позвоночник.
Научи подниматься, чтоб падать опять.
И, как день неизбежно становится ночью,
Мне придется покорной и праведной стать.

Если ты меня делаешь стойкой и сильной,
Разучи тогда плакать, совсем осуши.
Да, и дал бы мне тело стройней и красивей –
Камуфляж поудобней для новой души.

Это будет нелегкая жизнь, правда, Боже?
И красивый финал, на киношный манер.
Отодвинь лет на сорок мне смертное ложе –
Было глупо бы сдохнуть сейчас, например.

Andante con dolore

Двенадцать сорок пять. “Ну здравствуй, кухня!”
Давно налит когда-то вкусный чай.
“Я посижу чуть-чуть?”. Часы над ухом
В который раз три четверти стучат.
Проклятый метроном! Кем заведён ты?
Andante con dolore день за днём!
Твой механизм не подлежит ремонту,
Пока в движении маятник – живём.
Час сорок пять. И чай подернут плёнкой.
А может, просто пелена в глазах.
Ночным пит-стопом в повседневной гонке
Отмечен промежуток на часах.
Два сорок пять, три сорок пять, четыре...
Не спит ребёнок выше на пролёт.
И там, в такой же маленькой квартире,
Совсем другие ритмы, темпы, счёт.
Пять сорок пять. Не дремлет нить вольфрама.
Никем не тронутый холодный чай.
Ну почему (здесь в голос больше драмы!)
Так хочется грызть локти по ночам?!
Шесть сорок пять. Горячий чай. Будильник.
Сдают ночную смену фонари.
Раскачен маятник. Звонит мобильник.
Andante con dolore! Раз... Два... Три...

У меня сейчас, знаешь, такое время...

У меня сейчас, знаешь, такое время,
Когда были мечты, а осталось бремя.
Человеку внутри не подходит тело,
И все чаще слова заменяют дело.
Где должна быть грусть, там теперь бравада.
Про себя: "Хочу". В голос: "Нет, не надо".
Без нужды – зачем? Раз должна – то буду.
Сердцу – быть скромней. Голове – рассудок.
Ночь не спать, днем мечтать о ночи.
Паузы длинней, разговор – короче.
У меня к тебе, знаешь, такая просьба –
Раздобудь-ка ларь, молоток и гвозди.
Схорони ту девчонку, кем я была.
Ты же помнишь, когда она умерла?

По одному неотвеченному...

По одному неотвеченному
На каждом телефоне из списка “друзья”.
Обычное дело – вечно они
Пропадают, когда пропадать нельзя.
Нет, можно, конечно, позвонить маме,
У нее в это время вряд ли дела.
Но что я скажу ей? “А ведь
Ты знаешь, ты зря меня родила...”?
В этом городе, лучшем городе на земле,
Человеку с гирей на сердце
Один путь – танцевать на столе
В кабаке алкогольное скерцо.
В этом стремном городе, чужом городе
Где мой дом? В какой из съемных квартир?
Здесь каждый своим путем убегает от голода,
Но финиш у всех одинаков – сортир.
“...Мама, когда этот город поверит,
Что я своя? Когда стану старухой?
Или он специально держит открытыми двери –
Давай, мол, лети, перелетная муха!”
Я даже знаю, что будет дальше.
Мама скажет: “Все горе твое от ума.
Одевайся теплее, ложись пораньше”.
...Как же хочется быть дурой, ма...

Анжела Бецко

* * *

Чертили ласточки штрихи
на лазурите небосклона.
Слагались дивные стихи
в кружении неугомонном.

А голуби брались читать
и возмущали голубятни.
Должно быть, прозой дышать
им было проще и приятней.

* * *

На стенах и на потолках
в том храме, как в твоих стихах,
проснулись фрески.

Мелодия плыла, как дым.
И храм был чудно-голубым.
И все воскресли.

Глядел незримый третий глаз.
Молились ангелы за нас
Богам всевышним.

Читал псалмы протоиерей.
И мы толпились у дверей.
И пахло вишней.

* * *

Багровая луна за стеклами,
рассерженная и распухшая.
Глаза невидящие. Блеклыми
все вещи делаются, скучными.
Ушную раковиную чуткою
ловлю пространства пробуждение.
Спит и во сне шевелит губками
любимое стихотворение.

* * *

Февраль. Февраль. Зима на убыль...
Я знаю всё о феврале:
как стыннут на морозе губы,
когда целуют их во мгле,
как колоколом ходит платье,
когда вплетается в подол
вдруг ветер... как твои объятия
над всем творят свой произвол.

* * *

С тобой говорили о разных вещах:
об истинном, ложном в искусстве,
о сочности мяса говяжьего в щах,
о пошлом и низменном чувстве,
о том, что твой папа любил рисовать
(хорошим бы стал маринистом),

о том, что на свете есть стол и кровать,
где должно быть честным и чистым,
о том, что картины стоят у стены
(всё занятость – надо повесить!),
о том, что давно жить мы вместе должны,
но нужно домой: уже десять.

Василий Полушкин (Екатерина Выдрина)

* * *

За все дороги пережитых лет,
За радость и печаль, за тихий свет,
За слово, попадающее в цель,
За звон сосуллек, вербу и капель,
За золотое облако вдали,
За взгляд, который горе исцелит,
За счастья миг, за месяцы скорбей –
Я благодарен, Господи, Тебе...

* * *

Крест нам дан по силам. Гати и трясины
Хлюпают под нами – смертный, трепещи!
Но сплетут узоры на болотах зимы,
И раскинут вьюги белые плащи.
Слава Богу, живы! Я ли не везучий?
Господи, ты слышишь тонущих в скорбях!
Встанет на дороге неслучайный случай,
Распрямляя спины верящих в Тебя.
Что нам злые толки, топкие болота,
Скользких гадов шелест, долгие дожди...
Как Петра когда-то Ты провел по водам,
Так и нас над бездной к небу проведи.

* * *

Еще одна Вселенная зажглась,
И просит титьку новая принцесса...
Она, как все мы, голой в мир пришла –
Полметра рост, три килограмма веса.
И так нам странно, глядя на нее,
Чуть приподнять грядущего завесу:
Как песенку впервые пропоет
Та, в ком сейчас три килограмма веса...
Ей суждено смеяться и болеть,
И над Шекспиром хмуриться упрямо...
И в школе доводить учителей –
Вот этой, в ком сейчас три килограмма.
Она однажды сердце украдет,
И для двоих взойдут на небо звезды,
И кто-то на колени упадет –
Пред этой, в ком сейчас полметра роста!
Ну, а пока – ей на руках тепло...
Ест, писает и плачет то и дело.
Хочу понять, как в эти три кило
Вместиться все грядущее сумело?!

* * *

Мы уйдем. Нас зовут небеса – или бездна.
Бес протянет копыто,
А ангел – крыло.
Но останется дом, или сад, или песня,

Или сын, или дочь,
Или несколько слов.
Посмотри, приглядишься – эти несколько
строчек,
Этот сын, эта песня – они хороши?
Уходя, на земле ты оставишь кусочек
От себя. От гнилой иль крылатой души.
Дом...
Каморка?
Громада уродливых зданий?
Трехэтажный коттедж?
Иль резной теремок?
Твои мысли, твой грех и твое упование...
Отпечаток крыла – иль копыта клеймо...
Что припомнят?
Твою неподкупную честность?
Откровенную подлость, добро или зло?
Мы уйдем, но останется сад или песня,
Или сын, или дочь,
Или несколько слов.

* * *

Нос держите по ветру – говорит пословица.
Ветер-то неласковый, быстро просквозит...
Но порода гончая разве успокоится?
Нет, не остановится, не притормозит.
Снова к хате шлёпаю как-то неохотно я...

Ой ты, лес сентябрьский, грузди из-под ног!
Ой вы, гуси-лебеди, птицы перелетные,
Залетайте вечером к нам на огонек.
Жизнь ежом прокатится – нет ни сна, ни роздыха.
На обрывах в сосенках грузди соберем.
Нос держите по ветру! Чуете, как в воздухе
Терпко и неласково тянет сентябрем.

Анна Шушунова

* * *

Ада и Ида – две сестры.
Ида стройна, умна, молчалива,
Ада толстушка, шумна, болтлива.
Ада и Ида во всём равны.

Ида влюбляется только раз,
Тихо грустит в тишине у камина.
Ада полна алым цветом кармина
С Ады не сводят мужчины глаз.

Ида забудет про день и ночь,
Ада, борясь за сестру, станет сильной.
Станет умней и, пожалуй, красивей...
Ада не сможет ничем помочь.

Ида умрёт через двадцать лет
В спальне тихой, молясь на икону,
Ида примерит чужую корону,
Палач ей поможет покинуть свет.

Ада и Ида – две сестры.
Ада уходит своей дорогой,
Ида останется недотрогой.
Обе не знают себе цены.

Мария Цыганкова

С недавнего времени не люблю поезда...

Предельно трезвый, пахнувший табаком,
Пылью плацкартной, в тамбурной темноте
К неоткрывающемуся окну лбом
Прирастает, вглядываясь в нигде.
Посреди самой большой никчемно ничейной страны,
Где проступает сквозь рельсы снежная соль,
Он четверть жизни двигается в Сибирь.
Ночь верстовые считает с пометкой ноль.

* * * /самый/

В съемной малометражной
Окнами на арбитражный
Любили друг друга нежно.
А в перерывах между
Ему становилось важно,
Кто и в каких с ней раньше
Состоял до него?
Спрашивать – так и не научился
За почти год совместных.
Впрочем, она прекрасно
Помнит, о чем прежде
Подобно ему молчали
Случайные предыдущие.

Она поводит плечами
И шепчет:
“Ты – самый лучший”...

*** (спасибо)

Когда рядом нет человека,
легкого на подъем,
Отвечающего – давай!
На твое – пойдём.
Куда – не суть важно:
Хоть в самое пекло, вместе,
Хоть вымокнуть под дождем.
Да просто проговорить до утра
За крепким горячим черным –
Лето теряет яркость, осень – горчит.
Весна выпадает из года
Вообще как сезон,
Если рядом нет человека
Умеющего быть.
Ценить свое время
И время других в нем.

***

Жить на берегу Тихого,
шить ангелов Тильда
из полинялых блузок

И вытертых ветром джинсов.
Кофем залитая простынь
Или вином скатерть –
Станет десятком чердачных
Зайцев, котов замарашек.
Они будут пахнуть ванилью,
Душистым и розовым перцем.
Помнишь, мы говорили
О том, что надо уехать,
Жить на берегу
Черного или Балтийского,
Из пиджаков и юбок
Шить милых медведей Тедди.
Белый распустить свитер
На совушек и собачек.
А перед Новым годом
Имбирных наделать зверюшек
И нарядить елку...
Пожалуйста, хватит думать.
Поехали жить на берег
Японского, там, наверно,
Из голубой глины
Станем лепить свистульки –
Птичек или лошадок.
Расписывать их глазурью
И запекать повторно...

Буду на берегу Тихого
Шить ангелов Тильда
Из полинялых рубашек
И старых твоих джинсов.

* * * /концертный

Коллекционируя женщин как музыкальные
инструменты,
Он в своей жизни каждой находил место,
Соответствуя образу человека-оркестра
Старался играть без фальши, предельно честно.

Арфы, альты, скрипки, виолончели,
Друг с другом соперничая красотой и богатством
звучания,
Ему одному во все свои струны пели
Про то, что одной засыпать невыносимо в
двухспальной...
Девушка-джамбе сменяет застенчивую укулеле.
Башкирский варган – освоена за неделю... вторую,
третью. Далее – осточертела.

Концертный рояль с полутонным строем, идеально
оттемперированный, инструмент неоркестровый,
всегда солирующий
Стал для него несбывшимся настоящим, нечитаемой
партитурой, желанием нереализованным.

Она стоит дороже квартиры, машины, яхты.
Равнодушна к цветам, элитному алкоголю, мехам,
бриллиантам,
Она принимает как данность чужое непостоянство,
Отвечая тем же в самый неподходящий.

Когда она говорит, даже когда просто дышит или
кричит в полный голос о своем счастье,
Кажется, будто на небесах ее слышат и слушают
Те, кто предпочитает обычно быть безучастным.

Чтобы владеть ею, чтобы только к ней
прикоснуться,
Надо несколько лет своей человеческой жизни
Постигать по крупицам искусство беглости пальцев,
Обуздать эмоции, приучить себя не бояться
Одиночества и необратимых его последствий.

Что с ним случилось, рассказать не сможет,
пожалуй,
Ни одна из его обиженных предыдущих.
Вроде бы с той, которая... Яркая вышла пара.
Правда, недолго.
Что не случается – к лучшему...

Салават Сабиров

Ночная тишина

Ночная тишина.
Вдали горят огни,
Идет за мной луна
И светит мне в ночи.

Ночная тишина.
Как воздух легкий, чист!
Я слышу песнь сверчка,
И он – ночной артист.

Ночная тишина.
Я вижу свой аул.
Пришел домой. Жара.
Я окна распахнул.

Ночная тишина.
Как много в небе звезд!
Природа в царстве сна
До часа первых рос.

Ночная тишина.
Уснул. Пройдет тот мрак,
Что ночь в себе несла.
Тогда проснусь и я.

Сергей Потемкин

О санньясе

Ах, этот меркантильный мир!
Жестокий, пафосный турнир.
Хлебнувшие сполна всего
Хотят отречься от него.

Есть верный способ, есть и путь
Свободы полной – вот в чем суть.
Все те, кто к Мастеру придут,
Им имя новое дадут.

Санньясу я приму скорей,
Чучундра, Санчо и Бабслей.
Вся жизнь до этого – мираж,
Кончита, Хулио, Лаваш...

Масяськин-аськин, Тягнибок...
Придумать и получше мог.
Членохургада, Пикачу.
...Я выбрать имя сам хочу!

За каждым – хитрый перевод:
«Тот-кто-кусает-бутерброд»,
«Бегущая-по-лесу-лань»,
И «Сложенная-в-фигу-длань».

Мой Мастер Махантом нарёк -
От издевательств он далёк.
Перед уходом чётки дал
И чётким пацаном назвал.

Теперь я круче горной трассы,
Богаче книжки из сберкассы,
Светлее лампы на сто ватт,
Для входа в рай имею блат.

Я поминутно улыбаюсь,
Восходом солнца восторгаюсь,
Любою всех тварей, как себя,
Постиг я смысл бытия!

Любой вопрос – один ответ:
«Все это суета сует.
Что-то где-то там война идёт,
Мне, признаюсь, всё равно.

Все мы – одно, весь мир – любовь,
А зайцы падки на морковь.
Ответы – в отблески свечи,
В молчанье – от всего ключи».

...Когда придумал этот стих
О темах острых, непростых,

Хотел помочь найти ответ:
«Принять санньясу или нет?».

И в моих рифмах о высоком
Пусть не обидит ненароком
Ехидная тональность фраз.
Ребята, честно, рад за вас!

Письма из Зурбагана

*Сборник повестей, рассказов и стихов
слушателей Школы литературного мастерства
Владислава Крапивина
при Тюменском государственном университете*

Корректор: Татьяна Назырова

Отпечатано в ОАО «Тюменский издательский дом».
625031, г. Тюмень, ул. Шишкова, 6.
Тел. (3452) 752-000.

Сдано в набор 27.05.2014. Подписано в печать 17.06.2014.
Формат 60х90/32. Усл.п.л. 7,75. Бумага ВХИ.
Заказ № 1967. Тираж 500.

40p

НОВАЯ ЦЕНА
40p 5 - коп.

"... Ощущение того давнего вечера
вернулось ко мне, когда я стал читать
рассказы студенческого сборника «Письма
из Зурдаланна», составленного молодыми
авторами и редакторами нашей «Школы
литературного мастерства». В них —
отзвук грановских историй о силе любви и
стремлении преодолеть одиночество.
Пусть нет в этих сюжетах борьбы с
морской стихией, авантюризм закрученных
фрагментами и заморской жюльки, но есть
желание преодолеть разобщенность
человеческих душ, даже если эти души из
разных миров и пространств».

Владислав
Кранивчи